

лось, почему-то считалось ну не то что опасным для власти, а тем, что он был необычен, непривычен по содержанию, что там ставились разные вопросы, которые вроде как ставить было не желательно.

В общем, для меня лично это была дверь в иной, увлекательный мир. После прочтения повести «Сезон туманов» журнал стал для меня неким магнитом. Я ходил в библиотеки, искал там подшивки журнала. И открывал с дрожью в руках эти стопки, прошитые суровыми нитками, ожидая новых встреч с увлекательными мирами. Это была удивительная отдушина.

Для любителей фантастики «Уральский следопыт» был в ту пору основным окошком в мир удивительного.

«УС»: Сергей Васильевич, вы — один из наиболее ныне известных российских писателей-фантастов. Но база, которая была у вас заложена, всё-таки началась с фантастики советской и с лучших образцов мировой фантастической литературы. Как вы относитесь к тому, что журнал ныне старается формировать у своих читателей определённое мировоззрение, а не просто публиковать «хорошую фантастику»? И что вы сами можете сказать о себе как о писателе сейчас?

СЛ: Конечно, журнал «Уральский следопыт» попал в своё время в определённую ловушку. Он изначально позиционировался как журнал краеведения, фантастики, литературы вообще — т.е. всегда имелась некая дилемма, а что же тут самое главное? Думаю, если бы журнал сделал шаг в сторону фантастики и заявил, что он в первую очередь является журналом фантастики, то, наверное, он бы остался неким центральным органом фантастической прессы в СССР, а потом, может быть, и в России.

С другой стороны, понятно, что эта некая двойственность не могла быть легко преодолена. Я не знаю, право, как можно и нужно было выходить из этой ситуации. Но двойственность, заложенная в журнале, очень сильно ему мешала и мешает, наверное. Стать чисто журналом фантастики — значит, потерять весьма сильную составляющую краеведческого плана, стать журналом сугубо региональным означает потерю интереса любителей фантастики. Причём, прежде всего, тех любителей фантастики, которые привыкли считать Свердловск, Екатеринбург некой фантастической столицей Советского Союза, а позже и России.

Это сложный вопрос, и я не могу сказать, как это стоило делать. Но всё-таки для «Уральского следопыта» при всём его отчасти региональном характере, наверное, стоило сосредоточиться на фантастической составляющей. Точно так же как, скажем, газета «Комсомольская правда», радикально изменив свой характер и содержание материалов, не стала менять название, и это не было нужно. Вот так и «Уральский следопыт» мог, оставаясь журналом с тем же названием, сосредоточиться на фантастической литературе и остаться для нескольких десятков тысяч любителей фантастики основным журналом. А это было бы на самом деле не так уж мало, потому что журнал, у ко-

торого есть хотя бы 20 тысяч активных подписчиков, в нынешнее время был бы совершенно успешным.

УС: Сергей Васильевич, вы лауреат премии «Старт», которая родилась при журнале «Уральский следопыт» на фестивале «Аэлита», вы лауреат главной премии «Аэлита» 1999 года. Эта премия вручалась не исходя из каких-то конъюнктур, а давалась за классную фантастику, которая создавалась в нашей стране. Вы получили её более чем заслуженно. Чем для вас была эта премия? Как вы видите возможности развития фестиваля «Аэлита», который сегодня переживает далеко не самые свои лучшие времена?

СЛ: Для меня это было очень серьёзно, т.к. «Аэлита» была некой вершиной, очень-очень высокой планкой, которую хотелось достичь. Ведь все имена, которые были с этой премией связаны, являлись именами кумиров, мэтров, именами людей, которых я любил, восторгался, обожал. И для меня даже получение премии «Старт», младшей сестры «Аэлиты», тоже было моментом определённого признания, моментом восторга, подтверждения того, что я пишу не зря. В то время мало что значило количество тиражей книг — это слабо отражалось на судьбе писателя, на финансовом успехе. Книга выходила, и далее писатель оставался один на один с мнением публики, читателей, если публика голосовала, если читатели, фэны говорили, что книга достойна премии. Понятно, что премии «Аэлита» присуждали не неким общим голосованием, но общественное мнение на это влияло. Понятно было, что те, кто голосуют в жюри премии, выражают некое, может быть, не осознанное, но мнение большинства. В ту пору не было ещё традиций каких-то согласованных голосований, что позже, на мой взгляд, испохабило множество других премий в фэндоме. В общем, присуждение «Аэлиты» было актом почти сакральным, с ним трудно было спорить. То есть можно было сказать, что я считаю, что премию дали «не так». Но трудно было сказать, что премию «дали не правильно». Это была всегда некая «высшая мера» оценки.

Честно говоря, я испытал некую растерянность: ведь никто не получал «Аэлиты» в том возрасте, в каком её получил я. Для меня это было не получение за заслуги, а скорее некий аванс на будущее. Я понимал, что это некий прецедент, некое изменение, может быть, даже статуса премии, но на самом деле это было очень важно для меня, потому что это было неким высшим признанием, гамбургским счётком. Было два момента существования писателя — до того, как ты получил «Аэлиты», и после того, как ты её получил. Можно было говорить, насколько хороши или плохи отдельные произведения писателя, но получение «Аэлиты» давало определённую точку отсчёта. Заставляло, с одной стороны, строже смотреть на то, что уже сделано, а с другой — заставляло стараться работать лучше, так как ПОСЛЕ получения «Аэлиты» ты уже не имел права работать плохо. Для меня это было очень важно. Я не знаю, как воспринимают сейчас получение этой премии человек, который не имеет того опы-

ропейской части России. «Аэлита» стала неким «региональным мероприятием» — это где-то далеко, на Урале. Насколько, по вашему мнению, сегодня нужны любителям фантастики конвенты, скажем так, не центральные? Насколько этот процесс должен поддерживаться региональными властями как процесс, тоже формирующий мировоззрение нации?

СЛ: Есть такое выражение «Провинция — она не на карте, провинция — она в головах». Большая беда в том, что множество наших прекрасных городов, прекрасных починов и движений, застревает на уровне регионального «самоуничужения». Типа — мы региональные, мы «маленькие», мы далеко от столицы. Это — глупость. Это вредит стране. Страна становится страной именно в тот момент, когда она понимает важность каждой своей части. Важность того, что происходит в Чите, Красноярске, в Екатеринбурге, Туле, Москве и так далее. И здесь нельзя сказать, что какая-то часть страны важнее другой. Страна, в которой всё вершится лишь в одном или двух центрах, — нелепая, увечная, больная страна. Не может быть великой страны, строящей свою культуру на двух-трёх городах, условно близких к некоей европейской границе.

Именно поэтому в своё время «Уральский следопыт» и фестиваль «Аэлита» стали точкой притяжения для любителей фантастики всего СССР, а располагались они далеко не в столице. Возможно, в этом был некий великий смысл, что Свердловск, город, располагавшийся в некоей условной «центральной географической точке страны, внезапно из достаточно провинциального города стал фантастической столицей Советского Союза. Это правильное явление, и никого это не смущало — ни людей из тогда ещё Ленинграда, ни москвичей, при том что непосредственно в самом Свердловске тогда не было каких-то личностей в смысле писателей, которые могли бы стать неким «центром притяжения». Был писатель Владислав Крапивин, но он скорее проходил по разряду детской литературы, был Сергей Другаль, но всё-таки формального повода претендовать на Всесоюзный фантастический центр по наличию достаточного числа крупных фигур писателей-фантастов не было.

Но не знаю, как-то так сложились звёзды, что ли, обстоятельства, усилия людей, любящих фантастику, и Свердловск стал фантастической столицей, и никого это не удивляло и не смущало. И это правильно, т.к. в стране, большой стране, должна быть масса разнообразных центров притяжения. Нельзя в большой стране аккумулировать все интересы людей в одной точке и говорить: «Вот у нас тут столица всего, и здесь у нас будет всё — и певцы, и фантасты, и учёные». Большая страна живёт по своим законам, и в ней рождаются разнообразные центры культурных и иных явлений, не подвластные прогнозам и умозрительным расчётам. И до сих пор Екатеринбург, несмотря на все не вполне весёлые моменты с существованием фестиваля «Аэлита», остаётся в восприятии всех российских любителей фантастики определённым сильным центром притяжения. Это значит, что есть некая пре-

та, что есть у меня. Возможно, для него это обычное дело — ну, получил очередной приз, красивый, хороший, почему бы и нет? А для меня это была некая «эпоха», ощущение того, что я не просто учусь, не просто работаю, а оказывается, то, что я сделал, уже само по себе достойно внимания.

Это на самом деле очень трудно объяснить и выразить. Начинаешь переводить в слова — и получается банальность. Ну всё равно что просить человека признаваться в любви публично, ведь все слова, которые будут в этом случае сказаны, прозвучат несколько фальшиво и неправильно. Есть вещи, которые не любят публичного выражения.

Но для меня «Аэлита» — это точка отсчёта. Я помню тот момент, когда я понял, что написал вещь, которая где-то останется. Это была книга «Атомный сон», и я чётко понял, что эта вещь не просто некое «сочинение», а это нечто чуть большее, это живое, в ней есть то, что называется литературой. И также получение премии «Аэлита» для меня было неким переломным моментом. Потому что я понял, что всё, что я делаю, наверное, несёт в себе что-то полезное и нужное людям. И это было удивительное ощущение!

УС: После фестиваля «Аэлита», который был первым в Советском Союзе фестивалем фантастики, или, как ещё принято говорить, конвентом, появилось довольно много подобных мероприятий. Это «Интерпресскон» в Петербурге, «Роскон» в Москве, «Звёздный мост» в Харькове и другие. Большинство известных конвентов сегодня проходят в центре Ев-

емственность, есть любовь людей к фантастической литературе.

То есть очень грустно всё начинает замыкаться в пределах 2–3 городов, расположенных рядом, связанных коротким сообщением. Это всё замыкается на себе и формирует некую, я бы сказал, «центральную провинцию». Потому что страна, где всё сосредотачивается в центре, получает на самом деле не Центр с большой буквы и провинцию, а она получает две провинции. Одна — центральная, а другая не центральная. И если город, район, регион начинает активно любить в себе то, что у него развито хорошо, что у него сильно, что имеет давние традиции, что у него поддерживается рядовыми людьми и местными властями, то он моментально перестаёт быть провинцией. Не существует провинции как таковой, есть провинция в головах, вот и всё.

УС: Вы публиковались в «Уральском следопыте» уже 20 лет тому назад. Сегодня вы член редакционного совета журнала и, держа в руках новый номер, наверное, можете сказать, как журнал изменился. Что вы можете пожелать журналу сегодня?

СЛ: Скажу, естественно, о разделе фантастики. Как человек, посвящённый в тему, я вижу тут некоторые знакомые мне имена — кое-кто из авторов участники моих мастер-классов. Но я не вижу ни одного имени, которое могло бы привлечь читателей со стороны, что называется. То есть на месте абстрактного молодого человека, который взял этот журнал в руки, я, к сожалению, не могу сказать, что его должно привлекать.

Фантастика в журнале под рубрикой «Аэлита» сегодня зачем-то распределена по всему номеру, она «размазана» между других статей и материалов. Абстрактный читатель, возможно, и не сразу сообразит, что где расположено и что за рубрика это такая. На мой взгляд, тут уж говорю как член редакционного совета, фантастика должна быть выделена одним блоком, как это было когда-то, и к красивому названию «Аэлита» следует добавить пояснение, что это — фантастика. Как, наверное, и к другим рубрикам. Ведь вот не понятно так, с ходу, какие материалы, скажем, в рубрике «Свеча горела».

Между прочим, когда-то в журнале фантастика была выделена в отдельный блок даже со своей обложкой! И любой, кто брал журнал в руки, сразу понимал, что разных рубрик тут много, но есть вот такая главенствующая в какой-то степени рубрика — фантастика. Другой вопрос, журнал обязан привлекать читателей именами. Он не может привлекать только текстами, ведь никто не встанет у киоска или того места, где он приобрёл журнал, и не станет внимательно читать хотя бы 1–2 страницы текста, чтобы восхититься самим текстом и сказать: «Ай да автор! Почитаю-ка я дальше...». Потенциальный читатель должен видеть анонс на обложке типа «Новейший рассказ знаменитого писателя...» и т.д., и т.п. Он должен видеть имена. У журнала своя специфика — надо завлекать, привлекать. Нельзя в журнале напечатать несколько рассказов перспективных авторов и надеяться, что его станут покупать массой любители фантастики — они не ста-

нут его покупать. Современный «обычный» любитель фантастики воспитан сегодня так, что он уверен, что всё, что достойно интереса, рано или поздно, скорее — рано, появится в неких сборниках центральных издательств. А что не появится — так оно и не достойно его интереса. Журнал должен иметь свою чёткую нишу. В «Уральском следопыте», к моему огромному сожалению, по-моему, сегодня нет чёткого понимания, для кого и для чего он делается. Сейчас он делается всё-таки по инерции. Это журнал, в котором есть чуть краеведения, чуть фантастики, чуть прозы и поэзии, чуть материалов о путешествиях. Есть некий брэнд, который пока позволяет держаться на плаву, он есть. Но его ресурс уже сильно выработан, но, к счастью, ещё не до конца. Может быть, стоит подумать о том, что надо брэнд серьёзно реанимировать и сделать

действительно целевым? Надо понять, ДЛЯ КОГО делается журнал? Нельзя одновременно делать журнал для юных «краепытов», желающих пройти по родному краю и найти истоки некой речки, для любителей полазать по пещерам, почитателей поэзии и любителей фантастики.

Есть масса хороших изданий, но таких, кто не понимает, для кого они, кто их реальный потребитель. Журнал идёт по некоей инерции для тех людей, кто его любит и помнит с прошлых лет. А нужно понять, для кого он сегодня, и, исходя из этого, его менять. В сегодняшней форме, увы, это журнал ни для кого и ни о чём. Я говорю вещи жестокие. Но говорю правду!

Интервью провёл Борис Долинго 2 октября 2008 г., г. Екатеринбург

Командор, улыбнитесь!

Поздравляем Владислава Петровича с юбилеем!

Пусть Ваш корабль жизни несётся

на всех парусах по океану жизни!

Желаем Вам попутного ветра,

долгого и счастливого плавания!

С уважением, редакция журнала «Уральский следопыт»

Владислав Петрович Крапивин родился в Тюмени. Закончил факультет журналистики Уральского государственного университета. Ещё во время учёбы был принят на работу в газету «Вечерний Свердловск», несколько лет работал в журнале «Уральский следопыт».

В 1961 году Владиславом Крапивиним был создан детский отряд «Каравелла» (в 1965 году над отрядом взял шефство журнал «Пионер»). Профиль отряда — журналистика, морское дело, фехтование. Отряд существует до настоящего времени, ранее имел статус пионерской дружины, пресс-центра и парусной флотилии журнала «Пионер». Владислав Петрович руководил отрядом более тридцати лет, в настоящее время во главе «Каравеллы» молодые выпускники отряда.

С 1965 года занимается творческим трудом. Первая книга — «Рейс „Ориона“» вышла в 1962 году в Свердловском издательстве.

В 1964 году Крапивин был принят в члены Союза писателей СССР.

В 1982 по повести «Колыбельная для брата» на Киностудии имени Горького был снят одноимённый фильм, удостоенный нескольких премий в 1982—1984 гг.

С 2007 года Владислав Крапивин проживает в городе Тюмень. Владислав Петрович избран профессором Тюменского государственного университета, ведёт в университете школу литературного мастерства.

За долгую творческую деятельность было выпущено более 200 изданий книг Крапивина на разных языках мира, а также на его слова написана песня для исполнения хором.

Дата рождения: 14 октября 1938 года

Место рождения: Тюмень

Жанр: Книги для детей и о детях

Дебют: Рейс «Ориона» (1962 год)

Премии: премия Ленинского комсомола (1975),

премии «Аэлита» (1983), Российская литературная премия им. А. Грина (2001), литературная премия «Малая Уралия» (2001), литературная премии имени разведчика Николая Кузнецова (2003), премия имени Д.Н. Мамина-Сибиряка (2003), премия «Большой Роскон» (2006).

Награды: знак ЦК ВЛКСМ имени А. Гайдара (1983), орден Трудового Красного Знамени (1984), орден Дружбы народов (1989), почётный гражданин города Екатеринбург

УРАЛЬСКИЙ следопыт uralstalker.ru

октябрь 2008

Лидер
Уральского
Турбизнеса
2007

РЕКА ВРЕМЕНИ

<u>Далекое - близкое</u> И. ПЛОТНИКОВ	Крест епископа Гермогена и его судьба	6
<u>Тропой поиска</u> Ю. ГОРБУНОВ	Писательницы России	7
<u>Человек и природа</u> М. ДОМОВ	Сова в экстремале	8
<u>Давным-давно</u> М. ВАХРУШ	Кондовая уральская изба	9
<u>Клуб собирателей</u> А. КОСТИН	Узнают нас по целинкам	14
<u>Портреты</u> А. МОЛЧАНОВ	Бенд-лидер — это звучит гордо!	21
<u>Краеведческая копилка</u> В. ШИРОКОВ	Чудские письма на реке Тагил	26

СВЕЧА ГОРЕЛА

<u>Время мастера</u> Г. ДРОБИЗ	Купи танк, Сергей!	31
	Купанье в Венеции	33
	Однофамилец	34
	Бюллетень	35
	Придурок	36
	Стихи	38
<u>Л. ЛАДЕЙЩИКОВА</u>	Стихи	40
<u>Новые встречи</u> А. СЕРЫЙ	Стихи	40

ВЭЛИТА

<u>Редационный совет</u> Б. ДОЛИНГО, С. ЛУКЬЯНЕНКО	Говорю правду!	2 полоса обложки
<u>Законы Вселенной</u> В. РОГОЖИН Д. ЧЕКАЛОВ	Предел совершенства	42
	«Асклепий»	60
<u>Повод для улыбки</u> В. СОЛОВЬЕВ	Почти вечность	50
<u>Координаты чудес</u> В. МИХАЙЛОВ	Сердце дракона	54

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

<u>Человек в экстремале</u> С. БАБИКОВА	Буркан встречает гостей	63
Т. КУНАЕВА	Мастер-класс по гребному слалому	68
<u>История уральского туризма</u> Р. ТИХОНОВ	Егорьевские скалы	70
	По воде — как посуху	71
	За часами	72
	Утро	73
<u>Дети в походе</u> Е. ШИПУЛИНА	Emercom	74
<u>Экскурсии «Уральского следопыта»</u> В. БАЙДУКОВ	Камень Дыроватик	80

Главный редактор — М. Ю. Фирсов.
Редакторы разделов — Ю. А. Горбунов,
Б. А. Долинго, С. А. Надь.
Худ. редактор, верстка — Ю. В. Ульянова.
Художники — А. Митрофанова,
Я. Ахметшина.
Набор — В. М. Кадочникова.
Корректор — Т. В. Сергеевко.
Фото 1 полосы обложки — М. Ю. Фирсов

Учредитель — ООО «Уральский следопыт».
Издатель — СОЮЗ «Трудовой коллектив редакции
журнала «Уральский следопыт».

Редационный совет —
Владислав Крапивин, Сергей Казанцев,
Борис Стругацкий, Геннадий Пращкевич,
Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов,
Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет —
• Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»;
• Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников
России;
• Семен Спектор, заслуженный врач России.
• Дмитрий Бугров, ректор УрГУ.

Выпуск издания осуществлен при поддержке **Министерства физкультуры, спорта и туризма Свердловской области.**

Все школы г. Березовского получают журнал
«Уральский следопыт» благодаря администрации
города и главе города В.П. Брозовскому

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».
Адрес редакции и издателя: 620014, г. Екатеринбург,
пр. Ленина, 22, 4 подъезд, тел. (343)269-22-34
Почтовый адрес: 620014, г. Екатеринбург, а/я 479
E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.ru

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной
службы по надзору за соблюдением законодательства в
сфере массовых коммуникаций и охране культурного на-
следия по УрФО
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС11-1375, выдано
07.09.2007 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным пра-
вом на логотип и название журнала. Рукописи принимаются
отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30
строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть
подписана автором. Обязательно прилагать информацию
об авторе, указывать согласие на публикацию в журнале,
на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В
первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные
электронной версией (E-mail, дискета, CD).

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При от-
правлении электронных сообщений обязательно заполнить
поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала
допускается только с письменного согласия ООО «Ураль-
ский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт»
обязательна.

Материалы рубрики «Добрые поступки «Уральского
следопыта» и отмеченные знаком публикуются на
правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.ru» вы можете через:

- Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП,
подписной индекс 31646
- Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспе-
чать», индекс 73413
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
- Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
- Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-
ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего за-
рубежья

- Розничная продажа в магазинах «ЖИВОЕ СЛОВО»
- ул. Гагарина, 1-В, тел. 374-76-37
- ул. Пехотинцев, 6, тел. 324-24-40
- ул. Волгоградская, 190, тел. 234-47-73
- ул. Родонитовая, 9, тел. 381-35-43
- ул. Блюхера, 12, тел. 374-53-81
- ул. Победы, 38, тел. 330-16-82
- пр. Космонавтов, 72, тел. 216-38-21
- ул. Крауля, 44, тел. 278-40-46
- ул. Кр. командиров, 23, тел. 367-71-23

«Уральский следопыт. uralstalker.ru», №13 подписан к печати 25.09.2008
года. Печать офсетная. Тираж 4500. Отпечатано в ГУП СО типография
«Монетный шебечный завод», 623700, г. Березовский, ул. Красных
перев, д. 10. Заказ №

Крест епископа Гермогена и его судьба

Гермоген, в миру Георгий Ефремович Долганов, был фигурой и яркой, и сложной. Его церковная и общественная деятельность складывалась трагично. Будучи одним из образованнейших церковнослужителей той поры, он был близок к народу, болел за судьбы страны и одновременно связал себя с крайне правыми силами, вступал в оппозиционные отношения и с царем. Быстро сделал церковную карьеру, будучи посвященным в епископы, через 8 лет после окончания духовной академии, широко известный в церковных кругах, казалось, он должен и дальше продвигаться по ступеням (архиепископ, митрополит...), но в силу необычайных обстоятельств оказался в опале и своеобразной ссылке.

Родился Г.Е. Долганов 25 апреля (7 мая по н.ст.) 1858 года в Херсонской губернии на Украине в семье священника. Учился в Одесской духовной семинарии, но, решив переориентироваться в выборе жизненного пути, сдал экзамены на аттестат зрелости при гимназии и поступил в местный университет, называвшийся Новороссийским. В 1889 году окончил его по двум факультетам — юридическому и математическому, прослушав также курс на историко-филологическом. Но в следующем, 1890-м году поступил в Петербургскую духовную академию, одновременно исполняя работу священнослужителя. В том же году, приняв монашество, получил сан иеродиакона, а в 1892-м — иеромонаха. Академию окончил со степенью кандидата богословия и был назначен инспектором Тифлисской духовной семинарии, стал ее ректором.

В дальнейшем был на других должностях в разных епархиях, занимался издательско-редакторской деятельностью. Был одним из организаторов черносотенного «Союза русского народа». Вместе с иеромонахом Илиодором (С.М. Трифоновым) пытался положить конец влиянию Г.Е. Распутина (Новых), с которым прежде был близок. В письме к Николаю II характеризовал Распутина мошенником и развратником. Был лишен епархии, отправлен в монастырь.

8 марта 1917 года назначен Тобольским и Сибирским епископом. Участвовал в Священном соборе Православной русской церкви в Москве, в восстановлении патриаршества и избрании патриарха (Тихона). Очень много выступал и вновь снискал себе популярность.

После Октябрьского переворота, который не принял, вернулся в Тобольск. Наладил связи с находившейся в заключении семьей Николая II, несмотря на прежние отношения, стал оказывать ей скрытую и явную помощь, содействовал в сокрытии царских ценностей. Действовал в основном через священника семьи А.П. Васильева. Сокровища прятались и в городе, и вне его, в основном в Ивановском (Иоанно-Введенском) женском монастыре и старообрядческом ските в 200 верстах — у М.С. Меженской.

Ожидая ареста, организовал в городе крестный ход, звал к борьбе за веру, против большевизма, благословил царскую семью.

15 апреля 1918 года был арестован. Во время обыска у него было найдено письмо старой императрицы (матери Николая II) Марии Федоровны, в котором она писала: «Владыка! Ты носишь имя святого Гермогена, который боролся за Русь: это предзнаменование. Теперь настал твой черед спасти Родину: тебя знает вся Россия — призывай, громи, обличай!!! Да прославится имя твое в спасении Многострадальной России».

Гермогена отправили в Тюмень, а затем в Екатеринбург. Им занималась и Уральская ЧК. Сидел он во 2-й Екатеринбургской тюрьме вместе с князем Г.Е. Львовым и другими. Им инкриминировали подпольную работу по подготовке восстания, чего на самом деле не было. В той же тюрьме содержались князь В.А. Долгоруков и генерал-адъютант И.Л. Татищев — потомок основателя города, сопровождавшие до того царскую семью.

Гермоген, как и группа Львова, обвинялся в контрреволюционной деятельности, чекисты, руководители области пытались добиться признания, но ни тот, ни другие не признавались. Но если за группу Львова вступился даже Я.М. Свердлов (под давлением неких ходатаев) и они затем были без огласки освобождены, то Гермоген был обречен. Но и его убить было не просто. Надо было сделать это без огласки (без вынесения смертного приговора), найдя предлог. Во всяком случае, не в городе, где верующие воспринимали его за высочайшую священную личность.

Около 10 июня 1918 г. Гермогену было объявлено, что в Тобольске над ним будет произведен суд, и он отправляется в этот город. Гермоген и большая группа

других заключенных, в том числе священнослужителей, были переданы командиру отряда карательной экспедиции тобольского направления чекисту П.Д. Хохрякову, прежде в течение нескольких месяцев председательствующему в Тобольском совете.

Долгое время не все было ясно с обстоятельствами гибели самого Гермогена и особенно его сподвижников. 13 мая 1964 года по поручению ЦК КПСС в Радиокomiteе СССР состоялась беседа с Г.П. Никулиным, бывшим чекистом, заместителем коменданта ДОНА (дома Н.Н. Ипатьева), участником расстрела царской семьи. Он рассказал и о своем личном участии в расстреле князя В.А. Долгорукова (из царского окружения) и других лиц, в том числе священнослужителей, причем под руководством одного из руководителей облЧК — П.Д. Хохрякова. Приведу отрывки из повествования Никулина: «Я сдал Хохрякову и вот этого — епископа Гермогена Тобольского, который играл важнейшую роль в вопросе освобождения царской семьи из Тобольска. Он потом был арестован и доставлен в Екатеринбург... Я ему, значит, этого Гермогена и других, подобных ему сдал. Причем, значит, получил от него расписку очень интересную... «Принято от товарища Никулина восемь (или девять) человек для отправки в поля Елисейские». (Т.е. — расстреливать. Такая вот чекистская «шуточка»!). Далее Никулин рассказывал, что часть жертв — «представителей из Тобольска, которые приехали хлопотать за епископа Гермогена», он вывел из вагона на станции Екатеринбург II, за город, «в лес» (с чекистом В.А. Сахаровым), их «расстреляли и бросили, понимаете, в шурф. Ну шурф оказался неглубоким. (Потом) с Валькой Сахаровым договорились... поехать, посмотреть, что они там... Слышим: вой, грызня какая-то идет. Оказывается, там уже волки расправляются, понимаете, над этими...»

Но, видимо, часть тобольской делегации, как и Гермоген, были увезены Хохряковым далее на восток. Его отряд 14 июня прибыл в Тюмень и, довооружившись, погрузился на Тюменскую речную флотилию из 11 судов. Суда двинулись по течению р. Туры на Тобол, захватив с собой заключенных.

Не доплыв до устья Туры, флотилия в районе с. Покровского (родина Распутина) 16 июня вступила в бой с военными судами и пехотой. В ходе боя Гермоген с камнем на шее был сброшен в Туру. По другим сведениям, убийство было совершено позднее, уже на р. Тобол, в бою под с. Бачалино, который произошел 26 июня.

Тело Гермогена тогда все же было отыскано и похоронено в ограде церкви в Покровском, 23 августа 1918 г. перезахоронено в тобольской пещере, в дальнейшем, по некоторым данным, упокоилось в Иоанно-Введенском монастыре под Тобольском.

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для биобиблиографического словаря)

Г

ГЕДИК Надежда Андреевна

Сотр. журн. «Улей» (1811, №№ У. У11, У111; 1812, № XX1) — Н.А.Г

Масанов.

ГЕДРОЙЦ княжна Вера Игнатьевна (псевд. Гедройц, Сергей; 1876 — 1932), поэтесса, писательница, мемуаристка.

Род. в Киеве; училась в СПб. на курсах П.Ф. Лесгафта. Законч. мед. факультет Лозанского ун-та. Доктор медицины. Ст. ординатор Царскосель. двор. госпит. Была корп. хирургом Сибир. стрелк. дивизии. Первый сб. «Стихи и сказки» вышел в 1910 г. Второй — «Вег» — в 1913. Сотр. в «Заветах» (1913, № 8), «Светлый луч», «Новый журнал для всех» «Сев. Зап.», «Современнике», «Вестн. теософии», «Альманахе муз» (поэма «Дон-Жуан», 1916). Была членом «Цеха поэтов». Авт. пов. «Кафтанчик» (1930), «Лях» (1931), «Отрыв» (1931). Увлекалась теософией. Печ. Статьи по вопросам хирургии, онкологии, эндокринологии. Особняком стоит ее пов. в стихах «Страницы из жизни заводского врача», опубл. в 1910 г. в журн. «Светлый путь». В альм. «Лица» опубл. ее стихотв. и дневник (СПб., 1992).

Масанов; Венгеров. Источ.; «Сто одна поэтесса...»

ГЕДРОЙЦ Елена Константиновна (урожд. фон Барт; псевд. Мария Звездич; 1890 — ?), поэтесса, журналистка

Первые публ. — в «Новом времени» А.С. Суворина. Сестрой милосердия участв. в Первой мировой войне. В годы Гражданской войны — сотрудница Осведверха армии Колчака (1919). С весны 1920 жила в Шанхае, вела русский отдел в одной из иностранных газет, сотр. во многих газетах и журналах. Редактировала газ. «Шанхайское новое время» (1921-1930), была ред.-изд. журналов «Штандарт» и «Нива» (1924-1925).

ЛЗР.

ГЕЙДИНГЕР Н.Ф., авт. воспоминаний; быв. ученица частной женской гимн. в Москве.

Ее в соавт. с Лядовой Н.А. воспоминания в кн. «Памяти Ольги Афиногеновны Виноградской». М., 1916, с130-132.

ИДРДВ. Т. 3. Ч. 2. № 4390.

ГЕЙДУШЕК Ольга (1853 —), драматург.

Род. в Новороссийске, дочь полк. Туркан-Суриновича. Венгеров, Источ.

ГЕЙМАН Вера Осиповна (псевд. Граф Валериан Вега), драматург.

«Лиловые сказки» Ашхабад.

Масанов; Венгеров. Источ.

ГЕЙНАЦ Н., авт. воспоминаний.

Племянница композитора и театр. деятеля А.Н. Верстовского. «Новые материалы для биографии А.Н. Верстовского (Воспоминания о нем его племянницы)». — «Рус. Муз. Газета», 1899, № 48. стлб. 1238-1240.

ИДРДВ. Т. 2. Ч. 2. № 3483.

ГЕЙНИКЕ Ираида Густавовна

(См. Одоевцева И.В.)

ГЕККЕРТ-ШТАМБЕРГ В. (1885 —), авт. воспоминаний.

Член ЛСДРП, потом участница рев. движ. в Германии, член СЕПГ «Незабываемые дни». — В кн. Янис Лутер-Бобис: Страницы жизни революционера-подпольщика. Сб. ст. и воспоминаний. Рига, 1962. С. 223-233.

ИДРДВ. Т. 4. Ч. 2. № 2707.

Начало в №1, 2005. Продолжение на стр. 13

Сова в экстремале

Сову эту я подобрал апрельским днём. Дело было в субботу, я дежурил на нашем участке в Ботаническом саду, и внимание моё привлёк дикий вороний гвалт вперемежку с собачьим лаем. Два больших пса, пробравшиеся на участок, кого-то облаивали, но при этом вроде как побаивались: бросаются – отскочат, бросаются – отскочат. А над ними вился настоящий клубок из ворон. На собак я прикрикнул, и они разбежались, зато вороны плотно облепили на земле что-то невидимое для меня.

Когда я разогнал ворон, то увидел удивительно красивую сову-неясыть: крупная, белоснежная в чёрную крапинку, клюв жёлтый, глаза сиреневые, взгляд кошачий. И так жалко мне стало эту красавицу – пропадёт ведь, если собаки не загрызут, так вороны забьют. Взлететь сова не могла, видно, собаки всё же помяли её. Да и вороны далеко не улетели, а расселись на дереве, ожидая, когда я уйду.

Самому мне поймать сову не удалось. Как только я подходил вплотную, она тут же убегала и пряталась в кустах, а применять силу я не решался, чтобы не покалечить птицу. Пришлось звать на помощь сторожа. Вместе мы настигли сову и набросили на неё мою штормовку (которую потом едва удалось извлечь из цепких когтей). Тут я взял хищницу под мышку – она оказалась мягкой, как котёнок – и мы направились в институт экологии, благо он совсем рядом. Сова притихла в темноте и не вырывалась.

К счастью, в институте, несмотря на выходной, нашлись люди, и мы передали бедолажку специалистам. Сову выходили – она оказалась сильно истощена. А затем решили выпустить подальше от города.

Думаю, пара неясытей жила в дендрарии (это закрытая часть Бо-

танического сада), а так как зима была малоснежной, то добычи им не хватало. Вот сова и прилетела к нам на участок подкормиться мышами, да столкнулась с конкурентами. Вороны вообще не терпят сов: ночью боятся их, а днём начинают преследовать. Когда вороны загнали сову на землю, там её уже поджидали собаки. Только клюв и когти помогли сове уцелеть, и всё же, не будь меня рядом, ей пришлось бы несладко. Но теперь-то, надеюсь, у неё всё будет хорошо.

Кондовая уральская изба

Торцевая доска «вогульские стрелы» и кокошник «изба». Баранча

Уральский писатель Бажов описывал вогул как красивый и высокий народ, живущий в долинах водораздела уральского хребта. Их жилища были красивы. В этом можно убедиться, пройдя по улицам деревень верховьев реки Тагила, стоящих на левом берегу. Здесь еще сохранились дома, украшенные просечной резьбой. Возраст отдельных, рубленных изначально на месте, домов составляет около трех сотен лет, но таких не много.

Типы изб

Типичной постройкой коми западного хребта и вогулов восточного хребта Северного Урала является кондовая изба в виде длинного барака на один конь. Позже зародилось строительство изб на два или три коня. В избе под одним конем в начале дома расположено жилье, напротив скотный двор, а в центре постройки — ворота. В избе на два коня под одной крышей изба, а под другой надворные постройки и ворота. В избе на три коня, ко двору с воротами, пристраивается еще один, но с маленькими боковыми воротчиками в одну створку.

Малая Лая, или Царское Село, поголовно состоит из изб в один конь. Исторические центры в Большой Лае, Балакино, Баранче, Кушве и Тагиле в большинстве своем

состоят из изб на два коня. Изредка можно встретить новгородские вежи о двух жильях, а также становые крохотные избушки, рубленные на месте. На постройку этих домов шла кондовая, то есть сортовая, древесина вековых деревьев, а на бытовую утварь и топливо вогулы старались находить сухостой, избегая без нужды рубить могучие деревья. По их просьбе их окрестным лесам был присвоен статус божелесья. Но с петровских времен леса начинают рьяно вырубать под заводы, заводские поселки, пашни и на углежжение. С приходом заводчиков везде, кроме Малой Лаи, появляются квадратные одноэтажные избы-пятистенки под четырехскатной крышей и такие же двухэтажные дома с пристроенными к ним массивными воротами под кровелькой.

Древний угорский дом представлял собой барак под одним конем. Тесаные доски крыши придавливала массивная колода — тело коня. Перед ее венчал охлупень — голова коня. Ногами коня было несколько слег, выходящих за край крыши и оканчивающихся корягами. На этих корягах держался доблennyй желоб-водоток. В древности вместо окон в срубе, между двумя венцами, прорубались волоковые оконца. Часто изнутри они закрывались задвижной доской. На зиму снаружи натягивали бычий пузырь или вставляли большой кусок слюды, обмазанный тестом из талька и смолы. В деревнях крещенных вогул устья тагильской Салды в окна вставляли слюду, коей богата местная округа. Кондовые избы верхотурских вогул на два коня с волоковыми оконцами можно увидеть на рисунке средне-

векового гравера. Волоковые окна до сих пор сохранились в задних дворах изб Малой Лаи, во многих банях по-черному — они что родня курной избушке или охотничьему лабазу на четырех ногах.

Старый дом

Заглянем в уральскую избу в верховьях Тагила. Старый дом от конька крыши до подпола живёт своей повседневной жизнью. Для ласточек под крышей вырезан полукруглый леток, который украшен резными «лучами» солнца. Пролетая сквозь него, ласточка попадает на чердак, где снопами висят и сушатся целебные травы, в берестяных бураках сухие бобы и горох. Под коньком крыши приютилось крохотное гнездо из соломы, перьев и глины. Рядом огромные шары осинных ульев. На стене, отделяющей чердак от сеновала, висит охотничье снаряжение на полочках и гвоздках. На полу

из стёсанных брёвен, что накатом лежат над сенями, сушится ворох опят и россыпь черёмухи.

С чердака в сенки спускается лестница. Отсюда можно попасть в придел — летнюю пристройку. Из придела, через дверь, в тёмные сенки, где на амбарный замок закрытый чулан. В сенках еще две двери — в избу и во двор. В сенях стоит огромный ларь под муку, а во дворе ларь с овсом и отрубями для скота. Во дворе лошадиная упряжь, отдельно покосная и рыбацкая утварь. Со двора на улицу выходят ворота с воротчиками, дверь в проулок и дверка в огород, ворота в хлев и лестница на сеновал. С сеновала, через дыры над кормушками, можно попасть в хлев и загон. В загоне для лошади ясли, долбленные из огромного бревна, здесь же отдельная клеть для лайки.

В избе чистая горница с домоткаными половиками и кухня.

Посреди избы печь. Рядом стол с лавками, большая бадья под воду и бурак-умывальный за шторкой. У печи деревянный приступок, а под потолком полати. Из кухни в подполье лаз, и в углу дыра для кошки. В подполье основание печи из массивных камней и тесовые доски, поджатые вбитыми кольями — отсеки для хранения огородного урожая. Над избой, крест-накрест, лежат матица и отица — балки из винтовой ели, стойкой на излом. Доски потолка жилья отсыпаны толстым слоем сухой земли, из которой торчит огромная белёная печная труба, идущая почти до самого конька.

Из сенок в избу ведёт низкая, плотно обитая войлоком дверь. Дверь низкая, чтобы много тепла не вылетало, кто зайдёт — нагнётся. Хочешь, не хочешь, и тут же, сам не зная того, хозяевам и красном углу поклонись. Стекла и двойные рамы залеплены замазкой. Между рамами мох и соль, собирая влагу, не дают окнам запотевать. В подполе воздушные окна плотно заткнуты деревянными пробками на мешковине, присыпаны снегом со стороны улицы. Сруб подоткнут мхом и обмазан по торцам известью. На окнах с заиндевевшими стёклами герани цветут. За раскрашенными морозом стёклами белые, прошитые снизу узорами, занавески. А снаружи другие узоры — деревянные.

Украшения

Для украшения избы просечной резьбой приглашали сезонных мастеров, а кто и сам, на свой вкус, украшал деревянные части дома затейливым узором. Деревянной просечной резьбой украшали полотенца причелин, кисть, солнышко, низ надзора и нижние части причелин, торцевые доски, окно над воротчиками двора, низ наличника окна, его бока, и особо богато украшалось очелье наличника — лобовая доска, или кокошник.

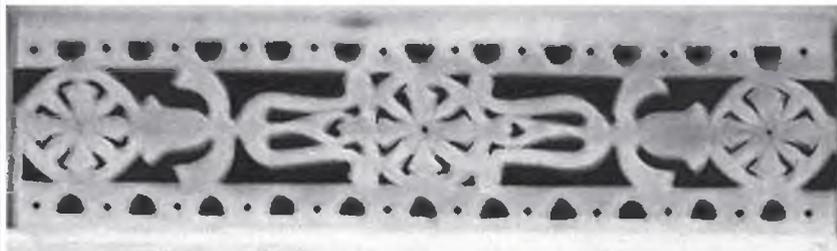
Помимо декоративной красоты, части дома, украшенные резьбой, выполняют защитную функцию. Причелина прикрывает

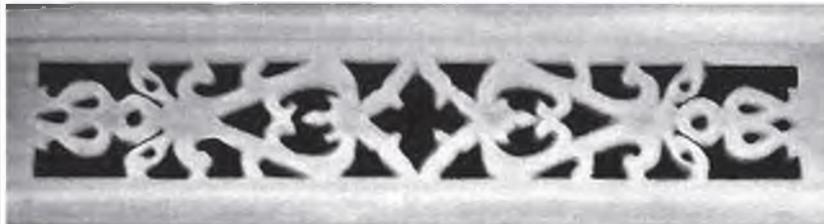
Кокошник «бодающиеся козлики». Балакино

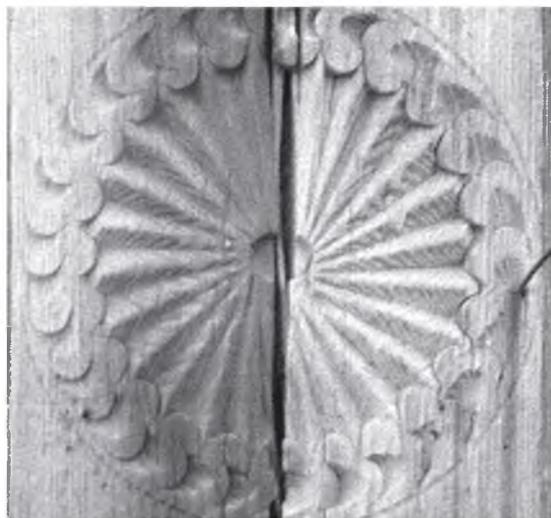
Проём над воротцами двора «рыбы». Большая Лая

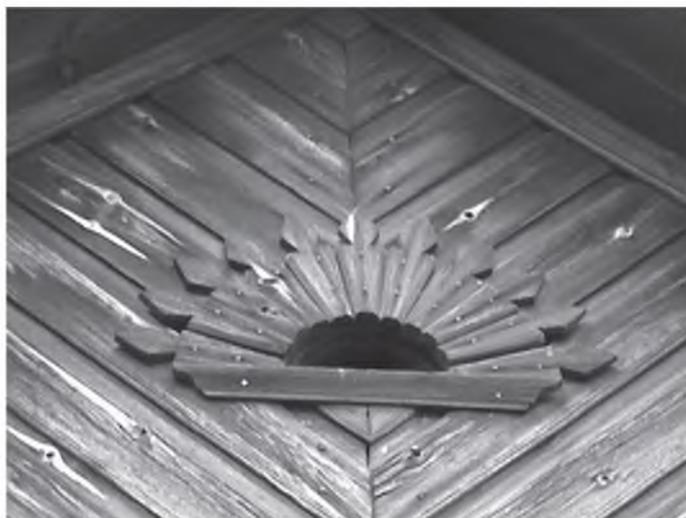
Проём над воротцами двора «Заринь и крес-солнце». Балакино

Проём над воротцами двора «пауки». Большая Лая

Выемчатая резьба «солнце». Ясьва

«Солнышко». Большая Лая

концы торчащих из-под кровли слег и предохраняет ее от сырости и гниения, а стык двух причелин закрывает кисть. Концы причелин украшают полотенца. Подзор закрывает просвет между верхним венцом сруба и досками крыши. Торцевая доска прикрывает торцы сруба от дождя и снега, наличник окна закрывает стык между обвязкой оконного переплета и бревнами сруба.

Мастера переносили узор на доски с шаблонов или пользовались набором лекал, многие сами вырезали себе узоры «на глазок». В начале большую часть узора высверливали при помощи набора коловоротов или воротков с разной шириной лезвия пёрки. Оставшиеся части узора пропиливали выкружной лучковой пилой. Узким полотном прорезали заготовки, имеющие крутые линии изгиба, а широкими полотнами пропиливали плавные, слегка изогнутые или прямые контуры. Для выпилки сложных участков применяли курковые пилы с клиновидным узким полотном.

После пропиливания, при желании, резьбе придавали объемную форму стамеской или охотничьим ножом. Изредка на деревянных частях дома можно увидеть выемчатую и еще реже ногтевидную резьбу. Выемчатая резьба выполнялась тремя подрезками ножа, а скобчатая — при помощи полукруглой стамески. Выемчатой резьбой наносились

лучи солнца, а ногтевидная резьба дополняла выемчатую. Нередко рамы и наличники окрашивали. Краску вогулы делали из песка, который охотники находили в горах.

Деревянная резьба деревень верховьев р. Тагила содержит древние архаичные мотивы, которые роднят ее с пермской культовой бронзой и пермским «звериным стилем». Самым ярким символом уральской резьбы являются солярные знаки. Солнце, выполненное выемчатой резьбой, часто встречается на толстой доске-очелье маленьких станковых избушек, рубленных на месте. Изредка его край или центр обрамляет скобчатая резьба. Солнце на таких наличниках всегда изображено наполовину за краем горизонта. В Ясьве, на трех привратных столбах двора, сохранилась единственная выемчатая резьба — цельный солнечный диск, чьи выемки-лучи украшены подрезками «в елочку», а края окаймлены скобчатой резьбой. На паре домов, в Баранче и Кушве, торцевые доски сруба украшены выемчатой резьбой в виде цельного диска солнца с четвертушками лучей по четырем углам, означающим четыре стороны света. Подобный сюжет встречается и в просечной резьбе, украшающей створки ворот и воротец двора в Нижнем Тагиле, Большой Лаяе и Баранче.

Просеченный узор проема над воротами двора в своем центре также являет образ солнца. Зачастую он выполнен в виде вписан-

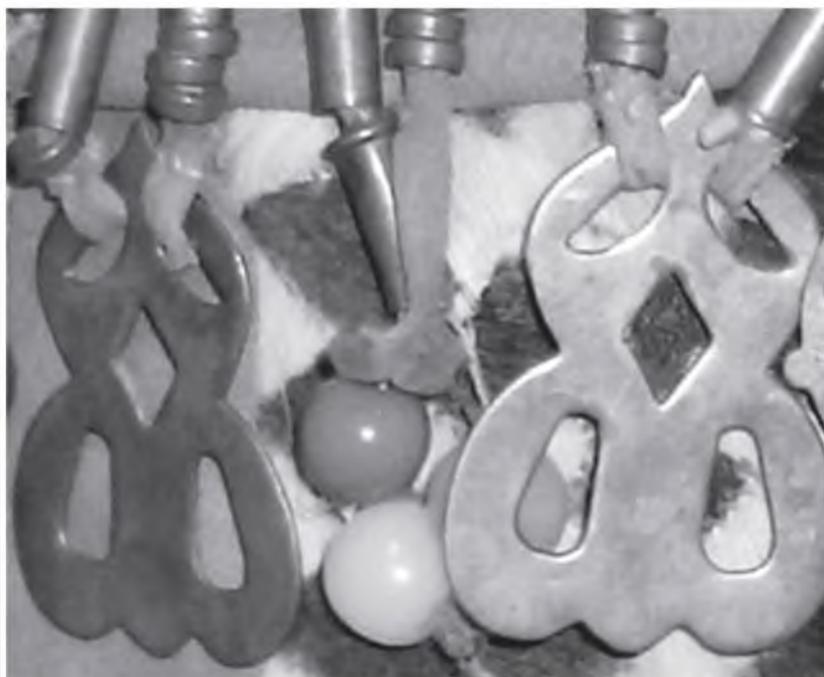
«Калтась на пауках». Прорезная бляха. Пермь

«Крес-солнце». Просечённая бронза. Балакино

Деревянный просечной узор «Пчела». Баранча

Просечённая бронза «Пчела». Ханты-Мансийск

ного в круг креста или заменяется цветком с четырьмя лепестками, а в одном случае это просто ромб. Самый древний и простейший из солярных узоров состоит из косых просеченных крестов с дырками от коловорота на концах. Такие просечки можно увидеть на проеме воротца двора в Балакино и на подзоре из Тагильского музея народного быта.

Под крышей уральской избы примостилось слуховое окно-солнышко. Его лучи-дощечки бывают цельными, их два основных

вида: «полукруг идолов» и «полукруг лодок на берегу» или «полукруг лепестков солнца-цветка восходящего из-за горизонта». Часто макушки лучей-идолов просверливают, иногда досочки-лучи просверливают от центра до низа на разные лады. Иногда просверливают только центральный луч, а иногда все лучи украшают простейшей просеченной резьбой. Пропил лучей-дощечек в виде головы идола сходен с пропилами верха дощечек забора. Этот же мотив встречается в перевернутом

виде — «поверженные идолы». Чаще всего на фасадах крыш деревень в окрестностях Невьянска, откуда началось освоение Демидовыми Урала. В двух случаях ряды «поверженных идолов» из наборных дощечек встречаются на месте подзора в верхней части сруба домов Большой Лаи.

Торцы срубов уральской избы повсеместно закрывает доска с узором. Наиболее архаичные торцевые доски имеют трехчастное деление сообразное с трехчастным делением мира. Средний ярус таких узоров, представляющий мир человека, украшает симметричный узор «вогульские стрелы», а если их наконечники просечены, то это уже «поющие вогульские стрелы». Одна стрела указывает в верхний мир, а другая в мир подземный. Самым архаичным символом верхнего яруса торцевой доски издревле было солнце. Нижний ярус двух старейших домов Баранчи украшает просеченная в виде узора пчела. Пчела эта внешне схожа с бронзовой просеченной пчелой, что украшает, в виде звенящей подвески, низ свесов мансийской шаманской шапки. Пчела занимает нижний ярус торцевой доски оттого, что является спутником медведя — хозяина нижнего мира. На более поздних торцевых досках пчела превращается в набор симметричных завитков. Постепенно традиция украшения торцевой доски забывается, а солнце часто изображается в виде большого цветка в окружении растительного орнамента.

Другой разновидностью просечения торцевой доски является «тотем», это когда вся поверхность доски испещрена узором, а верх такого «тотема» венчает завершение узора в виде шлема. Иногда «тотем» из более простого орнамента располагается в центре доски. Самым затейливым «тотемом» является торцевая доска из села Большая Лая. Его края обрамляют языки пламени в виде бутона из трех лепестков. Этот же узор украшает края единственного просечного наличника деревни Ясьва.

Самым хрупким и мало сохранившимся элементом просечной резьбы предстает кокошник наличника. Зачастую дом сохраняет все изначальные узоры, но имеет развалившийся кокошник или нелепый наличник, созданный в двадцатом веке. Одним из красивейших наличников является наличник с кокошником «бодяющиеся козлики». Эти кокошники есть только в трех поселениях — Балакино, Баранча и Кушва. На нем изображены стоящие на передних согнутых ногах, столкнувшиеся рогами, лесные козлики или козули. Рисунок этого кокошника иллюстрирует предание о встрече на охоте в окрестных лесах вогула Степана Чумпина и беглой из московского посада Аксиньи. Она целила в козла из кремнёвки, и Степан опередил Аксинью и тихо снял его стрелой. Когда он принес к ее ногам добычу, Аксинья отказалась взять козла, да и сам Степан его не взял. Так и остался он лежать посреди леса. Узор «бодяющиеся козлики» говорит о человеческом упрямстве и достоинстве.

Традиционный узор просечной доски над воротчиками двора состоит из симметричных изображений насекомых, рыб, животных и даже человека. Зачастую более крупные контуры теряются в более мелких добавочных растительных узорах и завитках. Как правило, это стебель, лист или цветок. Одним из архаичных вогульских узоров проема двора является изображение человека, держащего на голове солнце. В представлении уральских славян это Заринь, держащая кресс-солнце над головой, или сходный ее угорский образ — Калтась, держащая в виде солнца своего супруга Торума с его солярным знаком сахэ. Этот образ известен из чердынской прорезной бронзовой бляхи, где Калтась держит на голове диск солнца, а в руках змей. Балакинский узор сходен и в этом — в руках фигуры змеи в виде просеченного узора.

Иногда симметричный узор просеченной доски над воротчиками двора совпадает с центральным узором торцевой доски. Так, просеченная доска «рыбы» в Большой Лае сходна с центральным узором торцевой доски последнего деревянного дома Верх-Исетского бульвара в Екатеринбурге. Узор Верх-Исетского дома является более поздним вариантом традиционной уральской резьбы. Эта резьба сложилась в период, когда крестили почти всех вогул Верхотурского уезда. Тогда уральская резьба стала украшать большие дома-лавки богачей округа Тагила, срубы водонапорных башен старейшей железной дороги и пристанционные постройки. Эту просечную резьбу отличает, с одной стороны, строгость изгибов и толщины ее линий, а с другой стороны, потеря архаичности и понимания ее образов. Так с течением веков уральские деревянные узоры утратили свою языческую суть и превратились в элемент простого декора. В настоящее время просечной декор водонапорных башен на участке Свердловской железной дороги от Гороблагодатской до Чусовских станций снесен, а сами башни обиты вагонкой. Уцелела от «ремонта» только одна башня на станции Азиатская. Похожая участь постигает и старые дома, попадающие в руки новых хозяев. А зачастую узоры просто-напросто сгорают вместе с избами.

ГЕЛЬБИГ Надежда Дмитриевна (урожд. Шаховская; 1845 — 1924), авт. воспоминаний.

Жена нем. ученого В.Гельбига. «Воспоминания о Л.Н.Толстом». — «В мире отечественной классики». М., 1984, с.424-441. В ст. «Воспоминание госпожи Г. о Толстом: (К творческой истории «Крейцеровой сонаты»).

ИДРДВ. Т.5. Ч.1. № 423.

ГЕЛЬМАН С.С.

При ее участии (а также Е.В.Бабакиной (см) и Л.А.Старр (см)) был составлен П.Р.Беляевым биографический справочник членов об-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев «Политическая каторга и ссылка» (Под ред. М.М.Константинова) М., 1934, 4000 экз. Большая часть тиража словаря попала в спецхраны библиотек.

Николаевская.

ГЕЛЬСТРЕМ Вера Александровна, переводчица.

Перев. с англ. в «Новом Времени» (1906) — В.Г. Масанов.

ГЕЛЬФРЕЙХ Ольга Всеволодовна, издательница.

С 1869 по 1870 издавала газ. «Петербургский листок». Редактором был А.Супонев.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ГЕЛЬЦЕР Екатерина Васильевна (1876 — 1962), авт. воспоминаний.

Артистка балета. Выступала в труппе Большого театра. «Мой профессор». — В кн. Василий Дмитриевич Тихомиров. М., 1971, с.247-248. (Воспоминания об артисте, балетмейстере и педагоге). Воспоминания о А.И.Южине. — «Лит. Грузия», 1973, № 8, с.91-92. «Совет молодым». — В кн. Мариус Петипа. Л., 1971, с.235-236.

ИДРДВ. Т.4. Ч.4; Т.3. Ч. 3. Указ имен.

ГЕН Зинаида Александровна

(См. Кульжинская, З.А.)

ГЕНДРИКОВА гр. Евгения Григорьевна (псевд. Ларина Е.Г.), драматург.

Масанов; Венгеров. Источ.

ГЕНДРИКОВА Евгения Н., балетристка.

Сотр. «Рус. Сбор.» и «Сбор. Нивы» 1890-х гг. Авт. расск. «Комедиантка» в «Рус. Обзор.» 1894, № 7, 8. Венгеров. Источ.

ГЕНДРИКОВА Л.

Пер. кн. О.Мирбо «Ребенок» (1905).

ГЕНКЕЛЬ М.А.

«Я благодарна своим учителям» \\ Пермский университет в воспоминаниях современников. Вып. 1. Изд-во Томского ун-та (Пермск. отд), 1991. ? надо посм. Диаспора. 3.

ГЕОРГИЕВА А.

(См. Пржездецкая А.Г.)

ГЕОРГИЕВСКАЯ Мария Прокофьевна (1868 — 1919), писательница.

Деят. женского движ. Похоронена на Новодевичьем кладб.

ГЕОРГИЕВСКАЯ Раиса Ивановна (урожд. Соколова; 1891 — 1978), авт. воспоминаний.

Учащаяся Калужского епархиального училища; племянница ученого и изобретателя К.Э.Циолковского. «Памятные встречи». — В кн. Циолковский в воспоминаниях современников. Изд. 2-е. Тула, 1983. С.169-172.

ИДРДВ. Т.4. Ч.3. № 5472.

(Продолжение на стр. 25)

Узнают нас по целинкам*

(Из истории символики, знаков различия и значков студенческих отрядов)

Наградные значки ВСО 70-х и 80-х годов XX века

Наградная система складывалась по мере развития студотрядовского движения. После разовых (эпизодических) выпусков наградных значков с 1973 года начинается регулярный выпуск наградных значков «Ударник».

При награждении этим значком негласно существовала квота — одно награждение на 10-15 человек. Например, в линейном отряде численностью в 30 человек могли быть представлены к награждению значком «Ударник» 2-3 человека. Несмотря на массовость награждений, к значку было уважительное отношение, так как существовав-

шая процедура награждения была весьма демократична (решение принималось на общем собрании отряда или на заседании штаба ЛСО). Значком награждались, как правило, рядовые бойцы. «Ударник» крепился сверху над «кирпичиком» того же года.

Более высокой наградой стал знак ЦК ВЛКСМ «За активную работу в студенческих отрядах», появившийся в 1978 году. Пожалуй, это одна из немногих наград комсомола, избежавшая «инфляции». До конца 80-х годов вопросы награждения этим знаком рассматривались секретариатом ЦК ВЛКСМ

и наградные удостоверения подписывались одним из секретарей. В последние годы существования ВЛКСМ полномочия по награждению этим знаком от имени ЦК ВЛКСМ были переданы Центральному штабу студенческих отрядов. А наградные удостоверения подписывались командиром ВСО.

Запись о награждении этим знаком вносилась в трудовую книжку, а сама награда приравнивалась к ведомственным наградам, что в дальнейшем учитывалось тогда и учитывается сейчас при оформлении пенсии и получении звания «Ветеран труда».

Удостоверение к знаку ЦК ВЛКСМ «За активную работу в студенческих отрядах», которым был награжден в 1990 году В. Башорин, заместитель командира зонального студенческого отряда проводников «Экспресс»

Александр Дмитриевич Костин, 1958 г. рождения. Ветеран движения студенческих отрядов (1974–1991 гг.). Автор многочисленных научных и популярных публикаций по краеведению, нумизматике, бонистике и фалеристике.

* Продолжение. Начало в №9, 2008. Из книги, готовящейся к изданию. Пятидесятилетие движения студенческих отрядов страны посвящается.

Значки отрядов безвозмездного труда

Значки необычной формы из букв «ССО» в виде трех сердечек появились на целинках в 1993 году. Их с особой гордостью носили участники строительных отрядов безвозмездного труда. В последующие годы в движении отрядов безвозмездного труда, кроме строительных — появляются отряды не строительной специализации. Поэтому значок меняется. Он становится округлым и имеет надпись: «СО безвозмездного труда». Буквы «СО» принимают форму сердца. В конце трудового семестра всем участникам патриотической акции от имени ЦШ СО ЦК ВЛКСМ вручалось благодарственное письмо. В Свердловской области эти отряды возникли в 1982 году и просуществовали до конца 80-х годов. В разные годы такими отрядами были: ССО «Надежда» ССТ, межвузовские ССО «Уральский Следопыт» и «Звездный», СОП «Эллада» СИНХ, СОП «Диоскур» СГМИ, СОП «Вита» СЭТЭ и др. Ежегодно на заработанные десятки тысяч рублей покупались, например, школьная форма, пионерская атрибутика для детского дома № 2, автомобиль ИЖ-2715 для Среднеуральской школы-интерната и многое другое.

Значки участников студенческих отрядов безвозмездного труда

Участники Всесоюзного совещания отрядов безвозмездного труда. Москва, 1983 год

Всесоюзные форумы студенческих отрядов

Во всех форумах студенческих отрядов — слетах, семинарах-совещаниях, начиная с 1957 года, принимали участие студенты нашей области.

Но традиция выпусков значков, посвященных этому событию, начинается с 1966 года, когда в Москве проходил Всесоюзный слет ССО, названный Первым. В его работе принимали участие 18 делегатов от Свердловского областного студенческого отряда.

Каждый год семья Всесоюзного студенческого отряда прирастала новыми республиканскими, краевыми, областными студотрядами. И поскольку количество делегаций увеличивалось, нормы представительства уменьшались.

Делегаты Всесоюзного слёта студенческих отрядов от Свердловской, Челябинской, Курганской, Пермской, Оренбургской областей и Удмуртской АССР. Алма-Ата, май 1984 год

Значки участников слета становились солидней, но на уральских целинках их можно было увидеть все реже.

Значки участников Всесоюзных слётов студенческих отрядов

Всесоюзный семинар-совещание руководителей студенческих отрядов проводников

В 1989 году в г. Свердловск на базе «Экспресса» прошел семинар-совещание руководителей студенческих отрядов проводников СССР. Организация этого ответственного мероприятия была доверена Свердловскому областному отряду благодаря значительным успехам, которых достиг на тот момент ЗСОП «Экспресс». В память об этом событии был выпущен значок, автором рисунка которого стал Владимир Башорин — заместитель командира ЗСОП «Экспресс».

Значок и фотография участников Всесоюзного семинара-совещания руководителей студенческих отрядов проводников. Свердловск, март 1989 года

Слово о наставниках

Железная дорога была и остается источником повышенной опасности, где всегда требовался профессионализм занятых на ней работников. Студенты, приходя на работу, как правило, не имеют опыта работы, и поэтому им на помощь приходят опытные кадровые работники дороги. В советский период было особенно развито и поощрялось наставничество. Наиболее активных и преданных делу награждали специальными комсо-

мольскими и даже государственными наградами.

Существовала награда, поощрявшая наставничество. Ее учредителями были ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Одной из награжденных таким знаком была Любовь Александровна Старицына, которая много лет работала с отрядами проводников «Экспресс».

Знак ЦК ВЛКСМ «Наставник молодежи»

Наградной знак Свердловского студенческого отряда

В 1976 году в производственном объединении «Уральские сапожники» по эскизам студентов Архитектурного института было заказано 1400 значков «Свердловск ССО». Для удобства ношения значок повторял форму «кирпичика», но вместо верхнего кирпичика-плиты крепился прямоугольник из камня уральских пород (как правило, яшмы), снизу и слева — украшался изображением лавровой ветви. В том же году на областном слете студенческих отрядов состоялись первые награждения почетным знаком особо отличившихся участников студенческих отрядов. В числе первых награжденных был командир ССО «Горизонт» А.И. Матерн (в настоящее время работает ректором УГТУ-УПИ). К слету успели изготовить только 100 значков. Они отличались от последующих партий густым золотистым оттенком металла. В дальнейшем при оформлении очередного заказа дизайн значка менялся незначительно. Так, значки варианта № 2 отличались длиной лавровых листьев, а часть их тиража украшалась лазуритом. С момента выпуска варианта № 3 и по сей день вместо надписи «Свердловск ССО»

существует надпись: «Свердловск СО» — поскольку возросло число отрядов не строительной специализации (проводников, педагогических, медицинских, торговли, механизаторов и т.д.). Вместе со значком награжденным вручалось удостоверение, оформление которого также менялось. В настоящее время в соответствии с Положением о наградном знаке «Свердловск СО» знаком может быть награжден активный участник студенческого отряда — член МОО «Свердловск СО», отработавший в одном отряде не менее трех лет, и не нарушавший устава отряда. Решение о награждении принимается на общем собрании отряда, рассматривается штабом учебного заведения и утверждается областным штабом. Установлена норма награжденных от одного отряда — один знак на 15 человек.

Вместе с исчезновением Всесоюзного студенческого отряда прекратила свое существование и наградная система. Сегодня знак «Свердловск СО» является высшей и самой почетной наградой для участников патриотического движения студенческих отрядов Свердловской области.

Награждение значком происходит в торжественной обстановке на вечерах трудовой славы учебных заведений или на областном слете ОСТО «Экспресс».

Варианты знаков «Свердловск СО» и «Свердловск ССО»

Значки студенческого отряда «Экспресс»

Особое место в структуре областного студотряда вот уже 40 лет занимает Свердловский областной студенческий транспортный отряд (ОСТО) «Экспресс». Первыми его организаторами и руководителями были Карелина Г.Б. (СИНХ) и Горбунов П.М. (УЭМИИТ). Первыми СОП были в УПИ: «Экспресс», «Веста», «Улыбка», «Авигя», «Ювента», «Россиянка»; в УЭМИИТ: «Экспресс», «Рябинушка», «Уралочка», «Россияночка»; в СГПИ: «Экспресс», «Антей», «Service», «Пилигрим», «Фаэтон»; в СИНХ: «Экспресс», «Вита», «Дилижанс» и многие другие. Численность областного отряда «Экспресс» в лучшие годы составляла более 1600 человек.

Сегодня достойно наряду со старожилами движения СОП создаются и работают новые отряды.

Для участников СОП в конце 70-х годов выпускались значки с названием зонального отряда «Экспресс». И только через 30 лет эта традиция возродилась.

В отряде существует своя наградная система, в которой самую заметную роль играет Почетный знак «Экспресс». Чтобы его получить, нужно успешно отработать в составе отрядов проводников не менее трех целин.

Ежегодно по доброй традиции в торжественной обстановке на областном слете ОСТО «Экспресс» эти знаки вручаются лучшим бойцам.

Значки участников областного отряда «Экспресс»

Конкурс «Экспресс-профи»

Конкурс профессионального мастерства ежегодно организуется штабом ОСТО «Экспресс». Проводится весной в два тура (первый тур – теоретический и творческий, второй тур – практический, проводится на рабочих местах в рейсе пассажирского поезда), является закрытым и обязательным для участия бойцов всех линейных СОП, имеющих стаж работы проводниками пассажирских вагонов не менее двух целин.

После окончания конкурса у победителей и участников конкурса на целинках появляются соответственно золотые и серебряные значки «Экспресс-профи».

Значки и фотография участников конкурса «Экспресс Профи»

Конкурс «Мисс Целина»

Конкурс профессионального мастерства «Мисс Целина» ежегодно организуется штабом ОСТО «Экспресс». Проводится в августе во время рейса пассажирского поезда дальнего следования среди девушек – бойцов ОСТО

«Экспресс», впервые выезжающих на Целину, предварительно прошедших отборочный тур конкурса. Победителей и участников конкурса, также можно узнать по специально изготовленным для них значкам.

В отряде круглый год

По решению ЦК ВЛКСМ в 1982 году в различных городах Советского Союза начал проводиться эксперимент по созданию круглогодичных отрядов из числа студентов, желающих совмещать учебу с общественно полезным трудом. Подобные отряды в 1982 году были сформированы и успешно работали на промышленных предприятиях и в медицинских учреждениях города Свердловска отряды «Машиностроитель», «Медик» и спецдивизион «Юрист». А в 1984 году был сформирован круглогодичный студенческий отряд проводников (КСОП) «Уралочка». 1 марта 1984 года в первый свой рейс по маршруту «Свердловск – Нижняя Тура» отправился первый в СССР круглогодичный студенческий отряд проводников. 27 июля 1985-го поезд

Наградные и членский (в центре) значки КСОП «Уралочка»

переведен в разряд фирменных. Право быть членом КСОП «Уралочка» предоставляется студентам, обучающимся в вузах Екатеринбурга, имеющим опыт работы в составе линейных СОП. Период работы – ежегодно с 1 октября по 30 июня.

В 1989 году КСОП «Уралочка» был награжден дипломом МПС и ЦК профсоюза за активное участие студенческих отрядов в борьбе за повышение культуры обслуживания пассажиров на железнодорожном транспорте. В 2004 году отряд вновь возродился и успешно работает.

За успехи в работе его лучшие бойцы награждаются Почетным знаком «КСОП «Уралочка». На фирменной одежде бойцов отряда также можно увидеть фирменный значок члена отряда.

Дружественные отряды

Уникальным явлением в движении студенческих отрядов Свердловской области являются отношения дружественных отрядов. Дружественный отряд – студенческий отряд «побратим» – в силу исторической традиции, гендерных отношений, совместной работы на одном объекте и т.п. Особые отношения между дружественными отрядами сохраняются продолжительное время и выражаются в проведении различных совместных трудовых и общественных мероприятий.

Памятный значок и фотография бойцов Свердловского ССОП «Экспресс» и Пермского ЗСТО «Урал-Сервис» - участников первого рейса дружбы в 1981 году

Значки, выпущенные дружественными отрядами Свердловской области

Целинная история УПИ в памятниках фалетристики

Фундаментом Свердловского областного студенческого отряда всегда был и есть самый многочисленный отряд УПИ. Богата памятниками фалетристики его история. В советское время изготовление любых значков в официальном порядке было делом не простым. Требовались многочисленные согласования и разрешение соответствующего цензора. Поэтому, как правило, в официальном порядке заказывались и изготавливались общепитовские значки. Они были посвящены юбилеям студотряда УПИ, слетам и мероприятиям «Весна УПИ». Иногда удавалось и факультетам изготовить свои значки, например, физфаку, который формировал самое большое число отрядов. Крайне редко в

Значки сводного студенческого отряда УПИ

официальном порядке изготавливались значки линейных отрядов. Этим объясняется разнообразие технологий изготовления, различный уровень художественного исполнения и качества изготовления. Их могли изготавливать как в кустарных условиях, так и на высоко технологичном оборудовании (подпольно) – на предприятиях, где трудились родственники студотрядовцев или старики отряда, поддерживавшие своих приемников.

Традиция ношения отрядных значков в Свердловской области имеет свои особенности, и более нигде в стране не повторяется. С окончанием учебного заведения обладатель студотрядовских значков не расстается с ними, а бережно сохраняет и при случае на слеты и юбилеи родного отряда одевает свою боевую целинку с многочисленными значками и нашивками. А чтобы значки не потерялись, их пришивают. Для этой цели некоторые значки сразу изготавливались с отверстиями по углам для последующего пришивания. В настоящее время проблем с изготовлением значков нет, и потому на период после 1991 года приходится основная масса всех выпущенных значков. Сейчас отрядных значков УПИ насчитывается не одна сотня и с каждым годом число их растет. Значки стали частью студотрядовской субкультуры Свердловской области. Так, на некоторых значках есть только название отряда и нет указаний на его специализацию и принадлежность к учебному заведению. За многие годы существования имя некоторых отрядов стало брендом, не требующим дополнительных пояснений.

Значки линейных строительных отрядов УПИ

Значки линейных педагогических отрядов УПИ

Значки СОП УПИ

Бенд-лидер — это звучит гордо!

В апреле 1947 года в Свердловске родился мальчик по имени Николай. Он учился в школе-десятилетке при Уральской консерватории. Казалось бы, ему была уготована судьба академического, классического музыканта. Но однажды его с друзьями, Николаем Головиным (ныне директор Уральского государственного театра эстрады) и Владимиром Чекасиным (теперь это всемирно известный джазмен), забрали в милицию за то, что играли запрещенный тогда джаз. «От саксофона до ножа — один шаг», «Сегодня ты

играешь джаз, а завтра — Родину продашь» — теперь эти лозунги вызывают лишь улыбку, но в конце пятидесятых — начале шестидесятых они могли стоить человеку карьеры и повесить ярлык диссидента. Заслуженный артист России Николай Баранов не избежал гонений. Однако, несмотря ни на что, сумел сохранить и пронести через жизнь любовь и преданность джазу. Конкретно — большому эстрадному оркестру. Он является бэнд-лидером, что, помимо творческой одаренности, требует еще и организаторских способностей.

Н.С. Баранов

Судьба Николая Сергеевича неразрывно связана с городом его юности — Свердловском. Это учеба, работа, становление карьеры, семья. О себе говорит так: «Бывал на гастролях в других странах, а также во многих уголках России, всегда через пару дней тянет в свой город».

Так было и в 1999 году на Международном фестивале в Тунисе, где джаз-оркестр оказался первым русским исполнителем. Дело в том, что местные меломаны желали увидеть именно коллектив из провинции, а не столичный. И для этого обратились в российское посольство. Их просьба была удовлетворена.

— Фестиваль проходил на открытом воздухе, — вспоминает Баранов. — Стояла специальная, очень хорошая аппаратура. Поэтому нам удалось сыграть качественно. Я познакомился со звукорежиссером. Это высокий профессионал. Мы общались через переводчика. И любые наши пожелания были учтены. Состав участников был потрясающий. Знаменитый американский пианист Ахмад Джамаль, дисков которого у меня очень много. Один из лучших альт-саксофонистов мира Кенни Гаррет, а также музыканты-виртуозы из Франции, Англии, Бельгии. В основном, малые составы. И в завершение — джем-сейшн. От нашего оркестра в нем достойно поучаствовали саксофонист Марк Иванцов, клавишник Сережа Баранов, кстати, мой сын.

Во время его учебы в Уральской государственной консерватории имени Мусоргского во второй половине 60-х годов его джазовые пристрастия не приветствовались. Во-первых, кончилась хрущевская «оттепель», а во-вторых, в данном музыкальном вузе никогда свинг не играли. Поэтому когда на третьем

курсе студент Баранов со товарищи попробовали собрать биг-бэнд из учащихся оркестрового отделения, после третьей репетиции им строго сказали: «Ребята, вы играете слишком громко. Нам этого не надо».

Что ж, пришлось смириться и на старших курсах устроиться на работу в Уральский академический филармонический оркестр гобоистом. Благо, Николай учился у великолепного преподавателя — профессора Владимира Феденко. Он уже начинает задумываться о карьере дирижера-симфониста, даже ведет переговоры с корифеем этого дела, народным артистом России, профессором Марком Паверманом о поступлении в аспирантуру. Но получает приглашение возглавить эстрадный оркестр Дворца культуры завода Уралэлектротяжмаш. И уходит с головой совсем в другую стезю. Случай? Как сказать... Иосиф Кобзон как-то заметил, что, наверное, спился бы с тоски, работой он, например, в каком-нибудь музыкальном театре. Наверное, то же самое произошло и у Баранова. Как говорится, кому что ближе. Быть рядовым музыкантом пусть даже в таком престижном коллективе, как УАФО, ему уже неинтересно. То ли дело — бэнд-лидер! Что касается работы в симфоническом оркестре, то она, безусловно, расширила его кругозор, привила высокую испол-

нительскую культуру. Не случайно ряд композиций Баранова для биг-бэнда построен именно по симфоническому принципу развития.

В 1972-м Николай влился в инициативную группу по проведению первого межобластного джазового фестиваля, куда, помимо него, входили гитарист Валерий Бирих, музыковеды Геннадий Сахаров и Валентин Морозов. Кто-то предложил устроить его в ДК Химмаша. И вот 6 апреля, как раз в день рождения Баранова, что знаменательно, фестиваль состоялся.

Был в его юности и еще один эпизод. Молодежный эстрадно-симфонический оркестр ДКЖ под

управлением заслуженного работника культуры России Владимира Турченко, который гремел тогда на всю страну, должен был поехать на фестиваль молодежи и студентов в Алжир. Педагог Баранова Феденко играл в нем партию первого гобоя, а Николай — второго. Много репетировали, готовились, но в Алжире произошел переворот, фестиваль отменили. Тем не менее и этот случай стал знаковым. Спустя какое-то время Турченко, в течение тридцати лет возглавлявший областное музыкальное училище имени Чайковского, одно из лучших в России, пригласит Баранова на преподавательскую работу. Он станет вести

За роялем

оркестр, инструментальный ансамбль, дирижирование и аранжировку. С 1982 года в течение 10 лет Николай Сергеевич будет заведовать эстрадным отделением. Среди тех, кому он дал путевку в жизнь — композитор Александр Пантыкин, гитарист и звукооператор Валерий Парамонов, пианист Игорь Казаков, участники группы «Чайф» Валерий Северин и Вячеслав Двинин.

Однако вернемся вновь в семидесятые. Николай руководит биг-бэндом «Белый соболя» в ДК ВИЗа. Большие эстрадные оркестры в нашей стране можно пересчитать буквально по пальцам. Это очень дорогое удовольствие. Когда саунд какого-либо джаза сравнивают с оркестрами Лундстрема, Кролла или Вайнштейна, вряд ли это можно считать за похвалу. Неповторимость и неповторяемость — вот что главное! Благодаря Баранову мы узнали, что значит джаз по-уральски. Глыбистый, кряжистый, ядреный и вместе с тем качествен-

ный по звучанию, его самобытный коллектив можно сравнить с утесами, скалами на реке-красавице Чусовой. Не случайно название одной из первых и программных пьес оркестра — «Водоворот», авторская работа его лидера. Битовое соло рояля в исполнении автора (тогда еще слово «рок» считалось ругательным) и стремительно, лихо закрученные рифы саксофонов и меди.

Еще в консерватории он понял (все-таки ему совсем не повредило академическое образование!), что гобой не предназначен для джаза. Необходимо было выбрать что-то другое. Он предпочел рояль, которым увлекался еще с детства. И ему разрешили кроме основного инструмента посещать еще и фортепиано. В большом объеме, в другой программе, не так, как все духовики. И назначили педагога, днем Коля осваивал с ним классические программы, а вечерами

с удовольствием импровизировал в джаз-ансамбле с Владимиром Пресняковым-старшим. Что и говорить, навыки, техника емугодились.

Однако консерваторцы по-прежнему игнорировали его концерты, а вот городское управление культуры отметило программу «Белого соболя», приуроченную к 250-летию Свердловска. В ней принимали участие лауреаты Всесоюзного конкурса «Алло, мы ищем таланты!» Валентин Василевский, вокальный квартет «Игоринки», конферансье заслуженный работник культуры России, лауреат премии комсомола Среднего Урала и по совместительству худрук Зиновий Милявский. Оркестр состоял, в основном, из профессионалов.

Им будет создано еще немало сочинений для биг-бэнда. Одно из последних — «Не забыть мне эту мелодию» — написано в мягком, задушевном ключе и, вероятно, поэтому пришлось ко двору. Эта пьеса вошла в новый компакт-диск Уральского государственного оркестра джазовой музыки. Опусу «Ярмарка» уже 20 лет. Яркая, эффектная, она часто звучит в концертах. Оригинальна пьеса «Блюз стучится в дверь» для двух саксофонов: сопрано и альты. Вместе они редко играют. А тут устраивают прямо-таки соревнование: исполняют и в терцию, и в сексту, повторяют, перегоняют друг друга. Кроме этого есть несколько произведений в стиле «джаз-рок». Как видим, музыкальная палитра Баранова разнообразна. «Я все же не профессиональный композитор, — считает сам Николай Сергеевич. — Это все делается по

Джазовый оркестр

наитию. Сколько могу, столько и пишу. Сочиняю музыку, когда душа просит. У меня немного произведений: около десяти. Может быть, когда-то настанет такой момент, что сыграем все это в концерте».

Тогда же, в семидесятых, состоялось знакомство с народным артистом России Анатолием Кроллом. Возглавляемый им оркестр «Современник» приехал в Свердловск на гастроли. Баранов попросился к нему на репетицию и услышал: «Пожалуйста, приходите!» А на следующий день маэстро явился уже в «Белый соболь», высказал свои замечания и с удовольствием пообщался с нашими ребятами. Они, конечно же, подтянулись после посещения такого мэтра. С тех пор Баранов и Кролл подружились.

— Я считаю себя его учеником, — говорит Николай Сергеевич. — Знаменитый композитор, аранжировщик, пианист-импровизатор шефствует над многими муниципальными оркестрами России, помогая нотами, советами, устраивая мастер-классы. Он научил меня аранжировать, выстраивать биг-бэндовскую вертикаль. И в игре на рояле я равняюсь на него. В 2003 году, когда широко отмечалось 60-летие Кролла, в столице Среднего Урала наш оркестр выступил с

программой, состоявшей из произведений популярного джазмена. Мы взяли 30 аранжировок из репертуара кролловского оркестра и перенесли их в свой коллектив. Особо дорого моему сердцу произведение «Садись в поезд А» Дюка Эллингтона. Анатолий Ошерович сделал прекрасную обработку этой нестареющей джазовой темы.

В 1991 году Николай Баранов возглавил джаз-оркестр Урала при поддержке директора театра эстрады Николая Головина. В подвале Дома офицеров ПУРВО сняли две комнаты. В одной сидели директор и бухгалтер, а в другой занимался оркестр. В стесненных условиях, тем не менее, подготовили программу. Министерство культуры Свердловской области пошло навстречу энтузиастам: для ребят сделали небольшие ставки. И биг-бэнд открыл счет своим выступлениям. На сегодняшний день их более 700. Он участвовал во многих фестивалях джаза, в том числе в Санкт-Петербурге, Москве, Челябинске, Саратове, Перми, Екатеринбурге. В 1996 году оркестр стал государственным. А еще год спустя он получил постоянную прописку в Уральском государственном театре эстрады в Екатеринбурге по улице 8-го Марта, 15.

Особая страница коллектива — участие в патриотических фестивалях «Юность комсомольская моя», «Песня не знает границ», правительственных концертах, в которых он является достойным партнером таких мастеров отечественной эстрады и джаза, как народная артистка СССР Александра Пахмутова, народные артисты России Владимир Трошин, Лев Лещенко, Георгий Гаранян, Игорь Бриль, заслуженный артист России Валерий Топорков.

Скоро мы вновь увидим Николая Баранова и его замечательный оркестр на ставших уже традиционных фестивалях «Джаз-транзит», «Тинейджер-джаз», «Джаз в СССР». Намечается исполнение «Рапсодии в стиле блюз» для рояля и биг-бэнда в аранжировке заслуженного работника культуры России Арсения Поповича. Но все в это в обозримом будущем. А пока о Баранове говорят друзья и коллеги.

— Почти четверть века назад на Свердловской государственной телерадиокомпании с оркестром Николая Баранова я записал несколько своих песен, — вспоминает композитор, заслуженный деятель искусств России Сергей Сиротин. — В том числе заводную, энергичную «Мы — молодые», а также гимн «Уралочки», который звучал перед

началом всех выступлений знаменитой волейбольной команды. Уважаю в нем очень талантливого человека. И сегодня в репертуаре его биг-бэнда есть мои произведения.

— С Колей мы однокашники по школе-десятилетке при Уральской консерватории, — улыбается главный дирижер Екатеринбургского театра музыкальной комедии, заслуженный деятель искусств России Борис Нодельман. — Помню, с каким упоением слушали тогда запрещенный джаз на «ребрах» — рентгеновских пленках. В нашем театре он выступил в качестве дирижера-постановщика знаменитого мюзикла «В джазе только девушки» Джула Стайна. Затем последовали спектакли «Восемь любящих женщин» Александра Журбина, «Кот в сапогах» Виктора Пleshака, «Черт и девственница» Армандо Тровайолли, «Женщина в подарок» Берто Пизано, музыку которых Баранов специально аранжировал для нашего оркестра. Одна из последних его работ — «Парк советского периода», жанр которого трактуется как «романтическая прогулка по времени», где звучат мелодии из нестареющих оперетт Дунаевского, Соловьева-Седого, Милютин, Богословского, Новикова. Неизменным успехом у публики пользуется финальное попури из популярных шлягеров 60-х годов: «Черный кот», «Давай никогда не ссориться», «Королева красоты», «Московские окна» в оркестровке Баранова. Так что наша старая дружба продолжается.

— Так получилось, что Уральский джазовый оркестр я знаю со дня основания этого замечательного коллектива, — рассказывает директор концертного объединения «Уральский хор», народный артист России Иван Пермяков. — Мы не раз участвовали в совместных концертах, также я пел под аккомпанемент этого прекрасного оркестра. Для меня большая радость встречаться с этим коллективом, потому что здесь собрались музыканты высокого уровня. Биг-бэнд Уральского государственного театра эстрады — достояние музыкальной культуры нашего города, области и России. Николай Сергеевич вдумчивый, очень требовательный руководитель, великолепный музыкант. Я думаю, что у этого коллектива большое будущее. Хочется пожелать артистам оркестра и их руководителю всего самого доброго.

ГЕОРГИЕВСКАЯ-ДРУЖИНИНА Е.В.

Авт. ст. «Строгановское шитье». ? В кн. «Русское искусство ХУ11 века». Л., 1929.

ГЕРАСИМЕНКО Ольга

Вып. сб. стихотв. (Севастополь, 1912).
Венгеров. Источ.

ГЕРАСИМОВА Марфа Михеевна (1876 — 1935), авт. воспоминаний.

Работница-портниха, член РСДРП. «Что сохранила память». — В кн. 1905. Годы первой русской революции в Среднем Поволжье. Москва; Самара, 1931, с. 149-152. См. также сб. «1905 г. в Самарском крае: Материалы по истории РКП(б) и рев. движ.» Самара, 1925.
ИДРДВ. Т.4. Ч.2. № 3650, 3652.

ГЕРБЕК Елизавета

Организатор в Москве первой женской типографии (1899).

ГЕРБЕЛЬ Ольга Ивановна (урожд. Соколова; 1840 — 1883), переводчица.

Жена Н.В. Гербеля. Пер. трагедию Байрона «Вернер или наследство» (См. Байрон в переводах русских поэтов, 1У). — О.Г.
Слов. рус. писательниц; Масанов; Венгеров. Источ.

ГЕРД А.М.

Пер. с англ. кн. проф. Ф. Поллака «История политич. учений».

ГЕРДЗЕЙ (Шмигельская) Е.Ц., авт. воспоминаний.

Педагог. «Лучшие годы моей работы». — «Школа взрослых», 1939, № 9, с. 50-53. (О Корниловской школе для рабочих в Петербурге).
ИДРДВ. Т.4. Ч.3. № 6158.

ГЕРДТ Елизавета Павловна (1891 — 1975), авт. воспоминаний.

Балерина и педагог. «Что вспомнилось». — В кн. Мариус Петипа. Л., 1971, с. 236-238. (О встречах с балетмейстером М.И. Петипой).
ИДРДВ. Т.3. Ч.3. № 6727.

ГЕРЕНРОТ Анна Рувимовна (урожд. Райхман; ? — 1938), журналистка, авт. воспоминаний.

«Памятный день: Из воспоминаний журналиста» \\ Новое русское слово. 1977. 8 апр. (6 апр. 1941 г. Возложение жителями Марсея (Франция) венков у места гибели югославского короля Александра 1 Карагеоргиевича в день вторжения немецких войск в Югославию).
РРЭВД. 4.

(Продолжение на стр. 61)

ГЕРИНГ А.

В соавт. с В. Керженцевым пер. с фр. ром. Ф. Гра «Революция» (СПб., 1914, изд. 2-е).

ГЕРКЕН Вера Александровна

Сотр. «Волжс. Вестн.» (1890 г.).
Венгеров. Источ.

ГЕРМАН Аделаида

Ред. журн. «Литературные семейные вечера». Не она ли участв. в «Невском альманахе на 1826 год, изданном Е. Аладыным» СПб., 1825.
Розанов.

ГЕРМАНОВА (Красовская) Мария Николаевна (урожд. Бычкова; в замуж. Калитинская; 1881 ? 1940), авт. воспоминаний.

Актриса МХТ (1902-1919). Жена проф. и археолога А.П. Калитинского. В составе «пражской труппы» МХТ не вернулась с гастролей в Россию; жила в Чехословакии (1923-1928), затем во Франции. Сотр. в журн. «Театр и жизнь», «посвященном пропаганде русского сценич. искусства за границей» (Берлин). Оставила воспоминания «Мой ларец». Две небольшие публ. из них ? в журн. «Моск. наблюдатель» (1992, № 3) и в еженед. «Экран и сцена» (1993, 7 окт.). Главы воспоминаний напеч. в сб. Диаспора. 1. Париж-СПб., 2001. С. 31-94. Публикатор (И. Соловьева) оценивает их так: «...мемуары написаны рукою бережной, ласковой к материи быта». «Об А.П. Чехове: (Отр. из воспоминаний)» \\ Возрождение. 1933. 2 февр. — о работе в МХТ. О ней: Немирович-Данченко В.И. М.Н. Германова: Воспоминания В. Немировича-Данченко и других» — Прага, 1924.

Гуль. 1 (у него год рожд. 1884); Диаспора. 1; РРЭВД. 3 (здесь г.р. тоже 1884).

ГЕРН София О.

Пер. со швед. расск. Матильды Руус «Параллели» — «Труд», 1895, № 5.

ГЕРНЕР Анна, писательница.

В «Биб-ке для чтения» напеч. ее пов.: «Две доли» (1851. № 4) и «Ветка фуксии» (1851. № 9). Не она ли участв. в «Сборнике в пользу бедных семейств Басманного отделения на 1849 год». М., 1849.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.; Розанов.

ГЕРНЕТ Надежда Николаевна (1877 —), препод. математики СПб. жен. педагогич. инстит. и высших жен. курсов; род. в Симбирске в двор. семье.

Венгеров. Источ.

Владимир ШИРОКОВ, фото автора

«ЧУДСКИЕ ПИСЬМЕНА» НА РЕКЕ ТАГИЛ

Я иду по берегу в резиновых броднях, шурша прошлогодними листьями и сухой травой. Вниз по реке сплавляет резиновую лодку с нашими спальниками и оборудованием мой давний друг и коллега Сергей Чаиркин. Гриновское счастье пушистым котенком мурлычет во мне оттого, что весна и я открываю полевой сезон, оттого, что городская рутина уже не для меня, оттого, что мне предстоит встреча с чудом. Это забавный каламбур, но чудо оставлено «чудью» — так в дореволюционной России называли народы, населявшие в древности Европейский Север, Урал и Западную Сибирь. «Чюдскими», или «чюдцкими», в соответствии с нормами орфографии своего времени, письменами Семен Ремезов в начале XVIII в. называл наскальные рисунки Ирбитского Писаного Камня в «Служебной чертежной книге», посвященной описанию Кунгурского уезда. Ирбитская скала была одной из первых писаниц, ставших известными образованной общественности в России и за ее пределами. Впоследствии благодаря стараниям пленного шведского офицера Страленберга, придворного историка Г. Миллера, главного кассира Нижнетагильских заводов Д.П. Шорина, оставшего писаря Топорковской волости И. Толмачева и многих, многих иных людей,

Карта расположения памятников наскального искусства на Урале

чья имена не сохранила история, становятся известны другие пункты с древними изображениями на скалах по берегам уральских рек и озер. К началу XX века их насчитывалось около 30, и для их копирования и изучения по заданию Императорского археологического

общества был послан Владимир Яковлевич Толмачев. Однако результаты его работ так и остались не опубликованными из-за Первой мировой войны, Октябрьской революции и последовавшей за ней эмиграции... Только в первой половине XX столетия к исследованию

Владимир Широков — научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН

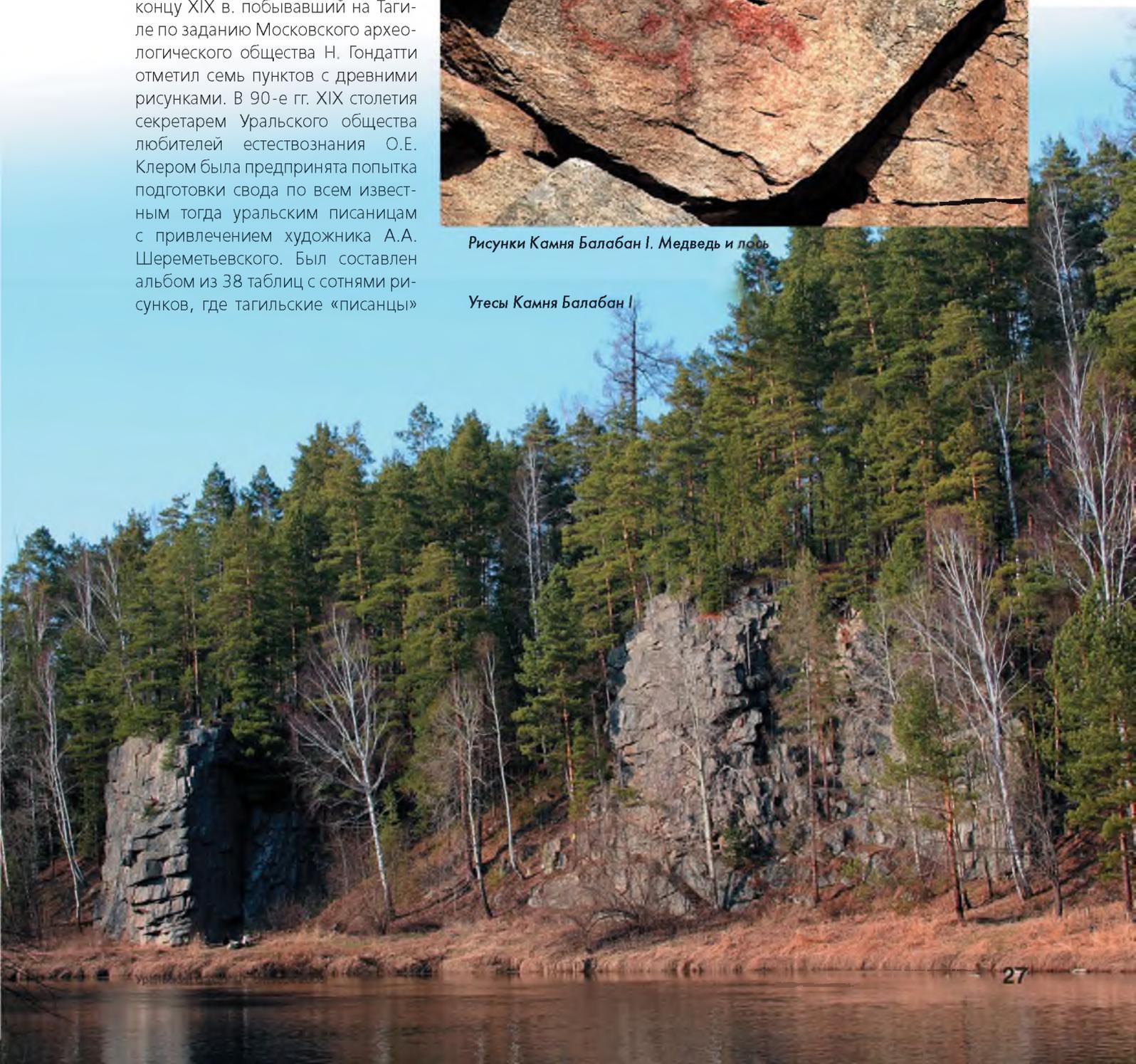
наскальных изображений Урала на подлинно научной основе приступил Валерий Николаевич Чернецов — археолог и этнограф, всю свою жизнь посвятивший изучению древней истории Урала и Западной Сибири.

Примечательно, что первое его знакомство состоялось именно с тагильскими наскальными рисунками, когда в 1927 г. он в одиночку совершил сплав по реке для предварительного знакомства с этими удивительными памятниками. Известия о тагильских писаницах впервые появились в 1804 г. в книге Никиты Попова «Хозяйственное описание Пермской губернии». К концу XIX в. побывавший на Тагиле по заданию Московского археологического общества Н. Гондатти отметил семь пунктов с древними рисунками. В 90-е гг. XIX столетия секретарем Уральского общества любителей естествознания О.Е. Клером была предпринята попытка подготовки свода по всем известным тогда уральским писаницам с привлечением художника А.А. Шереметьевского. Был составлен альбом из 38 таблиц с сотнями рисунков, где тагильские «писанцы»

Рисунки Камня Балабан I. Медведь и лось

Утесы Камня Балабан I

занимали самую существенную часть. Но эта инициатива так и не стала публичным достоянием. Завершил начатую работу на определенном уровне исследований уже упоминавшийся В. Н. Чернецов. После окончания экспедиционных работ по кропотливому копированию древних наскальных рисунков под эгидой Института археологии АН СССР Валерий Николаевич приступил к публикации собранных материалов. И первая книга в его двухтомном своде «Наскальные изображения Урала» была посвящена тагильским писаницам, которых к тому времени (1964 г.) насчитывалось 14.

Как и тогда, река Тагил по сей пору остается самой богатой на Урале по количеству обнаруженных на ней писаниц, только теперь этих пунктов 20. Мы с Сергеем здесь для их фотосъемки. Много лет я занимаюсь изучением уральских наскальных изображений, результаты этих работ опубликованы в статьях и научных монографиях. Однако за пределами научной общественности это культурное наследие мало кому известно. Даже встреченные на самой реке местные охотни-

Зенковская скала. Композиция, нанесенная на высоте 12 м над землей

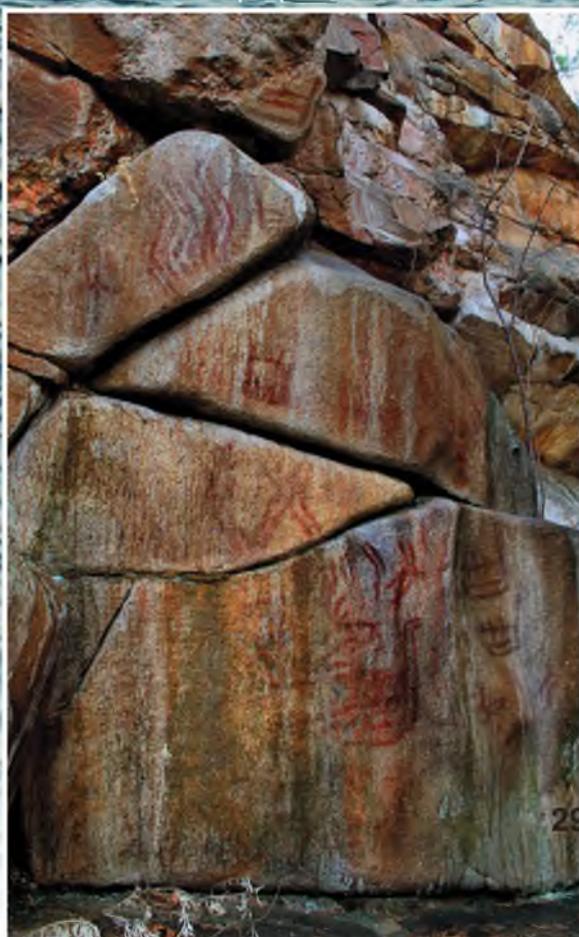

Долина реки Тагил у села Гаёва, где находятся многофигурные памятники наскального искусства

Змиев Камень. Символы образа Мира древних уральцев
птицы, колыбель, змея

Змиев Камень. Мир перелетных водоплавающих

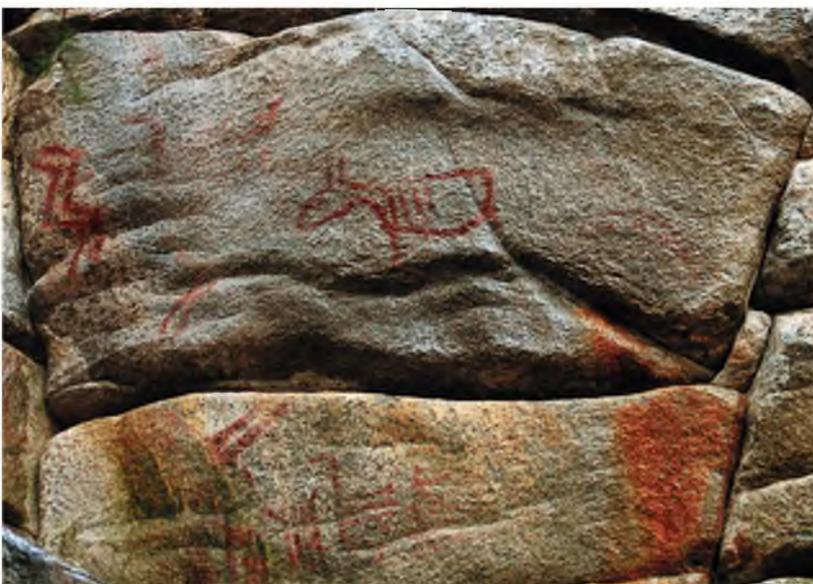

ки и рыбаки ничего не слышали о «чудском письме». И вот, наконец, Министерство культуры Свердловской области выделило деньги на издание иллюстрированной книги, посвященной этим изумительным памятникам. Я бреду с фотоаппара-

том с надеждой на удачный исход нашего предприятия. Ведь какое бы содержание ни было заложено в наскальных рисунках, мы имеем дело с великолепной художественной традицией, заслуживающей сохранения и деликатной интегра-

ции в современную культуру. Рядом с этими удивительными памятниками я всегда вспоминаю слова моего английского друга, археолога и писателя Пола Бана: «Чтобы мы делали, если бы на свете не было наскального искусства?».

Сокольинские утесы. Главное панно

Сокольинские утесы. Рисунок чомги и символического знака

Купи танк, Серега!

Снится Сергею Ивановичу, что раздаётся звонок в дверь. Открывает.. И входят трое: один строгий, другой улыбочивый, и третий — смущенный.

— Извините за беспокойство, — говорит смущенный, — но нет у нас больше сил наблюдать вашу незащищенность и беззащитность. Вашу обреченность на гибель при более чем реальной встрече с нехорошими людьми. Сами знаете, большинство людей, случайно родившихся в России, а потому в ней и проживающих, уж, что там скрывать, очень нехороши.

— Сердце обливается кровью, Серега, — говорит улыбочивый, — как представлю: идешь ты после пьянки с друзьями ночной улицей, фонари ни хрена не горят, а на каждом шагу таится бандит или грабитель. Или встречу тебе шкандыбают группа поддавших еще сильнее, чем ты, подростков. Которых хлебом не корми, а дай кого-нибудь искалечить, а то и замочить.

— Короче, жилец, — говорит строгий. — С сегодняшнего дня в стране разрешена свободная продажа оружия гражданам. Ты ведь гражданин?

— Вроде бы...

— Вот именно, что вроде бы, — говорит улыбочивый. — Безоружный и беззащитный. Какой ты после этого гражданин?

— Итак, жилец, — говорит строгий, — с сегодняшнего дня каждый гражданин получил не только право приобрести оружие, но и обязанность это сделать. И защищаться самостоятельно. А также защищать других граждан, которые по недомыслию или, что характернее, по бедности, оружия еще не приобрели.

— Приятно слышать, — говорит Сергей Иванович. — Но я по привычке, вбитой с самого раннего детства коммунистической пропагандой в мои неокрепшие мозги, продолжаю верить, что, если не дай бог, меня защитит милиция. Маяковский же заверил: «Моя милиция меня бережет!»

— Извините, Сергей Иванович, — говорит смущенный, — но, к глубокому сожалению, наша милиция подверглась напастям, обозначенным в терминах, пришедших к нам с глубоко чуждого нашим устоям Запада: деградация и коррупция. И вследствие заболевания

этими гадостями наша милиция вряд ли сможет защитить вас, а также и все остальное население России.

— Короче, — говорит строгий, — если вооруженный гражданин видит, что напали не на него, а на нашу славную милицию, он должен немедленно ее защитить.

— В общем, так, Серега, — говорит улыбочивый. — Мужик ты башковитый. Смотри и выбирай. Что тебе необходимо по уровню защищенности. Ну, и, к сожалению, по деньгам.

И открывают они здоровенный чемодан. Достают и раскладывают на столе: гранаты, пистолеты, автоматы «Калашников», отечественный и Израильский «Узи», гранатомет и «Иглу», портативный комплекс для сбивания воздушных целей.

— Ох, уж, — говорит Сергей Иванович, — вы уж меня простите, но все это мне не по карману. Да и ни к чему.

— Как это ни к чему? — говорит улыбочивый. — Ты со своей жизнью не шути, Серега. Она нужна лично тебе, частично — жене, но главным образом — любимой Родине в непростой период ее сложного перехода от бандитского капитализма к неизвестно чему. Советую тебе для начала купить хотя бы пистолет — против уличных грабителей.

— А я со своей стороны позволю себе порекомендовать вам, Сергей Иванович, парочку автоматов, — говорит смущенный. — «Калашников» для дальнего боя. Если, допустим, вышли вы в лес по грибы.. Ходите по грибы?

— Люблю, честно говоря.

— Тем более. Вышли и вдруг видите вдаль группу подозрительных мужчин.

— А чем они подозрительны?

— А тем, что в лесу, но без корзинок. Ясное дело, значит, заявили в лес не грибы собирать, а грибников грабить. И вот же как замечательно: «Калашниковым» сможете упредить их нападение, если подойдут к вам ближе четырехсот метров. А «Узи» — для ближнего боя. Если, допустим, на квартиру нападет банда домумников.

— Жилец, у тебя садовый участок есть? — спрашивает строгий. — Где расположен?

Герман Дробиз родился 4 августа 1938 года в г. Свердловске. Закончил УПИ. Работал инженером-проектировщиком, литературным сотрудником ряда газет.

Автор десяти сборников иронической прозы, шести сборников стихотворений и книги избранной прозы «Свидетель».

Лауреат ряда литературных премий. Член Союза российских писателей.

— С полсотни километров от города, по Северному тракту.

— И ты что, надеешься туда живым добраться, если на этом тракте через каждые десять километров банды в засаде сидят?

— Господи, — говорит Сергей Иванович, — у меня же не «Мерседес», не «Вольво», а элементарная «Ока».

— А им по барабану, — говорит строгий. — Отморозки. Им что «Мерседес», что «Ока» — заберут и пока. Тебя при этом замочат. Но тебе повезло. Глянь в окошко: танк во дворе стоит. Желаящих навалом, но специально для тебя подогнали. Бери и спокойно ездь отдыхать на своих картофельных грядках. Никакие бандюги не тронут. Даже и права не нужны. Кто тебя остановит — на танке!

— А можно спросить: сколько он стоит?

— Примерно как твоя квартира. Но проблема разрешима, — говорит строгий. — Продашь квартиру, покупаешь танк. В нем и живешь: и удобно и безопасно.

— А я тебе, Серега, предлагаю еще взять у нас «Иглу», — говорит улыбчивый. — Мало ли, террористы направят самолет со смертниками прямо на ваш дом. Собьешь их к чертовой матери, спасешь себя, жену и соседей. Орден, вручение в Кремле, непосредственно из рук Президента!

— Ребята, — говорит Сергей Иванович, — все, что вы мне предлагаете — получается, что нужно. Правда, чисто теоретически. Но, как я уже сказал, все это мне — не по карману. Не говоря о танке, даже и пистолеты. И не теоретически, а реально — не нужно. Домой иду сразу после работы, на улицах еще спокойно. На работе бывают, конечно, конфликты, но не такой силы, чтобы решать их оружием. Соседи в подъезде — добрые люди. Живем дружно.

— Кстати, о соседях, — говорит строгий. — Дружно живете, говоришь? А знаешь ли ты, что мы к ним до тебя приходили — и они все уже вооружились? Мужик, что у тебя за стенкой живет, «Макарова» приобрел. Напротив тебя на лестничной площадке — муж, жена, трое детей, так? У мужа теперь «Калашников», у жены — «Узи», у детишек — духовые ружья. Убить из них не убьешь, но с пяти метров покалечат дробью — мало не покажется.

— Извините, Сергей Иванович, — говорит смущенный, — но даже старушка, что под вами живет, и та всю пенсию угрожала, но пару гранат купила.

— Ну, Серега, и как ты теперь будешь с ними разругивать? — спрашивает улыбчивый. — Вызовут тебя на стрелку — ты, что, против их автоматов с кухонным ножом выйдешь?

— Какая стрелка? — говорит Сергей Иванович. — Да мы с соседями никогда не ссоримся.

— Это вы не ссорились, пока аргументов не было. В виде надежного скорострельного оружия. А теперь поссоритесь, в ближайшие дни, можешь не сомневаться.

— Ох, не хотелось бы, — говорит Сергей Иванович. — Не представляю, как я смогу выстрелить в человека. В хомо сапиенса. Ведь он живой. Ему больно будет. А если, не дай бог, убью?

— Тут, Сергей Иванович, нужна психологическая установка, — говорит смущенный. — Напал грабитель на улице, обидел директор конторы, в которой вы служите, обругал пьяный прохожий — в любом случае перестань считать посягателя на ваше имущество или достоинство человеком, которому, когда в него выстрелят, станет ужасно больно. А скажите: это не человек. Не хомо сапиенс. Это подлец, мерзавец, подонок, не-людь. Зверюга. И тогда запросто пульнете.

— Нет-нет, — говорит Сергей Иванович. — Это выше моего воображения. Никакая установка не поможет.

— Ну, покажем ему, что ли? — предлагает улыбчивый. — Гляди, Серега. Вот он, — показывает на смущенного, — будто бы подошел ко мне на улице и рявкнул: «Гони бабки, козел!» А я ему в ответ... — Схватил улыбчивый «Макарова» и как стрельнет! Смущенный повалился сном.

— Или, — продолжает улыбчивый, на этот раз покаявая на строгого, — вот такой бугай в лесу из-за дерева выскочил: «Отдавай грибы!» А у тебя полное лукошко рыжиков, ты их с самого рассвета полдня собирал, ухайдакался, по лесу бродя. Обидно же! И ты...

Но пока он говорил, строгий схватил автомат:

— Или, — кричит, на улыбчивого указывая, — вот такой наглый хмырь тебя в автобусе толкнул, а ты его, сволочь такую как...

И грянуло: улыбчивый в строгого из пистолета пальнул, а строгий в него пустил смертоносную струю из автомата.

Смотрит Сергей Иванович, близясь к обмороку: три бездыханных трупа на полу его квартиры. Господи, спаси и помилуй!

Но его счастье, что — сон. Открылись у трупов глазки. С легким стоном приподнялись непрощенные го-сти.

— Холостыми стреляли, — объясняет улыбчивый. — А ты, небось, обрадовался?

— Что вы, что вы. Наоборот, очень рад, что все вы живы.

— Живы, но временно, — говорит смущенный. — Извините, Сергей Иванович, если это вам будет неприятно услышать. Но и лично вы живы сугубо временно. И если желаете пожить хоть немного больше — покупайте оружие! Никакое лекарство в наше время не продлевает жизнь человека так же надежно, как оружие, нормально пристрелянное, хорошо смазанное, вдоволь заряженное и находящееся, желательнее, на боевом взводе!

...Утром, выходя на работу, столкнулся Сергей Иванович с соседкой-старушкой.

— Доброе утро, Дарья Григорьевна. Простите за дурацкий вопрос: если бы у вас вдруг граната была — нашли бы вы ей применение?

— Вопрос не дурацкий, Сергей Иванович, — отвечает старушка. — Хороший вопрос. Пенсия-то какая, соседки-то какие, молодежь-то какая, правительство-то какое... Жисть-то какая... Так бы всех вас и взорвала!

И личико ее, обычно добродушное, обрело вдруг суровые и даже жестокие черты.

Купанье в Венеции

Снится Сергею Ивановичу, что раздается звонок в дверь. Открывает он... И входят трое: один строгий, другой улыбочивый, третий — смущенный.

— Извините за беспокойство, Сергей Иванович, — говорит смущенный, — будем вас немножко радовать и поздравлять.

— Чем, простите, радовать? С чем поздравлять?

— Как с чем? — откликается улыбочивый. — Париж под тобою, один в вышине, паришь... В общем, стоишь на вершине Эйфелевой башни и плюешь на француз или кто там внизу идет. Небось, всю жизнь мечтал?

— А еще, Сергей Иванович, извините, что так сильно будоражу ваше воображение, — говорит смущенный, — но представьте: гондольер как вдарит веслом, как погонит гондолу по каналам, как заведет баркаролу сладчайшим голосом, а кругом — Венеция, от красот некуда деться!

— Короче, Хохотухин, — говорит строгий. — Свершилось: объявлен безвизовый въезд во Францию и Италию. Личная заслуга нашего президента. Так что — держи билет на самолет и вали в Париж, в Рим, в Венецию, в Монте-Карло. Да хоть на Сицилию, знакомиться с сегодняшним бытом мафии. Билет, представь, бесплатный!

— Да вы что?! Мне? За какие такие?

— Видите ли, — говорит смущенный. — Разрешить разрешили, но у правительства двух этих прекрасных стран было и осталось сильное сомнение: вдруг к ним без виз из России нахлынет один криминал, а также дурно воспитанные люди? А у них таких и без нас навалом. В Риме, например, когда будете: там подростки разъезжают на мотоциклах и рвут из рук сумки. А в Париже вас заманят в бордель, но вместо встречи с приятной французенкой отберут деньги и набьют морду. Хватает у них своего криминала. Но к своему они привыкли, а нашего боятся. Потому российским правительством решено отправить туда без виз для начала надежных порядочных людей. Выбраны кандидатуры. Выбор пал и на вас. Работаете бухгалтером, но еще ни копейки ни стрибрили. Что удивительно. Или вас еще ни разу не поймали. Но есть надежда, что там вы налетов на банки устраивать не станете. Что касается бытового поведения, то и тут вы на высоте. Правительство верит, что вы не станете плевать с Эйфелевой башни, гадить в Колизее и по пьянке купаться в венецианских каналах.

— Короче, — говорит строгий. — Перечисленные моим коллегой и еще ряд возможных прегрешений изложены в специальном документе. Вот он. Ознакомьтесь и распишитесь, что гарантируете ничего этого не совершать.

Взял Сергей Иванович листок, а на нем, кроме озвученных для него опасений насчет плевков с Эйфелевой башни, отправления естественной нужды в Колизее и купанья в пьяном виде в каналах Венеции — чего только не обозначено. Например:

«...В парижских кафе ни в коем не заказывать сто пятьдесят и бутерброд с колбасой. Пить только маленькими рюмочками, как все.

Рис. А. Митрофановой

В гостиничных номерах не варить с помощью кипятика лапшу быстрого приготовления в ночной вазе.

Так же не красть в гостиничных номерах полотенца, столовые приборы, пепельницы, шампуни.

На открытии Каннского фестиваля не лапать наиболее знаменитых актрис планеты.

Встретив на Лазурном берегу наших олигархов, не хватать их за горло с криком: «Гад! На наши деньги жируешь!»

Посетив в Милане местный стадион на матче одноименной команды, не кричать: «Спартак — чемпион!»

На Сицилии не принимать никаких поручений мафии, даже самых пустяковых вроде: «Передай привет солнцевской братве».

Если тебя обчистили в Марселе или Неаполе (а это непременно произойдет) — не приставать к прохожим на русском языке: «Сами мы не местные, нас обокрали, помогите, чем можете!» А только соответственно — на французском или итальянском.

Ни при каких обстоятельствах, даже самых драматичных, не материть местных жителей: русский мат в Европе знают уже почти все.

Не объяснять случайно встреченным европейцам внешнюю политику российского государства: не факт, что вы ее правильно понимаете. По этой же причине внутренней политики лучше не касаться тоже.

В бордели не ходить, даже если согласны взять рубли!»

И много чего было понаписано еще.

— Ты чего, Серега? Расписываться не умеешь? — спрашивает улыбчивый, видя, что Сергей Иванович медлит.

— Понимаете, товарищи, — говорит Сергей Иванович, — эти как будто бы простые и справедливые запреты для меня практически невыполнимы. Они противоречат моим привычкам, а также чаяниям и мечтам. Я вырос в обстановке запретов и отсутствия много чего. Вот у вас тут значится: «Не справлять естественную нужду в Колизее». Но в моем городе на миллион населения — на улицах пять общественных туалетов. И потому я, как остальной миллион, привык справлять и под кустом и под забором. По заведенной привычке могу надругаться и над Колизеем. Или — запрет заказывать сто пятьдесят с бутербродом. Да где вы у нас видели маленькие рюмочки?

С другой стороны: если мы, мужчины России, после ста пятидесяти, тем более, повторенных, ни о чем другом, кроме внешней политики родного правительства,

не говорим — как я заткну себе рот на эту тему в Европе? Плюс при этом еще не материться?

Ну, а с Эйфелевой башни не плюнуть? Для чего тогда забираться на такую верхотуру? Как не сходить в парижский бордель, если их у нас, легальных, нет до сих пор?

А уж, чтоб, встретив знакомого по газетным фото нашего олигарха, не взять его за горло...

Поэтому — сердечно благодарю за безвизовую возможность побывать в благословенных странах и за бесплатный билет... Но себя не переломишь. Отдайте кому-нибудь другому.

— Да кому другому? — возопил смущенный. — И до вас, Сергей Иванович, все вот также отказывались. На вас была последняя надежда!

— Извините, товарищи.

— Вот, блин, ситуация, — говорит улыбчивый. — Одно остается: лететь самим. Но уговор на берегу: с Эйфелевой башни первым плюю я.

— Простите, коллеги, — говорит смущенный. — Но тогда я первый мочусь в Колизее.

— Согласен, — говорит строгий. — Но при условии: когда надеремся в Венеции, купаться в канале полезу только я. Ваше дело — караулить одежду.

— Счастливого полета, товарищи! — проводил их до двери Сергей Иванович. — Покажите себя европейцам во всем нашем блеске. Может, еще опомнятся и отменят отмену виз!

Однофамилец

Снится Сергею Ивановичу, что раздается звонок в дверь. Открывает он... И входят трое: один строгий, другой улыбчивый, третий — смущенный.

— Извините за беспокойство, Сергей Иванович, — говорит смущенный. — Будем вас немножко выбирать мэром нашего чудесного города.

— Да вы что, ребята? Какой из меня мэр?

— Мэр из тебя никакой, — говорит строгий. — А кандидат — то, что надо. Ты же Хохотухин. Однофамилец Георгия Хохотухина, который нагло рвется к власти и желает сесть в кресло главы города вместо нашего прекрасного мэра Хренотеньевна.

— Представляешь, Серега, до чего обнаглел твой однофамилец? — говорит улыбчивый. — Объявил себя лучшим управленцем в городе. Обещает черт те что. А народ — дурак, начинает верить. Так что вся надежда на тебя.

— Погодите, ребята, — говорит Сергей Иванович. — Но ведь если и меня выдвинут в кандидаты, люди начнут нас путать — двух Хохотухиных.

— Извините, Сергей Иванович, — говорит смущенный. — Но именно для этого вы и нужны. Чтобы путали. У него на плакатах: «Георгий Хохотухин: знаю, как удвоить городской бюджет. Утроить пенсии и зарплаты». А тебе напишем: «Сергей Хохотухин: утрою бюджет. Учетверю пенсии. Упятеру зарплаты!» И тому

подобное. Народ будет думать: которому больше верить? Или оба врут? В общем, смятение умов — и половина тех, кто сейчас за Георгия, проголосует за тебя. И наш прекрасный мэр останется на своем посту еще на четыре года. И успешно продолжит улучшать жизнь горожан, в том числе, и твою.

— Не очень-то она улучшается, — вздохнул Сергей Иванович. — Вот, со вчерашнего дня опять горячую воду отключили.

— Это происки твоего однофамильца, — говорит строгий. — Сам, мерзавец, живет в загородном коттедже с автономной котельной. И плевать ему, что тебе помыться хочется, а жене постирушки устроить.

— Я слышал, мэр тоже в загородном коттедже проживает. И тоже со своей котельной...

— Извините, Сергей Иванович, — говорит смущенный, — но мы вам поручаем разоблачать не прекрасного нашего мэра Хренотеньева, а наглого выскочку, вашего однофамильца. И вы уж, пожалуйста, не отвлекайтесь от поставленной перед вами задачи.

— Извините и вы меня, — обиделся Сергей Иванович, — но вы мне, вроде бы, приказываете. А по какому, собственно, праву? Я ведь и отказаться могу.

— Можешь, конечно, — говорит строгий. — Если хочешь до смерти проторчать в этом твоём курятнике. А можешь переехать в элитный дом, в четырехкомнат-

ную квартиру. И еще занять приличную иномарку с гаражом. Но если будешь нас слушаться, кандидат ты наш липовый!

Задумался Сергей Иванович: кто же не захочет перечисленное?

— Решайся, Серега! — говорит улыбочивый. — Не каждому дураку такое счастье. А ведь мало того, что квартира и иномарка. Мы к тебе еще охрану приставим, потому что однофамилец как пить дать против тебя киллера наймет.

— Эге! — говорит Сергей Иванович. — Этого мне еще не хватало!

— Не бойсь, Серега! Не дрейфь! Обороним тебя, дорогого. Ходить будешь в бронжилете. Ездить в бронированном джипе. Не достанут!

— А может, наоборот, — говорит строгий. — По городу ни ходить, ни ездить не будешь. Вывезем в отдаленную местность, в охотничий домик. Поживешь как на курорте: питание, выпивка. Бабу привезем. Только не высывайся. От тебя все что требуется: прийти в избирком и зарегистрироваться. А дальше тебя вообще никто живьем не увидит. Только на плакатах:

— Вот это мне нравится больше — охотничий домик, — говорит Сергей Иванович. — Единственное: постороннюю бабу не нужно, а чтобы вместе со мной скрывалась моя любимая жена.

— Эх, Серега! — говорит улыбочивый. — Был бы я Хохотухин, не отказался бы пошалить вдали от жены,

да на полном обеспечении. Ну да ладно. Будет с тобой твоя супружница. Все? По рукам?

И снова задумался Сергей Иванович. И говорит:

— Все ваши предложения очень и очень заманчивы. И надо бы соглашаться. Но одно беспокоит: а вдруг я... как это сказать... Вдруг победу? Или победу? В общем, выиграю выборы и стану мэром? Вы же сами правильно сказали: мэр из меня никакой. Как я буду управлять городом, если понятия не имею, как? Я даже не знаю, с кого и какого размера взятки берутся на этой работе. И потом: если победу... Или победу.. Со своего места, значит, уходить? А у меня уже двадцать два года непрерывного стажа. И начальник ценит. И к коллективу привык. Нет, что-то боязно мне идти на выборы..

— Вот, блин, ситуация, — говорит улыбочивый. — Об этом мы не подумали. Да нет, вряд ли!

— Извините, коллега, — говорит смущенный. — Но боюсь, это может произойти.

— Ядреша вошь! — говорит строгий. — Народ ведь дурак. Месяц будут ему впаривать Сергея Хохотухина с утроенным бюджетом и с упятеренными зарплатами. А он возьмет и поверит. И отдаст этому придурку, — показывает на Сергея Ивановича, — пятьдесят один процент! Айда в штаб, мужики. Надо посоветоваться. А ты сиди, не рыпайся. Никуда не уезжай. Об этом разговоре — молчок. Даже с супругой. Жди. Мы еще придем!

Бюллетень

Снится Сергею Ивановичу, что раздается звонок в дверь. Открывает он и входят трое: один строгий, другой улыбочивый, а третий — смущенный.

— Извините за беспокойство, Сергей Иванович, — говорит смущенный. — Будем вас немножко допрашивать в связи с вашим поступком в день выборов. А после допроса либо арестовывать, либо штрафовать. Либо то и другое.

— Не ожидали от тебя, Серега, такого злостного поведения, — говорит улыбочивый. — Вроде, немолодой уже. На работе характеризуют положительно. И на тебе! Мой тебе совет: ты сейчас не отпирайся, а сразу колись. Тогда мы тебе явку с повинной оформим. Порекомендуем срок скостить. В общем, раньше сядешь — раньше выйдешь.

— Короче, гражданин Хохотухин, — говорит строгий. — Вот ваш избирательный бюллетень. Надеюсь, узнаете? И вот что вы на нам написали поперек всех фамилий: «Воры и взяточники». Только не вздумайте отпираться, что ваш. Сверено с образцами вашего почерка.

— Здрасьте! Откуда это у вас взяли образцы моего почерка?!

— Образцы почерка всех граждан нашей великой державы, Сергей Иванович, — говорит смущенный, — хра-

нятся в полном порядке еще с тех времен, когда в стране людям оказывалось всеохватное внимание.

— Я чего не пойму, Серега, — говорит улыбочивый. — Какой смысл? Написал ты или не написал бы — все равно в депутаты прошел Тугодумов, авторитетный банкир, человек твердых левых убеждений. Смысл, а?

— Да так, душу отвел, — только и ответил Сергей Иванович.

— Но зачем в письменном виде? Вот тут у себя на кухне и отводил бы. Это самое, что написал, сказал бы жене за ужином. Мол, все кандидаты взяточники. И депутаты соответственно. И министры. И президент.. Хотя о президенте — не советую. Образцы голосов жителей нашей чудесной страны тоже хранятся в надежном месте.

— Итак, — говорит строгий. — В бюллетене двадцать три кандидата. Как вы посмели всех их назвать ворами и взяточниками? Когда в худшем случае чуть больше половины? О чем вы действительно думали? Вы, может, пьяным на выборы пришли?

— Если бы ты, Серега, обозначил птичками воров, а крестами взяточников, не раскрывая, что означают значки, — говорит улыбочивый, — кому надо, тебя бы поняли. И тебе за это ничего бы не было. А так налицо — клевета и оскорбление. Это и под срок попадешь. И семнадцать

кандидатов готовят иски за моральный ущерб. Требуют от десяти до ста тысяч долларов каждый.

— А почему только семнадцать, если их двадцать три?

— А потому что шестеро себя ни ворами, ни взяточниками считать не хотят.

— Извините, Сергей Иванович, — говорит смущенный, — но если вы даже продадите эту вашу скромную квартирку, а больше у вас вообще ничего нет — вы и тогда близко не расплатитесь.

— Что же мне делать? Просто беда. А если я извинюсь? Скажу, что действительно выпил лишнего. Хотя на самом деле, поверьте, написал трезвым.

— Эх, Серега, — говорит улыбочивый, — был бы ты поумнее, и впрямь напился бы, учинил бы там, на избирательном участке небольшой дебош. И то, что написал, прокричал бы. Получил бы максимум месяц за хулиганство. А теперь — ну, не знаю, чем можем тебе помочь.

— Что обидно, Сергей Иванович, — говорит смущенный, — что вы назвали уважаемых людей ворами и взяточниками. А написали бы просто какую-нибудь грубость. Допустим: «В гробу я вас видал!» Тогда был бы шанс вывернуться на суде. Так и так, сказали бы, был у меня странный сон, и видел я в нем всех кандидатов лежащими во гробах. О чем честно и сообщил на бюллетене. Конечно, испорченный бюллетень — тоже нехороший поступок, но все же не уголовное преступление.

— Черт побери! — воскликнул Сергей Иванович. — Жаль, не догадался. Тем более, я действительно в гробу их всех видал. В другой раз так и напишу.

— До другого раза, Серега, — говорит улыбочивый, — тебе еще надо успеть на свободу выйти. Кроме того, что тебя разорят материально, тебя еще и года на два упекут. Но есть выход. Выход есть. Твое счастье, перед тобой интеллигентные люди, гуманисты.

— Извините, Сергей Иванович, — говорит смущенный, — у вас, возможно, возникло и окрепло ощущение, что мы на их стороне. Ни в коем случае. Мы, в отличие от вас, точно знаем, кто они такие, эти кандидаты. И потому искренне готовы вам помочь.

— Короче, Хохотухин, — говорит строгий. — Дашь нам десять тысяч рублей — всего-навсего. И мы веем бюллетень. Будто его и не было.

Мысленно Сергей Иванович проник в ящичек в комод, в котором хранился семейный бюджет, и прикинул, что там за деньги. После чего принял решение: вырвал из руки строгого бюллетень, сунул его в рот и начал энергично жевать. Как ни странно, ни улыбочивый, ни смущенный, ни даже строгий ему в этом деянии дерзком ничуть не препятствовали. Спокойно наблюдали, как он давится жеваной бумагой. А строгий, дождавшись окончания мучительного процесса, достал еще один листок:

— Копия. Нотариально заверенная. Ты, что, думаешь, один такой умный? На одном твоём участке тридцать семь человек написали то же, что и ты, двадцать четыре написали: «Мразь воровская», а семеро покрыли бюллетени голимым матом. И каждый, к кому приходили, вот также норовил проглотить. Или разодрать в клочья. Или поджечь. Так что — давай без глупостей. Плати, пока не передумали.

— Ну, нету у меня таких денег в доме! — взмолился Сергей Иванович. — Клянусь!

— Это может, наяву нет, а во сне найдутся, — говорит строгий. — Загляни в заветный ящик.

Заглянул Сергей Иванович, а там, откуда ни возьмишь, — пачка. Десять тысяч. Отдал.

— Вот и славно, — говорит строгий. — Теперь: вот тебе чистый бюллетень. Заполни по правилам, а мы его вместо твоего поганого в избирком вернем.

— Извините, Сергей Иванович, — говорит смущенный. — Только возьмите себя в руки, сосредоточьтесь и ничего такого больше не пишите.

— Боже меня упаси! — говорит Сергей Иванович. Взял ручку и поперек бюллетеня написал: «Слава лучшим людям нашего города!»

— Что ты за дурак! — говорит улыбочивый. — Написал хорошо, но бюллетень ведь опять испортил...

Придурок

Семенов Игорь Николаевич, заместитель директора крупного предприятия, после нескольких лет сопротивления со стороны молодых кадров сдался и вышел в чистые пенсионеры. Проводили его с почетом. Дом у него был — полная чаша. Но, как и предчувствовал он, жизнь переменилась к худшему. Вроде бы и на бывшее родное предприятие дорога не заказана — приходи, общайся, советуй. И замечательная семья — жена, дети, внуки. Но нахлынуло пресловутое одиночество энергичного человека, у которого появилось слишком много свободного времени. И мыслями Игорь Николаевич, как всякий начинающий старик, стал все чаще обращаться к далекому прошлому — юности, отрочеству, детству.

И однажды уразумел, что ближайшим летом его школьному выпуску стукнет ровно полвека. Так сложилось, что класс его, вроде бы дружный, традиции встречаться хотя бы раз в десять лет не установил. И большинство своих одноклассников Игорь Николаевич именно полвека не видел. Страстно вдруг захотел повидать. А когда прикинул, что это такое — собрать через полвека людей, разбросанных по огромной стране — да и все ли живы? — даже обрадовался: работа предстояла долгая и кропотливая. Вот и нашлось чем занять бездельника-пенсионера!

Для начала выяснилось, что одноклассников он помнит больше по кличкам, а не по фамилиям. Но нашел выпускную фотографию, на обороте которой все были перечислены с фамилиями и именами. Начал наводить

справки, треть класса отыскалась тут же, в родном городе. Постепенно нашел адреса и почти всех разъехавшихся. Списывался, перезванивался. Идею встретиться радостно приветствовали все.

И вот она состоялась, в хороший летний вечер — встреча в снятом под такое дело кафе.

Бог ты мой! Седины, лысины, очки, сгорбленные спины... Первые минуты никто никого не узнавал. Однако ж, каждый, понимая, что перед ним — бывшие пацаны-друганы, сходу переходил на своё обращение.

— Прошу прощения, знакомая рожа... Погоди, это ты, Рыжий? Где твои патлы?

— А где твои кудри, Цыган, здорово, черт побери!

Интересно, что в дело пошли не фамилии и не имена, а клички. Да оно и понятно: именно так они звали друг друга все школьные годы. Клички, принятые в детской среде, были разного происхождения. Самые частые — от фамилий: Кузнецов — Кузя, Сурувикин — Сурик, Финкель — Финка или Финик, Жариков — Жарый. По приметным деталям внешности: Рыжий, Цыган, Шпендик (малорослый), Жиртрест (толстоцкий). Ну и по всяким иным поводам: Ды-ды-ды (заика), Шиза (скорый на бешеные поступки), Зюзя (милый, безвольный, растяпа), Сынок (сын завуча — это как раз Игорь Николаевич Семенов), Хомка (от фамилии знаменитого футбольного вратаря послевоенных лет Хомича — вратарь школьной команды), Облом (ленивый, кличка появилась после изучения на уроках литературы бессмертного романа Гончарова), Придурок. Придурок был в классе самым невзрачным мальчишкой, ни то ни се. Учился на троечки, когда вызывали к доске, отвечал еле слышным голосом, с ним никто не дружил. Когда его обижали, не давал сдачи, а только застенчиво улыбался. Его становилось жалко, особенно не усердствовали. Его любили разыгрывать: он всему верил, что ни скажут. «Придурок, тебя вызывают к директору! Прямо сейчас!» И он не спрашивая, в чем провинился, шел в директорский кабинет, где секретарша долго не могла понять, зачем приперся этот придурок.

Расселись за столами, накрытыми весьма и весьма прилично: дорогая водка, коньяки, шампанское, рыбные закуски, икра, жульены. На горячее впоследствии и поступили великолепные бифштексы с грибами и спаржей.

После первых рюмочек одноклассники окончательно узнали друг друга — правда, не вспомнив порою, кроме кличек, фамилий и имен. Выделялся из всех Хомка, бывший вратарь. Крепко располневший, с барственными манерами, в шикарном костюме, белоснежной сорочке и алой бабочке, он говорил громче всех и постепенно заменил Сынка в роли тамады.

— Ну, друзья мои, поделимся — кто из нас ху?

Начал с себя. Оказалось: уже сорок лет как москвич, директор столичного научно-исследовательского института, член-корреспондент одной из академий.

Прошло что-то вроде переключки. Выяснилось: за столом сидят и кандидаты и доктора наук, и начальники цехов, и журналист, и адвокат. Правда, добрая половина провела жизнь скромную, пролетарскую: слесарь-расточник, водитель автобуса, сварщик, сборщик радиоаппаратуры... Когда очередь дошла до Придурка, он что-то прошелестел

своим, не изменившимся с детства тусклым голосом, никто не услышал его ответа, но никто и не переспросил. Какая разница, кем стал Придурок?

Рюмочка за рюмочкой, потекли воспоминания: любимые и нелюбимые учителя, дружбы и ссоры, занятные приключения, первые девочки (класс учился в пору раздельных школ, был чисто мужским и контакты с девочками из соседней женской школы были в старших классах очень важной частью жизни класса)...

Хомка предлагал тосты по всем этим поводам: за родную школу, за детскую дружбу, светлой памяти милой классной руководительницы...

К концу вечера, встав в очередной раз, он произнес не тост, а...

— Хорошо сидим, господа-товарищи, друзья детства? А на чьи сидим? Сынок, ты классно все организовал. Отдельные номера в гостинице, стол этот шикарный. Наверное, нам надо скинуться?

— Гм... — замялся Сынок. — Скидываться, ребята, не надо. Это вам подарок.

— От кого? — насупился Хомка. — Зачем? Мы люди не бедные.

— Ну... Он просил не говорить.

— Еще чего! Кто? Что за подачки? — раздался голос.

— Ну, ладно. Это все от него. От Придурка.

Полную абсолютную тишину принято называть мертвой. Именно она и возникла за столом.

— Шутишь? — спросил кто-то.

— Нет, не шучу. И не беспокойтесь. Для него эти траты — пустяки.

— Придурок! — вскочил Цыган. — Да кто ты... Ох, извини. Извини за эту дурацкую кличку. И еще извини, никак не могу вспомнить твою фамилию. — Он обозрел застолье в надежде, что кто-нибудь подскажет, но фамилии Придурка не помнил никто.

— Между прочим, — раздался ленивый голос Облома, — я сейчас внимательно гляжу на уважаемого Придурка и начинаю думать, что не раз видел его в телевизоре. Впрочем, может, и ошибаюсь.

Все поглядели на Придурка — и многим тоже пришлось в голову, что ни уже видели эту невзрачную внешность.

Продолжилась прискорбная тишина, которую, наконец, прервал Сынок.

— Сережа, — обратился он к Придурку. — Ну, давай уж, откроемся. А? А то ведь ребята и обидеться могут.

Придурок слегка кивнул, вроде бы разрешая себя называть.

— Ребята, это Здравомыслов Сергей Григорьевич.

— Тот самый, что ли? — откликнулся Хомка.

— Тот самый.

— Ни хрена себе! — выдохнул Цыган, налил себе полную стопку и заглотнул одним махом.

Перед «ребятами» сидел их невзрачный одноклассник, Придурок, глава крупнейшей в России нефтяной компании «Здравнефть», самый богатый человек страны. Олигарх.

Трудно сказать, что за мысли блуждали в головах одноклассников.

Олигарх застенчиво улыбался.

Подсвечник

1

Весенняя ель, как подсвечник меж звезд
И дышащей жадно землю,
Где свечечки пальцев расставил подрост
С прозрачно-дрожащей хвоею.

Величие чуда постичь я хочу,
Вдыхая душистые свечи...
— За что мне все это? — блаженно шепчу.
— Смотри и молчи, человече!

2

Ни солнечный луч на замке не держу,
Ни птицу с названием звезда.
...Дрожит на ладони, как маленький жук,
Снежинка, упав из гнезда...

В свободном падении звезды и жука,
Луча и заснеженных птиц —
Родятся мгновенья, роятся века,
Не зная времен и границ.

Занавесочка

Хочется опять за шторку спрятаться
И оттуда поглядеть на мир,
Но не получается присвататься
К детским играм — завершился пир.

Съедены песочные пирожные,
Полегли кораблики на дно,
И осталось только невозможное —
Жить бесстрашно... Впрочем, всё равно.

Не желаю я расстаться с новыми
Парусами родословных дней:
Что там за небесными засовами?
Кто за занавесочкой моей?

Половицы

Если ты сильный, пожалуйста, тише ступай!
Дети уснули... А в доме скрипят половицы...
Ветер упрямый, хоть в чём-нибудь мне уступай —
Для богатырского подвига сила согдится!

Тише!.. Я слышу, я чувствую жажду твою...
Ночь на дворе... А любовь только днём недотрога...
Видишь, полы домываю... И гнёздышко вью...
Дети уснули... Ну, что же ты... прямо с порога...

Благодать

1

Там, где падают с неба плоды
В звездный пруд в тишине по колено,
Выхожу из дрожащей воды,
Из молочно-лазоревой пены.

Выхожу из воды... И входя
В обнаженного света пределы,
Благодать золотого дождя
Насылаю на лунное тело.

2

О, Господи! Какое чудо
Дрожанье света меж берез!
Скажи мне, что это? Откуда
Во всплесках Солнца — пляска слез?!

Как будто в озеро большое
Душа твоя превращена,
А меж деревьев, как за душою,
И свет, и тень, и глубина.

Ладья

1

Ладья моя, земная колыбель,
Младенчески-доверчивая зыбка,
Зовущая неведомая цель,
Вселенская плывущая улыбка, —

Моя ладья не сможет затонуть
Лишь потому, что вечность невесома,
А тайна бесконечна, словно путь,
Бесстрашный путь из вечности — до дома.

Любовь Анатольевна Ладейщикова родилась и живет в Екатеринбурге. Печатается с 1965 года. Автор двенадцати глубоких поэтических книг и сотен публикаций в периодике. В 70–80 гг. создала собственный поэтический мир — «материнскую Вселенную». Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры РФ. Академик поэзии. Лауреат многих премий. Недавно вручена правительственная награда: медаль ордена «За заслуги перед Отечеством».

Рис. А. Митрофановой

2
 Не хочется выронить Солнце из рук, —
 Вселенский осколок овальный,
 У звезд наковальни раскатаны в круг
 Сквозь жизни станок шифровальный.

Жизнь — белая роза в хрустальной ладье,
 Как льдинка горящего масла,
 Шифр — черная роза на красной воде,
 Где Солнце еще не погасло...

Путь

1
 Жестокий мир познав,
     не разучилась верить
 В целительный оброк
     исповедальных строк:
 Чуть полночь на порог —
     опять стучится в двери
 Бог совести моей,
     мой беспощадный Бог.

2
 В час, когда умирала плоть
 И душа заполняла грудь —
 На меня поглядел Господь
 И предрек Господь крестный путь.

— Боже правый! — взмолилась я.
 — Бог с тобою... — простился Он.
 ...Кровь сгустилась, как жизнь моя,
 Превратившись в земной поклон.

Сироты России

Бродяжка, беглянка, не просит у вас подаюня,
 Живёт, словно ангел, на землю сошедший с небес.
 Сироты России!.. Потерян инстинкт сострадания —
 И к нищей судьбе у господ нулевой интерес.

Но девочка верит, покуда ей от роду восемь,
 Что мама найдётся... Вокзалы... Подвалы... Детдом...
 Живите спокойно, она ваших денег не просит —
 Стервозные дамочки под бриллиантовым льдом.

...Покуда трясла я своей ветеранской сумою,
 Пока сердобольную булочку молча пекла,
 Покуда решилась: «Возьму, будет внучкой седьмою»...
 Как вихрь, - неизвестность пылинку с дороги смела...

С тех пор по ночам меня ангел ручонкою манит,
 А я виновато шепчу: «Сохрани и спаси!»
 ...И скольких сирот ещё хищное время обманет?
 И скоро ль инстинкт материнский вернётся к Руси?

Вакансия

1
 Не добраться до правды... Пустое! —
 Ускользает — пиши, не пиши...
 Выворачивать, видно, не стоит
 Наизнанку карманы души.

Мир распахнут в любую погоду,
 Но привязано слово к векам,
 И качается правда в угоду
 Кошелькам и нечистым рукам.

2
 С тех пор как распяли Иисуса,
 Извечно вакансия есть:
 Искуснейше празднует труса
 Достоинство, совесть и честь.

Заступник

Валентину Распутину

В тот миг, когда не к чему прислониться,
 В тот час, когда Солнце погасло в груди,
 Спаситель решил за меня заступиться,
 Сказав: «Я с тобой... не сдавайся... иди!»

И тело, что было почти бездыханно,
 И взгляд, что, как в проруби льдинка, застыл,
 Услышали слов его благоуханье —
 Очнулась душа, и прибавилось сил.

И — встала, поверив в величие чуда,
 И жизнь заискрилась, слезы горячей,
 Но слово заступника век не забуду
 И длань на моём исхудавшем плече.

***

И все же осень... осень... осень
Вот-вот наступит на душе...
Опавший лист... Тумана проседь...
Разбросанные в багаже

Воспоминаний – сны о лете...
Прошло... А было ли? ...Но что ж
Тогда обкусывает ветер?
На что слюной исходит дождь?

Откуда журавлиной стаей
Сорвутся в жаркие мечты
Предчувствия моих страданий?
И что – весенние лучи

Растопят? Как не снег... А прежде
То золото! Тот дождь! Та грязь!
...И с грустью отдаюсь надежде,
Познав Божественную связь!

***

Удивительно звездно,
Ароматом напитано...
Август. Лету уж поздно.
Лето счастьем испытано.

Беззаботное вверглось
В золотую задумчивость.
Перелетность и верность
Не идут на уступчивость.

Зорче видятся дали,
Звонче слышится эхо.
Паутинки-вуали
Никому не помеха.

В шорох шелест сошел...
Листья... Листья кружатся.
Что я в листьях нашел?
Повод поудивляться!

Алексей Серый родился в 1965 году в селе Городище Свердловской области. Участвовал в поэтических марафонах 2005–2006 гг. Был участником фото-стиховыставок «СТИХИЯ», проводившихся в библиотеках, учебных заведениях и культурных центрах Екатеринбурга и области. Его стихи публиковались в сборниках «Складчина», газете «Диалог», красноуфимских газетах. Живет в г. Красноуфимске.

***

Когда печально все,
Как лунный свет,
Плечи озноб трясет,
Кажется, сотни бед

Готовы обрушиться враз,
И негде искать приют,
Я завожу рассказ,
Что где-то любят и ждут.

Я уверяю вас,
Мир – он совсем другой.
Тихо играет вальс.
Щиплет траву гнедой...

...Пишет пером поэт
Нежных признаний стих.
Так же бывает? Иль нет?
Пусть не у нас. Пусть у них.

Радостно мне, что есть
Где-то цветущий сад.
...Только, с чего невесть,
Пью смертоносный яд.

***

Прихватило дневную капель
Саркофагом хрустальным льда...
Слишком робок еще апрель.
Не упряма пока вода.

Не спешат сумасшедший крик
Воробьи поднимать в кустах.
И обманчив весенний лик
Отражением на словах.

И слова оттого весной,
Словно брызги беспечные, с крыш
Вниз бросаются, головой
Пробивая промерзлую тишь.

...И признаний бессмысленный стих
Не спеши, отвергая, мять.
Может, жизни начало в них
Лета жаркого? Как знать...

Рис. Я. Ахметшиной

***

В предчувствии первых дождей
 Ночь теплая не колыхнется.
 Неслышно в ветвях тополей
 Лист клейкий на волю пробьется.

Забродит густой аромат
 По чуть попросохшим дорожкам...
 Зальется, совсем невпопад,
 Ручей звонким смехом... Немножко

Стыдливо потупит свой взор
 Луна – желтоокая дева!
 И сбросит на темный забор
 Тень светлую гибкого тела.

И май где-то там, за рекой,
 Черемухи белой коснется...
 Уходит, уходит покой...
 И вряд ли весной вернется!

Тополиный пух

Тополиную яркую крону
 Убеляет беспечный пух!
 Полыхает пожар зеленый
 И дымит, чтобы не потух
 Летний день – от дождливой страсти,
 Прилетевшей на облаках!

Только тщетно. Увы, ненастье
 Через дымчатые меха
 Втиснет пальцев прямые струи...
 ...И к подножью спадут кружева.
 ...И, блаженствуя в поцелуе,
 Обнаженные деревья,
 Утомленные кудри свесив,
 Отдадутся дождям шальным...

Мир безумен в любви! И чудесен!!!
 Так плыви, тополиный дым!

***

Стрекоз шуршанье,
 Блеск прозрачных крыльев,
 В ненарушимой вдумчивости зноя
 Луча купанье
 На пруду, меж лилий.
 Шмеля урчанье с полнотой покоя.
 В закатном танце
 Комаров синхронность
 Неслышно горизонт пересекает,
 Садится солнце
 В дымчатую сонность,
 И лето в томный вечер отдыхает.

***

Месяц усмехался
 Тонкими губами.
 По кустам слонялся
 Длинными кругами

Сумрак предрассветный.
 Клен дремал кудлатый.
 Отрешенно-бледный
 Брел туман куда-то.

И с какой бы стати
 (Сам не понимаю)
 Я писал в тетради:
 «Утро. Засыпаю».

Предел совершенства

1

— Эй, блин кособокий! А сочини-ка мне стопарь чего-нибудь покрепче.

— Вредно!

— Так ты подлечи. Подлечи!

— А не по правилам!

— Да блин... Какие правила! Нас же здесь всего двое.

— Сам блин. А я уже стартую!

И впрямь, за широким окном шаланды дерева, дома, люди — все словно сминается, проседает само в себя. Крыша ближайшей трехсотэтажки проскользнула мимо окна — вниз, вниз. Пару мгновений спустя и облака подобно тончайшим обрывкам бумаги опали, выстлали молочно-белыми завитками теперь уже абсолютно гладкую земную поверхность. Близко, метра три, не более, да только моей линейкой меренных, что называется. Там, вовне, за пределом наведенной анизотропии, в каждый мой метр уже сейчас километров по семь влезает. То ли еще будет. Легкая вибрация корпуса, это центробежная сила оторвала шхуну от стартовой площадки, и абсолютно плоский блин Земли, наверно, именно так воображали ее наши предки, затерялся в космических даях. Звезды ярко вспыхнули и словно приблизились, теперь точно ягоды на брусничной поляне. А корабль, уже не странная, кривоватая лепешка, а длинная-длинная спица, с орбиту Плутона, не меньше, преодолевает первые световые секунды... Часы... Недели...

И все же что за болван сочинил эти правила? Кретин. Садист поганый. Ну почему лишь после окончательного разгона? Может, раньше оно и было оправдано. Очень давно, когда пилоты сами отслеживали цифири на показометрах. Но теперь-то... Убил бы гадину! Весь кайф обломал на столетия вперед, зараза. Воистину все руководства написаны через «ять»!

— Эй, шаланда, плесни хотя бы кофе!

— Горячего?

— Да!

— На какую часть организма?

И что за крейзолог придумал машине чувство юмора? И ладно бы придумал. Так ведь обосновал еще «необходимость эмоционального режима транспортной техники при составе экипажа в одну мыслящую единицу».

Вячеслав Борисович Рогожин родился в 1973 году. Аспирант физического факультета СПбГУ. Увлекается литературным творчеством с пяти лет. Печатался в ряде изданий как с научно-фантастическими текстами и стихами, так и с научно-популярными статьями. Профессии: инженер в НИИФ СПбГУ, водопроводчик, дизайнер-оформитель и т. д. Является участником Санкт-Петербургской студии фантастики А. Д. Балабухи.

— Кончай придуриваться. Кофе, пли-из.

— Ну, если только пли-из...

Из пола медленно проросла тонкая, прозрачная трубочка и потянулась ко рту.

— Чашечку, балда!

— Ничем не угодишь... Как пиво, так через соломинку. Как кофе, так из чашки, — заворчала транспортная техника в ответ на капризы мыслящей единицы.

— А водку из стопки! Ясно?

— Барда-а-ак!

Трубка съезжилась, набухла тяжелым бутонем и вдруг раскрылась в изящный столик, в центре которого наблюдалась маленькая чашечка ароматного напитка.

— Сразу бы...

— Я — шхуна! Корабль дальнего следования, между прочим, а не официант. — В голосе Корабля Дальнего Следования послышалась легкая обида.

— Давай, давай... Не фиг выпендриваться. Выходи на крейсерский режим. Нас люди ждут.

— Ждут... Ну-ну! Они так еще лет двести ждать могут. Жмурики времени не замечают.

— Чайники!

— Какая разница...

2

Говорят, на самом закате прошедшей эпохи, когда методика пространственной анизотропии применялась лишь для гашения инерции, в моду вошел весьма своеобразный способ сводить счеты с жизнью. Не суицид, конечно же, нет! Скорее, наоборот. В стремлении убежать от естественной смерти некоторые авантюристы «ныряли в вечность», сжигая материю кораблей в непрерывном разгоне, и воочию наблюдали, как Вселенная стягивается в тонкий, огненный пласт, как взрываются звезды и появляются новые светила. Известно же, при чудовищном разгоне внешние процессы мчатся в бешеном темпе по отношению к часам балбеса, вздумавшего бросить времени вызов. Отловили недавно в космических даях одного такого оболтуса. Морда небритая, глаза горят, скорчился в углу каюты, трясется, как на вибромассажере, и тушенку из жестяной банки ногтями выуживает. Старые-то механизмы анизотропии с глючком были, микронеоднородности инерциального поля, одни нейроны в невесомости, другие плющит не по-детски... Едва объяснили несчастно-

му хронику, а «хронос», как известно, это и есть время, что за месяц его драйва во Вселенной два века миновало.

Да, что и говорить, сейчас условия для галактических путешественников не в пример более приятные. Врубаешь луч наведения анизотропии внешней и летишь в искаженном эфире, без каких бы то ни было увязок на древние, весьма и весьма относительные теории. Но главное, игры с вечностью перешли совсем в иную форму.

— Эй, катафалк летучий! Доложить о состоянии груза!

— Это ты кого? Это ты меня... — оскорбилась шхуна.

— Отставить! — жестко обрываю обиженные причитания посуды. — Докладывай!

— Роуз Крон-Тебель, родилась 23 сентября две тысячи сто тридцатого года, некроз недельной давности, состояние без перемен, Валентин Евгеньевич Соколов, год рождения две тысячи сто сорок третий, некроз недельной давности, состояние без перемен, Торна Вирус...

— Стоп, стоп, стоп... Общее состояние груза!

— Тринадцать единиц. Некроз недельной давности. Состояние без перемен. Капитан. Один. Грубая скотина. Актуальный скандалист, хронический алкоголик...

— Отставить ругать капитана! А то в эротический режим переведу.

— Заведи подружку. Пусть она тебе мозги полощет.

На стене тут же оформилось рельефное изображение. Нечто вроде Венеры Милосской, только буфера побольше и зрачки вместо сосков. Да, рука еще. Одна. С медузобразными мозгами на ладони. Нечего сказать, машинный юмор!

— Ага. Поостри. А я передохну чуток.

— Много тут вас. Отдыхающих... — ухмыльнулась шхуна. — Ты, кстати, водочки заказывал!

— А что, уже можно?!

— Давно можно! За окошко глянь, первую звезду минут пять как пролетели.

— Садистка! Что ж ты раньше...

Перед носом нарочито медленно раскрылся новый столик с граненой стопкой, до краев наполненной вожделенной жидкостью...

— Ну, за медицину!

3

Тело излечить не трудно. При желании хоть полная регенерация. Другое дело, алкоголизм. Это уже душевная проблема. Тоже, конечно, лечится, но ведь с ним сживаешься, он становится частью природы — свой, родной, никому не отдам! Одна из прикольных фишек, подчеркивающих индивидуальность на фоне простых обывателей. Я уже три тела вусмерть спойл, сейчас четвертое донашиваю, у меня теперь целая коллекция меня за стеклянной стеной в комнате экспонирована! Рожи... Красно-синие, с бурными мешками под глазами. У одного — шнобель пористый, в красную крапинку. Заглядень!

— Шхуна! Еще водки!

— Бу сде... А что это ты там бормочешь? Горячка? Неужто, белая? Так я чертиков подброшу. Зелененьких. Не, тоже беленьких. Чтob самому раскрасить.

— Отвянь. Али не видишь? С умным человеком разговариваю!

— Так тут же нет никого...

— И что за тормоз тебе юмор инсталлировал? А я на что? За взаимопонимание, в общем!

— Вот и говорю, ал-каш!

— Так и я о том же. Алкоголизм — не проблема. Алкоголизм, это забава!

От алкоголизма не умирают. Только по глупости. Или от старости. Природе же надо, чтобы мы дохли. Размножались и дохли. Иначе ей, понимаете ли, облом с эволюцией выходит! И такая куча биологических программ на это повешена, что до сих пор всю их шараду наши психохакеры не ломанули. Вот и получается, что если даже вырастить седовласому старцу тело семнадцатилетнего юнца, то он, может, и побежит сразу же девочек тискать. Но, скорее всего, очень скоро подохнет. С тоски подохнет. Не сдает природа без боя древние позиции!

— Органика, это вообще ненадежный материал... — встряла шхуна в мой, местами озвученный, внутренний монолог.

— На себя посмотри! Первая-то техноплазма мощная была. Деревянно-каменная. Ею мамонтов гасили. А ты... Жвачка техноплазменная! Конгломерат нанотехники... Хе... Хе.

— У меня ребра жесткости есть... Карбосиловые! — плаксиво прошелестела шхуна.

— У-ути-пути! Обидели яхту. Нагадили в шахту.

— Я из шахты не стартую!

— Ну так и у нас не все линейно. Настоящим романтикам все проблемы по барабану. Они безо всяких санитаров способны перейти грань смерти и остаться в живых! Ну, поэты там. Ученые иногда. Сантехники. Некоторые... — я тут же припомнил, как в далеком, железобетонном двадцать первом веке, будучи сантехником, крутил шведками чугунные трубы первобытной канализации. — В общем, мораль такова. Никогда не откладывай на завтра то, что можешь выпить сегодня. Вечность, это значит черпать жизнь большой стопкой!

— Большая стопка ведром зовется.

— Пра-ально. Водки!

— Сказано-сделано...

— Не буквально ж, дура! Ведро — общий литраж. А душевный подход к делу предполагает дискретный подход... Опаньки! Теперь правильно — прозрачная, граненая... За Романтиков!

4

Вечно жить не запретишь. И дернуло же Сашку безо всякой психологической подготовки ломануться на инициацию. Ему бы успокоиться сперва, о жизни прошлой, о делах своих скорбных подумать. А он: «Не сидел, не привлеклся. В порочащих связях замечен не был. Пройду без труда». Ну да, без труда! В некроконтейнере к центру галактики... Уж не знаю, на чем его коротнуло, на чем башню переклинило, но факт налицо: лежит, голубчик, и видит сны, быть может. Какие сны приснятся в смертном сне?

— Каждого в романтика не переделаешь! — снова встряла шхуна в разговор с хорошим человеком. — Падлу, наверное, какую-то твой Сашка подстроил. Да хотя бы даже и тебе!

— А ты на моего друга не наезжай! Сашка, он человек хороший! Мы с ним знаешь сколько пудов соли выпили? Блин, съели то бишь?

— Представляю... Сколько вы там выпили, — ухмыльнулась шхуна. И тут же продолжила нейтральным, холодным тоном: — Если хотя бы часть самых волнующих воспоминаний, самостоятельно избираемых мозгом пациента в процессе инициации, исключаются из сенсорного ряда, обновленная личность становится неполноценной... И тогда хронический депрессняк с летальным исходом! — Последнее предложение было сказано предельно саркастично, однако шхуна тут же спохватилась и вернулась к прежней, ничего не выражающей интонации: — Если же нет, пережитые ранее эмоции, накладываясь и взаимодействуя друг с другом, могут привести к фрагментации и разрушению сознания. Медицинская Энциклопедия! В общем, родной, чем больше человек другим нагадит, причем в своем личном понимании, тем и задница к нему ближе. Извини за грубость и органическую малодостоверность данного изречения.

— Заткнись. Водки!

— Плиз!

— За совесть! Последнюю преграду между человеком и его личным бессмертием.

Я чокнулся стопкой со своим отражением в окне, где все так же ярко пылал огненный жгут галактики. Красота! Как там говаривал древний поэт: «...Невод в небо заброшу. Звездную выловлю рыбу. Пусть искрится у ног...» Эх, почему люди не летают, как пробки? Бр-р-р... Как яхты, в смысле? Так бы встать на краю Вселенной, раскинуть руки...

От этой мысли меня укачало, а потому я тут же проглотил стопарь вместе с его содержимым, техноплазма посуды хорошо переваривается организмом и устраняет синдром похмелья.

Да, совесть — жесткая штука. Но разве может себе позволить цивилизованный человек спастись перед собственной натурой? Исхитрились-таки. Переплюнули природу-мать... И как все оказалось просто в теории! Это же только в черепной коробке фиг за всем уследишь. А если мысль, считанную методом прямого нейросканирования, материализовать в техноплазме, то нет проблем! Где надо, врачи смягчат, где надо, разрушат цикл переживаний, и чайник, частично инициированный, то есть незаметно для самого себя, перенастроится на мир материальный.

И лишь одна маленькая проблемка остается. Сложен он, внутренний мир человеческий. И требует для внешнего воспроизведения такого количества техноплазмы, что нужную для всех чайников массу вещества удалось найти лишь у центра нашей галактики. Именно там и был отстроен Центр Вторичной Инициации. Именно туда, как старый друг, товарищ, коллега, я и вызвался проводить своего друга, товарища, колл... Собутельника, в общем. Иначе очнется где-нибудь в звездных гребнях, среди совершенно незнакомых людей. Кто ж ему стопку за жизнь вечную нальет? Робот какой-нибудь текучий? Вот именно. Свинство!

— Ладно парить! Та-варищ, кал-лега, видите ли. Надраяться ты полетел. В одиночестве, чтоб никто не мешал, — с издевкой заявила яхта.

— А хотя бы и так! А что, нельзя? Где ж теперь на Земле нормального собутельника найдешь?! Все снобы долбанутые или кретины зажавшиеся. Был вот Сашка один, и... — я чуть было не сказал «помер». Пусть и двадцать третий век на Вселенной, пусть и суеверие, но нехорошо так о чайнике! Не к добру. — Водочки!

— Может, хватит?

— Отдаю приказ: водочки, бр-р-ригантинушка моя!

Не знаю, отчего подобное обращение так пришлось по душе шхуне, но стопка тут же материализовалась перед моим носом.

— И еще водочки!

— Есть водочки!

— И опять водички!

— Так точно!

— Ну... За эту... Как там ее... Люба, Вера, Лера-холера... А! За Надежду! Во. О-ой, цветет кали-и-на, прямо у-у ручья... Подпевай!

— Пар-ня ма-ла-до-га па-алюби-ла я!

— Ай лайк ту мув ит, мув ит...

5

Как отключился? Не помню. Однако наутро жить не хотелось.

Но было надо.

Я приоткрыл глаза. И тут же выпучил их до предела.

О, если бы это были обыкновенные розовые крокодильчики. Маленькие. Миленькие. Летучие розовые крокодильчики. Я бы сразу понял, запой, побочные синдромы. И продолжил бы пить дальше.

Но это оказались не они. То, что подбросила реальность в час нынешний, вызывало лишь одну ассоциацию. Фразочку из какой-то очень старой песни: «И только лошади летают вдохновенно».

Хотя при чем тут лошади? Вообще-то, они напоминали жирафов. Очень условно. Как тот абсент, который Пикассо так и не смог ни разу дорисовать до конца. Карликовые, даже не пятнистые, а полосатые жирафы рывками двигались в воздухе, отталкиваясь от него тонкими, почти прозрачными перепонками промеж ног. Жирафокаракатицы... Кракокатицожир-р... Интеллектуальной мощности, подорванной обществом зеленого змия, не хватило на точный подсчет конечностей, однако четвероногостью здесь и не пахло.

Если это очередная делегация гуманоидов, то почему шхуна не растолкала меня сразу? Знаю, знаю, гуманоиды — это те, кто подобен гоминидам, а не земноводновоздухоплавающим гибридам фиг знает кого фиг знает с кем. Но ведь не сожрали они меня сразу! Значит, гуманны. Следовательно, гуманоиды. Вернее, гуманоиды. Наверно...

Но почему шхуна не растолкала меня сразу? Стоп, об этом я уже думал. Значит, все же глюк. Но я такими тварями не глючу, честное слово! Мы с Сашкой, конечно, оформители по профессии. Дизайном занимаемся, режиссурой по необходимости. Но не антиоформители же, черт побери! Не, если это и глюк, то не мой. Неужели...

— Шхуна!

— Ходить хло-о-опцы над реко-о-ою. Ищуть хло-о-опцы мордобо-о-ою...

— Шхуна!!! Блин тебя комом!
— А-а-а... Оу-у-у-ы! Как же хлопцам быть? Хлопцы хочу-ут пить...

— Да ерш тебя туды-сюды! Шоб те дизель заместо фазогенератора! Анализ среды, быстро!

— Среда зашибись! Никогда так хорошо не было! Почему ты меня сюда еще не приводил? Ка-пи-тан хредькин... Капитан, капитан, улыбнитесь! Ведь улыбка — это ф-ф-ф...

— Отставить! Кто здесь бухой, ты или я?

— Ты знаешь, любимый, я сейчас па-адумала, падумала и даже не нашлась, что ответить. Как ты там говорил? За взаимопонимание, в общем! И это мудро. Ты меня п-маишь? Не, ты меня п... Ш-ш-ш?!

Я попытался задуматься. После вчерашнего это было непросто. И позавчерашнего. И... Черт, да сколько там времени-то прошло после старта? Эх, водочки бы. Но хватит пить. Пора бороться! Надо срочно протестировать логические цепи корабля:

— Шхуна! Дважды два!

— Нам хана. Три-четыре — запришь в квартире. Пять... Шесть... Кто-то всех нас хочет съе-е-есть...

Правильный ответ я не очень-то помнил и сам. Но и в этом своя логика имелась. Безрадостная, но всяко лучше, чем никакой. Оказаться в искаженном градиентом остаточной анизотропии пространстве, да еще и в облаке звезданутых нанороботов, останках рехнувшейся яхты... Мечта мазохиста! Будем отпалкиваться от того, что есть.

— Шхуна! Три основных закона ноотехники!

— Меня многие не понимают. И это страшно. Но некоторые понимают. И это обидно. Да и вообще, не ищи совершенство. Ведь оно есть!

И это не вполне соответствовало тому, что припоминалось мне. Но, собственно говоря, не так уж плохо. Может, все-таки глюк? Обильна ж на подлости человеческая натура!

Осторожно обогнув косяк гуманноидов, я проскользнул в коридор и кинулся в медицинский отсек. То, что я там увидел, тоже не воодушевило.

— Шхуна!

— Ась?

— Где биосканирующий медицинский адаптер?

— Био... Што? Умница ты моё! Говори просто! Три буквы... Четыре... Ну, пять, по крайней. Иначе ни-че-го никак.

Если некто даст вам пару голограмм и попросит найти десяток отличий между ними, то вы имеете полное право дать ему по глазу, коли отличие будет только одно. Причем самое очевидное. Увы, с глазами у шхуны была напряженка. Вернее, она сама была сплошным рецептором, но не уподобляться же по этому случаю древнему маньяку, пытавшемуся выпороть море?

В медицинском отсеке отсутствовал не только биосканирующий адаптер.

В медицинском отсеке отсутствовал медицинский отсек.

Вместо него наличествовал огромный, нелепейшего вида зал, заполненный толпой веселящихся монстров...

6

— Ш-шаланда!

— Ась?

— Блин! Что... Кто это? И почему? — попытался я сформулировать вопрос в максимально доступной форме.

— Хеппи бездей ту й-й-ю-у! — пропела шхуна с ужасным русским акцентом. — Это твои дядюшки и тетушки пришли тебя поздравить с праздничком, милый.

Монстры повернулись ко мне и галантно клацнули челюстями. От этого меня заколбасило с удвоенной силой.

— Родная... Дай чего-нибудь от головы!

Вперед с готовностью выпрыгнул один. Оскалился всей своей натурой, собственно говоря, и представленной здоровенной, клыкастой пастью и особо звучно звякнул зубами где-то на уровне моего пояса. Я отскочил в сторону.

— Зубастая челюсть ползла по дороге. Пугая прохожих. Кусая за ноги, — продекламировала шхуна с выражением. — Но все же не будем судить ее строго. Она только челюсть. Мозгов в ней немного! — яхта замолкла на миг, потом добавила нежным голосом: — Склони голову, дорогушенька. Проблема будет решена!

— Не... Ты не поняла. Мне, чтоб не болела!

Чудище-пасть раскрылось, словно космическая помойка, а на бугристом, розовом языке обнаружилось здоровенное, белое колесо, разделенное пополам неглубоким желобом. На гладких половинках горела целая охапка тоненьких свечек, штук триста, не меньше. А еще наличествовала красная, с завитками, надпись — «С ДРом!»

— Большой голове — большая таблетка! — ухмыльнулась шхуна.

— Мой бёздник через полгода! — попытался я исправить недоразумение.

— Лучше раньше, чем никогда! — мудро подметила шхуна. — Ступай, поцелуй дорогих гостей!

— Иди ты к черту! Убери! Всех убери! Сейчас же!

— Зачем шумишь, милый? Они постучались, я открыла! Невинова-та-шня-я бригантинушка! Они сами приперлись... Завалилис-с-с... Насядали везде! А кому убирать? Ну скажи на милость, кому убирать?

— Т.. Тебе! — высказал я очевидное суждение.

— А вот ни фига! Не убираются они! Весь кайф обламывают, псуки. И вообще, говори тише!

— По-че-му?! — видимо, из чувства протеста проорал я.

И тут же осознал причину...

Уже бросившись в один из ближайших проходов, я расслышал тихий, сочувствующий шепот шхуны откуда-то сзади: «Это их бесит...»

7

Монстры гнались за мной.

Некоторые из них имели условно земное происхождение, коли принимать во внимание авторов. Скажем, уже знакомая Зубастая Челюсть, бодро щелкавшая где-то сзади, основательно смахивала на Абсолютное Оружие из какого-то давнего фантастического рассказа. Но помимо земных чудовищ здесь наличествовали и явно чуждые нашей цивилизации образцы. Хорошо, что бегали все эти твари не очень — опасные на вид когти, зубы до пола, шипы и прочие прибабасы не позволяли как следует разогнаться. Но когда одна из этих тварей плюнула стус-

ком пламени, едва не подпалив мой биоджемпер, я таки взмолился во спасение собственной шкуры всем Древним Богам Вселенной.

Удивительно, однако электроника свихнувшейся яхты вняла моим мольбам, и позади материализовалась внушительная преграда — целый сектор коридора заполнился бронипластом. Я даже не поверил своим глазам, такая приятная неожиданность на фоне всеобщей засады! И тут же рухнул на пол, чтобы чуть-чуть отдышаться.

Тогда-то и появился он.

Это был Багги. Багги, Пожиратель Пространства.

В былые времена такие же черные кубы стаями сновали у центра галактики, выжирая червоточины в космическом мраке. И горе было судну, инопланетному или земному, что попадалось на их пути! Транспортный луч для этих тварей был чем-то вроде длинной макаронины, которую черные кубы с аппетитом втягивали в себя вместе с нутром породившего её корабля. Охота на Пожирателей Пространства велась много десятилетий и окончилась полным успехом. Особенно хорошо мне запомнился давний репортаж, повествующий о том, как последнюю зловещую тварь удалось заманить за радиус событий черной дыры лучом анизотропии. Радости в ту пору было...

В общем, монстр Багги, именно такое название он получил в земной прессе, давно уже являлся исключительно фольклорным персонажем.

До настоящего момента, конечно. Зловещий черный куб медленно и безмолвно выплыл из бронипласта, а после, с легким шипением, неприступную преграду преодолел и другой фольклорный персонаж.

Я не поверил своим глазам, однако же вскочил на ноги и снова дал деру. Еще бы, сама Квантовая Липучка явилась моему взору!

Существование этих созданий, беспорядочно квантовых пространство в своих пределах и попутно превращающих любое вещество в поток нейтрино, не признавал ни один, беспокоящийся за репутацию, ксенобиолог. Это им физики внушили — нельзя всю массу в нейтрино переделывать, какие-то там заряды, то ли лептонные, то ли барионные, сохраняться не желают, да и со всяческими симметриями просто беда.

Но ведь и яхты официально не сходят с ума... Если случилось одно, почему бы не страстись другому? И третьему?

Третье состояло в том, что у меня почему-то заболела печень, и я начал сливать забег. Пришлось взмолиться Древним Богам еще раз. И они снова вняли моим мольбам, потому что уже через минуту Зубастая Челюсть с аппетитом и хрустом откусывала хорошо обжаренному мне, спасибо тому огнеплюю, голову. Остальное гости тоже не обделили меня вниманием.

Разумеется, я этого уже не видел, табун уродцев буйствовал в соседнем отсеке, однако сполохи яркого пламени и резко оборвавшийся человеческий вопль, донесшийся оттуда, недвусмысленно указывали на печальную участь, постигшую брентную физическую оболочку. Мир праху моему, подумал я. Но хорошего человека должно быть много, чтоб и себе, и монстрам. Одним-то костлявым алкоголиком эти твари вряд ли удовлетворятся! Я от-

дал приказ техноплазме на воссоздание еще десятка своих телесных аналогов, и они гуськом потрусили кормить чудовищ. Вновь яркие сполохи света, хруст костей...

Нет, эта развлекуха меня уже достала. Значит, бежать! Валить на фиг! Я рванул было с места, но тут старый, ехидный сантехник минувших столетий проснулся в глубинах подсознания, чтобы сказать веское слово. «Мать ма, тьма, моя родина! — произнес он, поигрывая здоровенным разводным ключом. — И не стыдно ли тебе, бравому космическому капитану, драпать по собственному кораблю от какой-то поганейшей дряни? Вспомни все, чему нас учили!»

Я попытался, но припомнил только древнее воззвание на бачке унитаза: «Нагадил — спусти!» А что, вариант! Уже через минуту не без чувства глубочайшего удовлетворения прислушивался я через герметичную переборку, как с характерным, до боли знакомым звуком преследователи мои проваливались в канализационные глубины открытого космоса.

И тут я все-таки припомнил главный лозунг сантехника: «Выплыл сам, спасай коллегу!» Кто знает, во что там Сашку превратило? Беденький, мать его! Ни секунды не сомневаясь боле, я рванул в направлении медотсека.

8

Как мне и показалось исходно, зал был воистину безобразен. Нелепейшая окрошка из самых разнообразных стилей всех времен и разумных рас, будто кто-то наспех расставил по углам старые театральные декорации, ничуть не позаботившись об их назначении. Но все же наличествовало в огромном зале и то, что притягивало взгляд. Это были стереопанно, выполненные в виде широко распахнутых дверей. Одни пылали тысячами и миллионами плавно преобразующихся линий, завораживая сознание многоцветным многообразием, другие отражали вполне реалистичные картины — галактические пейзажи, морские просторы и даже гигантские пространства, в которых проплывали целые горы какого-то древнего барахла.

Словно в трансе, снизошедшем извне, изнутри этих картин, я подошел к ближайшей и попытался прикоснуться к ней ладонью. Рука провалилась вглубь! Я мог сам залезть в любую из картин. Я мог смотреть на происходящее изнутри, каждый раз пребывая в новом мире! Двери оказались действительно дверьми, за которыми существовали свои, странным образом пересеченные, уместившиеся в едином объеме мироздания.

Но теория параллельных миров давно уже была признана несостоятельной! Физика нашего мира оказалась совершенно иной, нежели предполагали несколько столетий назад самые отъявленные фантазеры.

— Шхуна! — проорал я, с кряхтением выбираясь из очередной двери. Всегда подозревал, что во мне спит отважный исследователь белых пятен Вселенной!

— М-м-м? — ответила она тоном крайне невыспавшегося человека.

— Что это?! — снова проорал я, указывая пальцем на горячие барханы, устилавшие все пространство за створками дверей.

— Гм-м-м... — прогундела яхта с сомнением.

— Не знаешь? — воскликнул я.

— Отвянь, — прошептала она укоризненно. — Дай вздремнуть. Башка болит. Ответ в базе данных отсутствует.

И неудивительно. Когда б такой феномен был бы известен человечеству, мне бы о нем тоже было известно, люблю на досуге покопаться в научной литературе. Но откуда башка у яхты?! Не суть...

— А Сашка... Сашка где?! — вспомнил-таки я о друге.

— Отвали, мне так поганно! — ответила шхуна с глубочайшей тоской в голосе. Но потом, помолчав слегка, все же пояснила: — Встреча будет у фонтана.

— Как? — ошарашено прошептал я. — Где?!!

— В этом-то и суть сюжета, что пока фонтана нету.

Чувство юмора у яхт уже давно в порядке вещей. Но чтобы они еще и стишки сочиняли... О таком программном извращении я ни разу не слышал.

— Фонтан... О чем ты?! — возмутился я.

— Хр-р-р... Хр-р-р... — послышалось в ответ.

Вообще-то, шхуны не спят. Но раз уж они поэзией увлеклись, то почему бы и да?

9

Так. Сашка. Где же Сашка? И какой таки фонтан, ко всем чертям Вселенной? Я скептически оглядел зал. В самом центре, из блестящего, словно криогенный слизняк Ганимеда, пола торчала толстая, ржавая труба. Самая натуральная. Таких я уже лет двести не видел! И кран на конце килограммов на десять, что задвижкой зовется. Но рядом с нею нет ничего... Впрочем, пол-то имеется. И даже прозрачный вроде, вон, как сверкает.

Я подошел, внимательно вглядываясь себе под ноги. Так и есть! Лежит, голубчик, под блистающей поверхностью, только на себя не особо похож. Волосами да пальцами, удлинившимися, разветвившимися, словно корни, в обстановку врос. И тянется все это кружево из-под пола хрустального... Эх, сколь некстати и меня на поэтические метафоры понесло! В общем, распространяется сие безобразиие к элементам местного интерьера, таких странных коммуникаций мне даже в бытность сантехником видеть не доводилось. Як же раскорячило! И что бы это значило? Нехорошо выругавшись относительно стихотворной заразы, я сел на пол и прислонился спиной к ржавой трубе.

Первую мысль, выломать ее на фиг, разбить стекло, освободить товарища, отмел сразу. С чего я взял, что прозрачная субстанция под задницей, это стекло? Да если бы даже и так. Оторву друга от корней, а он и загнетса вовсе или хлестанет оттуда чем-нибудь нехорошим. Давненько со мной такого не бывало. А страх остался!

Мысль следующая относилась к теории чужеродного сознания. Не с простого же бодуна все это? Пялится сейчас какая-нибудь тварь на меня из неведомого измерения, загадки подбрасывает, выводы делает. Сволочь! Ну в самом деле, как-то уж все это на головоломку смахивает. Коридор, опасности, приманка в конце туннеля — все элементы лабиринта для грызунов, но только не для них, разумеется. Крысы на космолетах, это выдумка древнего фантаста Гаррисона. Короче, будем думать...

Очевидно, ключ к разгадке находится именно в этом помещении. Для печени очевидно, уж ей-то я доверяю,

когда не болит. Про монстров пока забудем. А что у нас остается? А остается дизайн помещения, халтурный по всем статьям, и Сашка как его центральный элемент. А Сашка у нас дизайнер... Ох, как-то все прямолинейно получается! Уж не считает ли меня уважаемый экспериментатор полнейшим кретином? Впрочем, если так, оно и к лучшему! Продолжаем анализ ситуации. Наблюдаются взаимосвязи между Сашкой и элементами оформления зала. Значит, есть взаимодействие. Повлияешь на одно — изменишь другое. Логично? Будем воздействовать на окружение! Али сам я не дизайнер? Ну, раз уж сантехники больше никому не нужны... Али не приведу к сноскому виду эту берлогу?

— Итак, Древние Боги, центральную, массивную люстру, подавляющую обстановку, долой, десятка два изящных светильников с витыми свечами будут здесь как нельзя более кстати. Двери в иные миры заменим на рамы кремового цвета — этакое окна в иные Вселенные. Стены пусть будут рельефными, с узором на манер изморози на стеклах. Дополним все это куполообразными сводами над головой, раскраска под обычное небо с редкими облачками. А внизу мозаичный пол, но без особых наворотов, словно тысячи разноцветных, обточенных камешков, принесенных с морского побережья. Вокруг Сашкиного ложа, так... Этакое озерцо с утопленничком. Хотя... Я бы, конечно, лучше фонтан на этом месте поставил. Раз уж о нем речь зашла.

Я настолько глубоко погрузился в собственные мысли, что даже не удивился, когда еще через несколько минут прямо под ногами увидел мокрую, ну, условно мокрую, конечно, морскую гальку. Обычно ведь так оно и бывает при работе опытного дизайнера с техноплазмой, облекающей мысленный образ в материальную структуру. А когда поднял глаза, то обнаружил, что меня окружает именно та обстановка, которую я только что последовательно проработал. Что же касается чаши небольшого фонтана, бьющего в центре помещения, то из нее, как и было предсказано проявившей неординарные оракульские способности яхтой, вылезал насквозь промокший Сашка. Он смешно вращал выпученными глазами, поминал ежесекундно всю нечисть галактики и непрерывно озирался по сторонам.

Нечисть не заставила себя долго ждать.

10

Запоганив обжитый интерьер безобразным отверстием, в зал влетела Квантовая Липучка, другие чудища поперли за нею следом. Говно всплывает, почему-то припомнилась широко известная некогда пословица.

— Твоя работа? — задал я Сашке предельно глупый вопрос.

— Моя... — дал Сашка не менее несурзанный ответ. — Да ну их!

И махнул рукой, после чего табун приближающихся уродцев бесследно растворился в воздухе.

— Умеешь же ты решать мои проблемы! — с некоторой растерянностью произнес я.

Даже обидно стало. Будто в каком-нибудь халтурном романчике после слов: «И тут она открыла глаза. Ах, о чудо, это был всего лишь ночной кошмар!»

— Если бы! Оно само... — с не меньшим недоумением отреагировал Сашка.

— Ну-ну, твоя ж работа! Сам сознался. Не знаю, как ты весь этот цирк организовал, но раз уж взял весло, гребь... Рассказывай, в смысле!

— А что тут рассказывать? — взвился Сашка. — Минута до представления! Тебя где носит? Да еще режиссер с придурью. Обычные персонажи ему, видите ли, не подходят. Для детского-то утренника! Подавай экзотических уродов, чтоб кровь стыла в жилах!

— Какое представление? Какой, блин, утренник? Ты в своем уме, Сашка?

Я с ужасом смотрел на своего друга, порюющего откровенную чушь. А тот с укором продолжал:

— Проект-то у тебя остался. А мне... Знаешь, мне ведь всю жизнь было бы стыдно за то, что я тут наворотил! — Сашкин голос задрожал, и мне подумалось даже, что он вот-вот заплачет. — Впрочем, успел, и ладно, — сдержался Сашка. — Теперь композиция выглядит куда лучше. А чудики эти... Исчезли, и к лучшему! Режиссеров с подобными запросами в шею гнать надо!

Проект... Стыдно... Композиция... В голове у меня что-то начало проясняться.

— Саша! Число сегодня какое?

— Двадцать первое мая.

— Ты год, год скажи!

— Двести шестьдесят второй. Две тысячи, если угодно!

— Отстае от жизни, коллега. Двести семьдесят третий! А я уж подозревать начал, что ты ухлопал кого-то ненароком на задворках галактики. Ведь больше десяти лет прошло, черт побери! Вспомни, микроволновой шквал в районе нейтронной звезды, расфокусировка транспортного луча... Ты вовремя добрался. А я в самый эпицентр этой передраги попал. Часа два по нежилым районам галактики выруливал! Ты потом долго еще уволиться грозился. Профессиональная совесть, черт её побери! И что только не доводит людей в наше время до вторичной инициации...

Дальнейших пояснений не потребовались. Память последних лет постепенно возвращалась к моему другу, и уже через несколько минут он сам смог припомнить, как беспечно шагал под теплыми лучами родной звезды на первичную инициацию, даже не подозревая, что за пакость в скором времени подкинет ему собственная же натура.

— Слушай, а что дальше-то произошло? Откуда все это? — наконец, задал он самый естественный в данных обстоятельствах вопрос и обвел взглядом преобразенный зал.

— Сперва прилетели жирафы. Яхта, водки... Две. Нет, лучше три. Третьей будешь?

— Бу-у-у... — протянула яхта голосочком тоненьким и звонким.

От стены опять отпочковался образ Венеры Милосской, и даже без глаз на сосках — последние под легкой, полупрозрачной материей зрились сочно и упруго. Сами же глаза, большие, карие, тоже оказались на месте, потому, что на этот раз она была с головой. Милая такая, знаете ли, мордашка оказалась у Венеры. Только помятая слегка. И вынесла нам Венера блюдо с закусью и водки. А Сашка

опять зенки вылупил, как там, у фонтана, рот раззявил. Потом собрался вроде с мыслями слегка.

— Чем вы тут, — говорит, — занимались всю дорогу?

— О, щас, щас расскажем... — ответил я с ухмылочкой. — Только прежде за взаимопонимание!

Мычкнулись, хватили порюмашке. Еще. Снова. Ия продолжил рассказ под пьяное хихиканье яхты, догадавшейся-таки сообразить нам столик и несколько табуреток.

11

...Ровно через неделю в одном очень милом кабачке в самом центре Млечного Пути мы снова восседали за столиком, уставленным пузырями пива и шампанского. Последнее предназначалось для Неры, а именно это имя выбрала наша космическая спутница взамен чересчур архаичного, выбранного лично мною. Ярчайший свет вихря бесчисленных звезд, льющийся сквозь прозрачный потолок, был приятен для глаз, пиво оказалось неплохим, музыка и вовсе замечательной. Но особый колорит обстановке придавал, конечно же, Саня.

Может, мой друг еще не освоился с темпераментом обновленной природы или просто хотел выпендриться перед привлекательной дамой, однако в ходе разговора он так жестикулировал руками, что здешние официанты обходили наш столик по возможности стороной.

— ...Растение!!! Ну как же я не подумал об этом сразу... Конечно же, растение! Незримый звездный плющ, неимоверно разросшийся в пространстве, — восторгался Сашка. — С первого момента своего возникновения он эволюционировал по совершенно иным законам, нежели все известные живые организмы. Единожды возникнув миллиарды лет назад, это колоссальное существо только и занималось тем, что оттачивало внутренние взаимосвязи, пока не достигло предела собственного совершенства.

Должен отметить, что Санек еще в полете провел кой-какие наблюдения общей динамики квантовых возмущений физического вакуума в пределах феномена. А потом на основе близости степеней самоорганизации его и корабельной техноплазмы пришел к выводу, что мы имеем дело с гигантским, незримым механизмом, который, также как и техноплазма, способен выполнять команды контактирующего с ним рассудка.

— Чушь! Нет предела совершенству. Все живое стремится к вечному саморазвитию, — посмел я усомниться в эрудированности друга.

— Стремится, если есть внешний стимул, угроза! — Санек украдкой, как бы невзначай, попытался обнять за талию Неру, но та дала ему по рукам. — А что может угрожать существу, для которого даже взрыв Сверхновой не страшнее укуса комара для гиппопотама? Оно же больше любого известного шарового скопления звезд и в нашей галактике, и за ее пределами! Самодостаточное, лишнее малейшей искры творческого азарта, оно уткнулось в самый мощный из эволюционных барьеров. В тупик безопасности. Живой механизм. Жертва совершенства!

— Убедил. Убедил, говорливый ты наш. Но откуда же взялись те миры, помнишь окна?

— О, это самое потрясающее открытие нашего века! Впрочем, уже и раньше была такая теория. Помимо зна-

комой нам материи существует бесчисленное множество других ее видов, основанных на иных сочетаниях физических констант. Иногда это все те же элементарные частицы, только с чуть-чуть смещенной массой, электрическим зарядом, другими параметрами. Иногда что-то принципиально новое. Но главное, все эти виды материи практически не взаимодействуют, прозрачны друг для друга. Можно пролететь сквозь чужую черную дыру и даже не заметить этого! И если мы умудримся не просто создать анизотропию физического вакуума, а сумеем нарушить соотношение базовых констант, то неизбежно попадем в другое окружение, почувствуем совершенно другой мир! Найденный нами организм, это квантовомеханическая форма жизни, которая существует во всех мирах и способна контактировать со всеми видами материи сразу. Поэтому и синтезированные образы из воображения жмуриков...

— Чайников! — честно говоря, Сашкина болтовня на тему квантовой физики уже начала доставать, но я вспомнил собственные занудные философские размышления на судне и решил ему не мешать.

— Ладно, чайников, не только получили свое отражение в них, но и... Как бы соприкоснулись, — продолжал Сашка. — Но и это еще не все! Многие тысячелетия корабли иных цивилизаций проносились сквозь его естество, в течение последней пары сотен лет и земляне частенько залетали в пределы равнодушного ко всему сверхгиганта. Однако ничего особенного не происходило! И только когда оно самостоятельно доползло до нашей трассы к Центру Реабилитации, открылось самое неожиданное. Особенности твоей нервной организации в состоянии алкогольного опьянения, некроз «чайников», тоже ведь фактически глубочайший транс — все это оказалось мощнейшим раздражителем, вызвавшим ответную реакцию. Так что теперь именно человечество и это существо являются единственным мостом между разумными цивилизациями нашей Вселенной и другими, неизвестными до нынешнего дня, жизненными пространствами!

— Круто! Я — первый земной алконавт, в здравом уме и относительно трезвой памяти погрузившийся в иные мироздания, — пошутил я.

— Да ничего подобного! — возмутился Санек, резко взмахнув руками. Едва увернувшийся официант пролил пиво на платье одной из местных красоток и рассыпался в извинениях. — Первыми там побывали мы! Это ведь наши образы были воссозданы в чуждых видах материи.

— Таки не спорю. Но заметь, я сказал, в здравом уме! А вы лежали в полной отключке.

Сашка открыл было рот, но не нашелся что ответить. А я с некоторой завистью взирал на воодушевленное лицо своего друга и размышлял, не податься ли и мне этим вечерком на инициацию? Благо, в случае чего, до Центра недалеко... Пускай и не надо мне этого для жизни вечной. Но ведь такой душевный подъем!

Впрочем, нет. Не будет у меня времени на подобные развлечения. Не дурак, вижу, как Нера мне весь вечер глазки строит. А они у нее карие... А волосы — длинные, каштановые. А фигурка — самая очаровательная, впрочем, об этом я уже вроде упоминал. А ведь еще неделю

назад была железякой бездушной. Ну, условно бездушной. Душа, она ведь тоже программа, хоть и биологическая. И как же, блин, захотелось мне там, еще в полете, этой самой реальной человечинки ей, железке несчастной, добавить... Да, и захотел! Имею право. С земными бабами у меня как-то давно уже не вязалось. А космическое чудо наше возьми да исполни! А может, и само так получилось. Может, ничего добавлять-то уже и не надо. Должен же был человек хоть когда-то, может даже, незаметно для самого себя, создать нечто, себе равное? Пусть даже этот человек и обычный, нормальный сантехник? Пусть даже и четверть тысячелетия как бывший? В общем, все честь по чести.

— Но все же... Кто придумал этих мерзких жирафов? — перевел я разговор с темы первенства в другое русло.

— Я... — вдруг пискнула Нера с обидой. — Только они мне показались такими милыми...

— Ну разумеется, милые! Замечательные жирафы! Это мы так ругаем, от зависти. Профессиональной, дикораторской, — нашелся я. — А мощная штука, этот кактус космический. Можно экскурсионную контору открыть, чтобы к братьям по разуму из других материй мотаться. Вот только подманим его как-нибудь к Солнцу поближе.

— А давай! — воскликнул Сашка с энтузиазмом. — Классная идея! Клиенты со всей Вселенной! Они нас поят, мы их катаем! Но только... — Сашка задумался вдруг, прекратил на миг взбивать атмосферу руками, но тут же продолжил с еще большим энтузиазмом. — Не, слишком близко подманивать не стоит! Даже сейчас.

— Почему?

— Эволюция — процесс небыстрый, а предки у нас абсолютнейшими дикарями были, некоторые так и норовили извести соседа. Представь, сосредоточился подобный дикарь на безумной своей идее. Поплевал, потанцевал, настроился в резонанс с безразличной, но всемогущей силой, и... Враг уничтожен, любые богатства мира к его услугам. Все! Он жрец, шаман, колдун! Он — царь! Да что там царь — он Бог!!! Да нам, да всему роду людскому, просто повезло, что Земля с этим растением ни разу не сталкивалась! — на этой фразе Сашка вскочил, поднял палец к небу, но вдруг изменился в лице, воззрился чуть ли не с испугом на что-то позади меня.

Я обернулся. Ничего страшного — столики, стулья, несколько посетителей. Стереопанно во всю стену, транслирующее какую-то фэнтезийную фигню на тему древних мифов с пренебрежительными гоблинами, драконами, прелестными колдуньями и злобными магами, самый стандартный набор. А Саня присел как-то неуверенно на краешек стула и закончил с глубочайшим сомнением:

— Блин... Или же все-таки...

— Тогда, может, за настоящих волшебников? — ухмыльнулся я.

— Респект! — хихикнула Нера.

— Хм-м... Это нужно, — согласился Сашка, скорчив крайне ответственную рожу.

Мы выпили раз. Выпили два. Выпили три. Пиво было хорошим. Небо звездным. Жизнь прекрасной, полной чудесных тайн и всяческих неожиданностей.

Впрочем, как и всегда.

Почти вечность

Впервые Рик Дан всерьез задумался о смерти, когда умерла его ручная обезьянка Нати с планеты Таурин. Он купил ее десять лет назад на блошином рынке возле космопорта, и с тех пор они не расставались.

Обезьяна поражала своей разумностью. Понимала и исполняла все просьбы хозяина, чувствовала его настроение. Когда он грустил — пыталась его развеять, когда веселился — радовалась и дурачилась с ним вместе, а когда на него наваливалась тоска и совершенно ничего не хотелось — она садилась на плечо, прижималась, обнимала маленькими ручками и тяжело вздыхала, совсем как человек.

Несмотря на слова ветеринара, Рик все равно винил себя в ее смерти: он не сразу понял, что нужно делать, когда обезьяна стала себя плохо чувствовать, и отвез ее в ветлечебницу только на второй день. Доктор уверял, что днем раньше, днем позже — погоды бы это не сделало. Нати подхватила неизвестный инопланетный вирус, наверняка завезенный на планету чужими, последнее время яро ее посещающими. На изучение этого вируса и на поиск лекарства потребовалось много времени — обезьяну бы всё равно не спасли. Слава богу, что вирус оказался безвредным для человеческого организма, а то неизвестно, сколько бы людей могло погибнуть.

После этого случая Рик сильнее возненавидел чужих и задумался о смерти.

Дан видел смерть много раз. Жил он в беспокойном районе — через улицу находилось несколько дешевых гостиниц для межпланетных эмигрантов, поэтому постоянно случались перестрелки. Он видел, как умирают люди, видел, как умирают чужие, но никогда не испытывал ничего подобного тому, что испытал после смерти Нати.

Смерть до этого случая для него была чем-то таким, что случается с другими и никогда не случится с ним. В первый раз она шагнула так близко и заставила его задуматься.

Когда мы впервые серьезно задумываемся о смерти? На похоронах любимых бабушек или дедушек, где собирается вся родня. У Рика же родственников не было. Жил он совсем один в огромном, расчи-

танном на большую семью, доме. Дом был настолько огромным, что на верхних этажах в некоторых комнатах скопился слой пыли толщиной в палец. На горничную у Рика денег не хватало, а самому убирать — руки не доходили. Жил он в одной маленькой комнате на первом этаже, которая когда-то давно служила ему детской.

После смерти родителей Рика воспитывали чиновники из социальных служб, поэтому настоящего детства он оказался лишен. Может быть, именно из-за этого теперь в свои 24 года он спал на небольшой кровати с бельем, расписанным яркими смешными картинками с играющими медведжатами.

Рик стал бояться смерти. Он думал о ней, когда просыпался, думал о ней, когда чистил зубы, когда сидел перед монитором компьютера на работе. И чем больше он думал, тем страшнее ему становилось. Он понимал, что не вечен, что рано или поздно жизнь закончится. И это очень ему не нравилось. Потратив большую уйму денег, можно было продлить свою жизнь, заменив органы на более надежные, которые прослужат лет на 30–40 дольше. Но у Рика таких денег не было, да и что эти органы, если можно заразиться каким-нибудь непонятным вирусом и умереть в течение нескольких дней или получить пулю в лоб? Ни одни органы не спасут от заразы и пистолета. А уж если располосует лазером или сожжет сгустком плазмы из бластера — тогда точно.

Рик перестал ходить в бар на углу его улицы и сразу после работы закрывался дома. Мысль о смерти держала его в страхе.

В тот вечер Рик сидел дома, пил пиво и просматривал новостные сайты через стереоэкран. Его внимание привлек небольшой заголовок: «Очередь за бессмертием». Он открыл содержание статьи в новом окошке и углубился в чтение.

На планете Сион совсем недавно при раскопках в Изильгийском каньоне был обнаружен большой ка-

Дмитрий Геннадьевич Соловьёв родился 21 июня 1985 г. в городе Арзамас-16 (ныне г. Саров). Закончил 11 классов школы, училище искусств - специальность резчик по дереву, защитил школьную диссертацию на тему «интернет-технологии» и поступил на бюджетное место в СарФТИ на специальность «информационные технологии». На данный момент работает в МУП «Редакция газеты «Городской курьер» системным администратором.

мень из тихиона. Всем со школы этот материал известен как самый прочный и самый бесполезный. Материал, который невозможно ничем обработать. Казалось бы, находка как находка, что в ней странного? Но сенсацию вызвала надпись, вырезанная на камне. На камне, который нельзя отколоть, нельзя поцарапать!

Надпись, сделанная на древнем языке Сиона, гласила: «Лишь избранного я наделю бессмертием».

Еще некоторое время ученые бились над этой загадкой, пытаясь понять, как же вырезана надпись и что она на самом деле значит. Исследовали камень, облучали его, но потом бросили это дело и выставили находку в галерее Сиона. И теперь к нему ежедневно выстраивалась длинная очередь тех, кто хотел стать бессмертным. Но все уходило ни с чем. Ажиотаж, по мнению Рика, мог продлиться еще пару месяцев, а потом все бы бросили эту затею. Надпись на тихионе станет очередным чудом, на которое можно поглядеть, прилетев на Сион.

Рик глотнул пива, закрыл статью и стал читать про новшества в построении гравифлаеров. Он давно хотел купить флаер, но его зарплаты не хватало, чтобы откладывать на подобную покупку. На более высокооплачиваемую работу Дан устроиться никак не мог — не подворачивались вакансии. Можно было сдавать кому-нибудь комнаты в доме, но Рiku этого не хотелось — он любил тишину и спокойствие. А о флаере после смерти Нати думал как о чем-то недостижимом. Зачем тебе флаер, если ты боишься умереть? Вот если бы Рик стал бессмертным, он купил бы себе флаер и совсем бы не боялся на нем летать. Он совсем ничего не боялся бы.

И чем больше он читал про флаеры, тем больше понимал, что камень с Сихиона не выходит у него из головы. А вдруг все это правда? Вдруг избранный не кто-то другой, а именно он? Может быть, он станет бессмертным, когда подойдет к камню?!

Рик допил пиво, встал и стал прохаживаться по комнате.

Через час Дан пришел к выводу, что ему просто необходимо слетать на Сион. Надо попробовать, не упустить свой шанс. А если нет — то он просто здорово проведет время, посмотрит на чудеса этой планеты.

Он даже стал собирать вещи, потом вспомнил, что сначала надо заказать билет, сел к стереоэкрану, зашел на сайт космопорта и сильно расстроился. Цена на билет до Сиона оказалась ужасно велика. Даже больше, чем просто велика: она была равна его полугодовой зарплате.

Рик раскис и пошел на кухню за еще одной бутылкой пива.

На Сион хотелось, но таких денег у него не было.

«Занять? Не у кого — такую сумму все равно никто не даст, да и как потом отдавать? Надо же, раньше никогда не интересовался билетами на другие планеты и не знал, сколько они стоят, а теперь вот вдруг приспичило. Дороже всего, наверное, на Землю стоит».

Рик снова сел за стереоэкран и посмотрел цены билетов на Землю. Лицо его стало совсем мрачным.

Вот куда ему никогда не попасть в жизни, так это туда. Даже если продать дом — не хватит денег на билет, не говоря уже о том, что на Земле надо как-то жить. Земля — самая дорогая планета с человеческим населением в галактике.

Сейчас Рiku следовало бы забыть про этот камень и билет на другую планету, но ему загорелось.

«В конце концов, надо менять эту никчемную жизнь», — подумал он и залпом допил пиво.

Он зашел на сайт биржи недвижимости и несколькими нажатиями клавиш выставил свой дом на продажу.

Ждать пришлось не долго — вскоре появилось несколько предложений, одно другого краше. Парень не ожидал, что ему предложат столько денег. Он, конечно, предполагал, что его большой дом оценят довольно дорого, но не на столько же — хватало даже на билет на Землю!

В итоге Рик выбрал одно и согласился, через факс зашуршали договоры.

Еще через полчаса сделка была завершена, на счет к Рiku поступила внушительная сумма денег, а дом перешел во владение к какому-то недавно приехавшему на планету человеку. Хорошо, что хоть не к чужому. У Дана оставался вечер и следующее утро, чтобы собрать вещи и благополучно покинуть дом.

Первым делом Рик заказал себе билет до Сиона на полдень и принялся собирать чемоданы. Все вещи, которые скопились в доме, увезти с собой было просто невозможно, поэтому он брал только самое необходимое. Остальное — можно купить. Пускай все: мебель, техника — остается будущему хозяину. За них он заплатил сполна. На те деньги, которые Рик выручил со сделки, можно было купить себе такой же дом, и полностью его обставить. Чем-то, видимо, приглянулся эмигранту его особняк. Знал бы он, что это за район — тот, в котором находится дом Дана.

После того, как вещи были собраны, Рик достал из холодильника все оставшееся пиво и решил посмотреть по стереоэкрану подробную информацию о Сионе, чтобы основательно подготовиться к посещению. На чужой планете любая оплошность могла стать роковой.

Уже после полуночи, пьяный и уставший, Рик уснул прямо в кресле перед включенным экраном. А снилось ему то, как он прилетел на Сион, пришел к камню, а тот наделил его бессмертием и всемогуществом. Теперь Рик не боялся ничего на свете, он стал путешествовать по космосу, посещать новые, еще не открытые ни людьми, ни чужими миры. Нашел на одной из далеких планет себе красивую девушку. Влюбился в нее. Отвез на Сион и тоже сделал бессмертной. И она стала его спутницей во всех приключениях...

А потом Рик Дан проснулся. За окошком светило солнце. Наступило утро.

С пробуждением пришло осознание того, что вчера несколькими нажатиями клавиш он отказался от своей предыдущей жизни. Отказался от собственного дома.

Рик схватился за голову. Несколько минут он пытался прийти в себя от шока, а потом вспомнил вчерашние мысли, вспомнил сон. Вспомнил то наваждение, которое на него навалилось, и смирился: сделанного не изменить. Все равно все к этому и шло.

Он быстро собрался, взял чемодан, вызвал такси. Дома оставаться больше не хотелось, а дожидаться рейса можно и прямо в космопорте. Флаер подлетел быстро, вместе с водителем Рик побросал чемоданы в багажник, и они отправились.

Когда машина взмыла вверх, Рик Дан последний раз взглянул на свой дом, тяжело вздохнул и отвернулся. Сейчас не хотелось совершенно ни о чем думать. Хотелось только быстрее улететь с планеты.

До времени, на которое назначен рейс, Рик не знал, чем себя занять. Он бесцельно бродил по залу ожидания космопорта, несколько раз пил кофе. Завязывал глупые разговоры с официантками. Пытался обыграть в шахматы старенького дедушку, видимо, тоже ожидающего рейс.

Наконец время настало. По длинному коридору он и другие пассажиры проследовали в космический корабль. Юные девушки в красивой униформе проводили каждого до анабиозной камеры. Подробно объяснили, что нужно делать, и, пожелав счастливого пути, удалились.

Рик Дан зевнул, поудобнее устраиваясь в камере — усыпляющее поле уже начинало действовать. Почему-то перед его глазами предстала веселая мордашка Нати. Рик улыбнулся своей обезьянке и стал погружаться в сладкое забвение. Еще недолго он пытался о чем-то думать, что-то вспоминал, а потом забылся окончательно.

* * *

— Добро пожаловать на Сион! — звонко произнесла девушка, открывающая анабиозную камеру.

Рик потер глаза и стал выбираться наружу. Ему казалось, что он только что заснул, будто корабль вообще никуда не улетал. Для этого в свое время и создали эти анабиозные камеры, чтобы не мучиться ожиданием во время полета. Некоторые люди все же наотрез отказывались ими пользоваться, считая их бесцельной тратой своего драгоценного времени. Ведь в то время, пока все спят в анабиозе, они могли читать книги и заниматься еще какими-то делами. А Рик и не противился. Уж лучше проспять время полета, чем мучиться в догадках: правда ли камень может даровать бессмертие?

Оставив багаж в хранилище космопорта, Рик Дан вышел на улицу.

Шёл дождь. Сквозь темные мрачные тучи пробивался чуть фиолетовый свет местного солнца. Рик поймал такси и попросил водителя отвезти его к галерее.

— С ума, что ли, вы все сошли? — ухмыляясь, прокомментировал таксист. — Всем в галерею! На этот камень бессмертия смотреть? И вы вот верите в это?!

— Верим! — отрезал Рик и стал глазеть по сторонам, ведь он ещё ни разу не был на другой планете.

— Ну, даже если и есть этот избранный, — таксист обернулся и посмотрел на Рика, — вы так уверены, что это вы?

— Не все же едут попытать счастья, некоторым просто интересно увидеть камень. Это же большая научная сенсация, — стал оправдываться Рик.

— Не похожи вы на ученого, — снова засмеялся таксист.

— Что верно, то верно, — вздохнул Дан.

Дальше они летели молча.

Здание галереи выглядело просто грандиозно. Рик, конечно, видел его на картинках, но что оно настолько красиво на самом деле — не мог себе представить.

Огромные черные колонны подпирали колоссальных размеров черепашу. Там, где были колонны, находился первый этаж галереи — в нем выставлялись огромные скульптуры и другие находки больших размеров, как, например, одна из первых ракет с Земли, но все на самом деле интересное начиналось внутри самой черепашки. На более высоких этажах. Там размещалось и знаменитое зеркало правды, которое отражало истинное лицо человека, показывало его замыслы, жезл абсолютного правосудия, который делал с человеком то, чего он заслуживал, и многие другие чудеса, собранные не только с самого Сиона, а по всей галактике.

Но чудес с Сиона было больше всего. Кто-то считал, что давно, еще до заселения Сиона людьми, планета тоже была чем-то вроде музея, только гораздо большего, чем просто одна галерея.

— Вот это да, — только и смог произнести Рик.

— Что, большое зданьеце? — ухмыльнулся таксист.

Рик кивнул, посмотрев на него через зеркало в салоне, расплатился и вышел.

Очередь начиналась на улице под дождем и исчислялась в галерее.

«Вот это дела!» — подумал Рик и пристроился к последнему, кто стоял в очереди. Это оказался подросток.

— Привет, — бросил ему Рик. — Ты последний?

Паренек удивленно посмотрел на Рика и ничего не ответил. Наверное, он посчитал вопрос слишком глупым.

— Давно стоишь? — не унимался Рик.

Паренек кивнул.

— Здесь все к камню?

— А куда же еще, — грустно сообщил парень.

— Меня Рик зовут, — Дан протянул ему руку.

— Илар, — ответил на рукопожатие паренек.

— И все хотят стать бессмертными? — задумчиво спросил Рик. Он снял куртку и натянул ее над головой, чтобы дождь не мочил волосы.

Илар не ответил.

— И я вот тоже хочу, — продолжал говорить Рик. — А все из-за чего?

Паренек покосился на Дана.

— Вот ты из-за чего? — спросил Рик.

— Жить хочу, — ответил Илар.

— А я смерти боюсь, — сам не зная зачем, Рик признался ему в том, что последнее время терзало его душу. — А что жить-то хочу — это само собой разумеется.

— Жить все хотят. — Илар продвинулся немного вперед.

Перед ним, накрывая голову каким-то пакетом, стояла старушка.

— И что, никому не удалось? — спросил Рик, взглядом приглашая Илара к себе под куртку.

Парень помотал головой. Сверху на нем была только одна футболка. Он весь промок до нитки. Длинные волосы облепили лицо, Илар периодически оправлял их.

— Может быть, кому-то и удалось. Да разве же кто-нибудь расскажет.

— Тоже верно, — кивнул Рик.

— Ты не с этой планеты, — утвердительно сказал Илар.

— А как ты догадался?

— Не знаю, я просто предположил. Я сам тоже не с Сиона.

— Билеты сюда очень дорогие, — грустно сообщил Рик.

— За меня заплатили родители.

— Значит, у тебя действительно большое желание жить, если ты уговорил их, — улыбнулся Дан.

Паренек промолчал.

— А у меня действительно сильный страх.

Илар продвинулся еще на шаг вперед. Мимо них прошел грустный мужчина в платке. Вслед ему слышались какие-то крики, но мужчина не оглядывался.

— Ну, как? — спросил Рик мужчину, когда тот поравнялся с ним.

— Никак, — ответил тот и пошел дальше. — Просто камень.

— Просто камень... — зашептала старушка, стоявшая перед Иларом.

Очередь двигалась ужасно медленно, лишь только к вечеру Илар и Рик вступили в галерею. Парень, кажется, простыл и уже шмыгал носом.

В здании оказалось тепло и сухо, всюду стояли автоматы с горячими напитками и едой. Рик отошел и взял поесть и попить для себя и для паренька.

Стоять в очереди, находясь в здании, оказалось куда приятнее, чем на улице. Они не заметили, как за разговором пролетело время, и они поднялись на второй этаж. Теперь счёт времени уже шел на минуты, но никто из тех, кто был перед ними, не сиял от радости, уходя из галереи. Никого камень не наделил бессмертием.

Наконец, к камню ушла старушка. Артефакт располагался за темно-синей бархатной портьерой, поэтому увидеть его можно было, только зайдя туда. Бабушка пробыла за портьерой недолго, и когда она вышла, лицо ее показалось Рикю ужасно грустным. Видимо, и она не стала бессмертной.

Следом ушел Илар. Его не было дольше.

Илар, выскользнувший из-за портьеры, остановил руку Рика.

— Что? — спросил Дан, заглядывая в глаза мальчику.

— Мне показалось, камень заговорил со мной, — шепнул он и улыбнулся. — Я буду ждать тебя у выхода.

Рик кивнул и шагнул за синее полотно.

Тихион блестел под светом нескольких десятков ламп. На нем в самом деле была вырезана надпись. Камень по высоте был с Рика, а большие непонятные буквы — каждая размером с кулак.

— Ну, вот я и пришел, — сказал Рик камню.

— Ну, вот и хорошо, — ответил камень ему. Голос прозвучал где-то в голове. Ведь камень не мог разговаривать.

— Ты сделаешь меня бессмертным? — спросил Рик.

— Неуязвимым, вечным...

— Я так боюсь смерти, — прошептал Рик.

— Не бойся. Жизнь прекрасна. Ты просто этого еще не понимаешь.

— Ты говорил с мальчиком?

— Да, он не подошел мне.

— Почему?

— Потому что он смертельно болен. И умрет через несколько месяцев. А вот ты здоров.

— Не понимаю, — удивился Рик. — Ты же мог сделать его бессмертным. А те люди, что пришли до?

— Все они не устраивали меня. А вот ты. Ты мне подходишь. Ты молодой, здоровый...

— Я не...

— Молчи.

Рик замолчал.

— Наконец-то жизнь, — сказал камень.

У Рика закружилась голова, перед глазами все померкло. Тело пронзила жуткая боль. Мир на мгновение престал существовать. А потом глаза ослепил свет ламп. Глаза? У него не было глаз.

Илар стоял около входа в галерею и ждал Рика.

Тот задерживался. Но вскоре он появился, буквально пронесся мимо. Взгляд Рика был безумен.

— Рик! — крикнул Илар. — Постой!

Рик Дан уносился все дальше и дальше. Люди в очереди перешептывались. Парень побежал следом.

— Рик! Он ведь говорил с тобой. Постой, Рик!

У Рика не было глаз, у Рика не было рук. Рик сам не понимал, что он теперь. Он очень четко ощущал свое местоположение. Он понимал, что он есть, он помнил себя. Помнил все, до самой последней секунды. Но что произошло потом?

Спустя некоторое время до него стало доходить.

Он различал людей, которые подходили к нему. Чувствовал их. Слышал их мысли.

Но заговорить он с ними не мог. Для этого нужно было время. Почти вечность.

Сердце дракона

Между небом и землей

Они были всегда, со времен самой вечности, и жили они среди звезд. Потом облюбовали Землю и стали жить в небе и на вершинах гор. Жили они долго, а самые старшие помнили еще начало всего. Когда один из них погибал, выбирали они родителей будущего ребенка, который вскоре появлялся на свет и через пару-тройку тысяч лет уже становился взрослым. Когда-то искали они знания и имели ум пылкий, но со временем интерес к наукам погас. Отдавая дань традиции, продолжали хранить знания, которые начинали забываться, так много знали они всего. Время старались проводить в веселье, за едой, питьем, утехами разными да играми всевозможными. Жизнь свою устроили давным-давно, да так, что ничто их не обременяло и не заботило, а шло всегда, как было надо. Чувства их, пожалуй, ограничивались любопытством, скукой, радостью и печалью. Страстей сильных они не знали, как не знали ни любви, ни ненависти. Поэтому искусств у них тоже не было.

Когда появились люди, они сразу стали очередной их забавой. Страсти человеческие были им непонятными, чуждыми, глупыми. И стали они от души забавляться, играя на страстях человеческих. Нарекли их люди драконами. Научились драконы обретать облик человеческий, чтобы использовать людей для игр любовных да забав разных, презирая их вместе с этим за страсти, глупость и жизнь короткую. Особенно презирали искусства бесполезные: танец, музыку, поэзию... Люди так глупы, что тратят свои жалкие мгновения на совершенно бесполезные вещи. После утех драконовых жили люди совсем мало, имели глаз дурной, а некоторые начинали делать такое, от чего кровь стыла в жилах. Стали люди бояться драконов и недолюбливать, но многие шли к ним в услужение, мечтая о богатстве и власти, а кто и о мудрости, которыми драконы заманивали к себе людей.

И жил совсем юный дракон, не более трех тысяч лет от роду, и был он не от мира сего. Знаниями он не интересовался — что толку хранить то, чем никогда не воспользуешься, а удовольствия нагоняли на него скуку. Желал он чего-то совсем иного, чего не знало племя его. Часто он бродил по свету, избегая общества. Только в уединении переставал тяготиться своей необычностью и вскоре совсем ушел от собратьев своих в лес, где затихала тоска и боль непонятная. Живя в лесу, стал он понимать язык зверей и птиц и то, о чем молчат трава и деревья.

Брел он по лесу, куда глаза глядят да ноги несут, и вышел к поляне лесной. Доносился с той поляны звук необычный, и от этого звука с новой силой проснулась тоска. Снова его влекло, звало, вновь рвалось на свободу нечто из самой глубины бездонной холодной души. И было все это настолько удивительным и необыкновенным, что не мог он сделать ни шагу, так и застыл на месте.

А на поляне сидел человек и играл на бамбуковой дудочке, и так он ушел в свое занятие, что сам, казалось, плыл по лесу вместе с этим звуком. Ничего подобного не встречал дракон ранее. Заслушался он и сам не заметил, как исчезло время, потом лес, потом и сам растворился он в этих звуках. Долго еще играл человек на своей дудочке, а когда закончил, пригласил жестом дракона подойти.

- Садись поближе. Сегодня ты мой гость.
- Как ты узнал, что я здесь?
- Мне поведала о тебе музыка.
- Музыка?
- Я музыкант, а это моя флейта. Это она зачаровала тебя сегодня.
- Зачем ты обманываешь меня? Музыка — это шум для дураков. Она потакает вашим желаниям и страстишкам. Она там, где много людей, готовых расстаться со своими деньгами. Еще они едят и пьют без меры и теряют свой и без того жалкий облик, или смотря,

Валерий Николаевич Михайлов родился 12 февраля 1969 года в г. Ростове-на-Дону. Проживает в г. Аксай (неподалёку от Ростова-на-Дону). Образование высшее: окончил в 1992 году Ростовский-на-Дону завод-ВТУЗ по специальности «технология машиностроения». В 1995 году окончил Ростовский государственный университет по специальности «практическая психология». С тех пор до июня 2005 года работал психологом, но в настоящее время не работает. Писать начал примерно в 1999 году.

как кривляются их собратья, ряженные в дурацкие одежды. Ты же делаешь нечто совсем иное.

— Музыка толпы меня не интересует. Здесь ты прав. Моя музыка совсем иная. Она только для меня и леса.

— Зачем тебе музыка?

— Не знаю. Иногда она льется из моей флейты, иногда флейта молчит. Она живет помимо меня, моей воли. Когда появляется музыка, я исчезаю.

— Откуда твоя музыка меня знает?

— Она была в лесу и была в твоём сердце, а лес хорошо тебя знает.

— Что же она сказала обо мне?

— Ты между Небом и Землей.

— Что?

— Земля — это все человеческое. Это власть, деньги, страсти, нищета, болезни и много-много способов убивать. Мы убиваем все вокруг, но нам этого мало, нам хочется еще и еще, но более всего мы любим убивать друг друга. Мы называем это войной и убивать умеем лучше, чем что бы то ни было еще. Земля — это зависть, жадность и множество других страстей, подобно червям, разъедающим душу. Но это еще и красота, любовь, дружба. Любовь подобна молнии и, однажды попав в сердце, способна перевернуть весь мир. Небо принадлежит вам, драконам. Драконы — это вечность, бессмертие, знания, мудрость, сила и бескорыстие, но это еще и бездушные. Многие люди, продавшись вам, мечтали обрести власть, но вместо этого обретали смерть, многие шли к вам за мудростью, но получали лишь зло. Есть среди нас отшельники, подобные мне. Мы ушли от страстей человеческих, пытаюсь познать мудрость. Мы бежали с Земли, но не доросли до Неба. Сегодня ты открыл мне глаза. Холодная мудрость тоже бедна! Играя, я слушал твое сердце. В тебе есть то, что заставляет тебя бежать от таких, как ты. От бесчувствия бежишь ты, но чувства тебе недоступны. Нет покоя ни на Небе, ни на Земле, но где-то же пролегает наш путь? Музыка знает, что он есть.

— Расскажи мне о музыке.

— Это невозможно.

— Скажи, что ты хочешь взамен?

— Дело не в этом. Иногда ее нет, и тогда сердце замирает в ожидании и томлении, иногда она приходит, и сердце разливается флейтой, тогда исчезаю я. Тут ничего не поделаешь.

— Как узнать мне ее, как услышать в себе?

— Это мне неизвестно. Я только могу познакомить тебя с флейтой, а придет ли к тебе музыка — это знает только она.

— Будь моим учителем.

— Тебе придется делать все, что я скажу. Готов ли дракон подчиниться человеку?

— Я не боюсь этого. Я буду делать все, что ты скажешь.

— На это уйдет много времени.

— Вперед вечность.

— Только не у меня. Тебе придется стараться, я могу не успеть. Время... тут мы никогда не поймем друг друга.

Дракон оказался хорошим учеником и уже скоро виртуозно владел техникой игры на флейте.

— Учитель, я в совершенстве овладел флейтой. Я могу выдуть любую трель, даже самую немыслимую, но музыка от меня теперь еще дальше, чем в самом начале.

— Мы еще и не начинали. Ты не играл, ты тренировал свое тело. Теперь пришло время для знакомства с флейтой. До сих пор ты учился дудеть. Дудение далеко не музыка, но без дудения музыка невозможна. Теперь тебе нужен инструмент. Твоя флейта — это только твоя флейта, и расти вы должны вместе. Тебе надо ее найти. Иди в бамбуковую рощу и расти там. Стань бамбуком. Пускай корни, танцуй с ветром, вой, как он. Твоя флейта найдет тебя.

— А как она меня найдет?

— Ты сразу узнаешь.

Придя в бамбуковую рощу, он сел и, как говорил учитель, сохраняя внимание, позволил случаться всему. Незаметно для себя, он начал играть с ветром, встречать и провожать солнце, радоваться дождю. Его корни глубоко пронзали землю, а листья тянулись к солнцу. Птицы свили гнездо в его листве, корни сплелись с корнями других растений... Она звала его, звала тихо, мягко и в то же время настойчиво, и он двинулся к ней своими корнями... Они жили одной жизнью. Он совершенно забыл, кто он и зачем пришел сюда. Он рос здесь всегда. Их покой нарушил кто-то тяжелый, грузно пробирающийся сквозь заросли, ломая их. Его грубо схватили у самого корня и с силой потянули вверх.

— Учитель! Я...Я...

— Молчи. Бери флейту, и пойдём. У тебя много работы.

Руки дракона сами знали, что надо делать, и вскоре у него был прекрасный инструмент.

— Теперь забудь все, чему я тебя учил. Бери флейту, садись и слушай свое сердце.

— Учитель, ты же знаешь, какое у драконов сердце!

— Забудь об этом.

— Что я могу играть, если во мне ничего нет?

— Помолчи. Ты ничего играть не будешь. Сиди и жди музыку. Когда она придет, флейта зазвучит сама.

— А если она не придет?

— Играй тишину. Тишина — это тоже музыка.

Опять были день и ночь, тепло и холод, дождь и солнце... И тут флейта заговорила. Одна робкая трель, другая, и хлынуло. Потекла по лесу музыка. Сердце дракона пролилось пустотой и чем-то, что звало, ждало, томило, обещая самое сокровенное.

— Теперь ты знаешь все, что знаю я. Мне больше нечему тебя научить. Отныне флейта будет твоим учителем. Мне осталось сказать только одно: есть еще в музыке то, чего я не знаю. Осталась последняя тайна. Когда-нибудь она откроется. Больше я не могу держать тебя рядом.

— Учитель! Ты открыл для меня мир заново, ты подарил мне часть своей жизни, столь драгоценной для

тебя, ведь жизнь человека так мимолетна! Я никогда не забуду то, что ты для меня сделал. Я не хочу уходить от тебя. Не знаю, что со мной, но я не хочу тебя терять.

— Я не гоню тебя, нет, но я дал тебе все, что мог. Тебе нужен тот, кто знает последнюю тайну. Прости меня, но я больше ничего не могу тебе дать.

— Учитель, это ты прости меня и позволь мне остаться с тобой.

Никогда раньше не видел Дракон старика таким. Он весь сиял изнутри.

— Что случилось, учитель?

— Сегодня умерла моя флейта. Ее музыка навсегда перешла в мое сердце. Умирая, открыла она мне последнюю тайну, но эта тайна может быть только моей. Прости, но тебе придется уйти.

— Учитель!

— Не спорь со мной. Мы похороним флейту, и ты уйдешь. Теперь у нас разные пути. Запомни: между Небом и Землей лежит тропа. Не ищи, и ты найдешь ее.

МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ ЛЕЖИТ ТРОПА...

Когда откроет тайну смерти...

Запыхалась, покраснелась, волосы мокрые. Русалка. Она и есть русалка, только у русалок глаза не горят, а у нее не глаза — глазища. Глянет — как огнем обдаст. Совсем выросла дочка. Красавица. Уже и замуж пора, да только ничего и слушать об этом не хочет.

— За кого здесь идти прикажешь?

— Как за кого? Смотри, сколько здесь парней ладных да работающих. Детишек заведете, хозяйство.

— Не нужно мне это.

— Да что ты говоришь такое, дочка. Нельзя без этого. Все так живут. Отцы и деды так жили и нам велели, да и искусство наше кому-то передавать надо.

— Вам-то, может, и велели, а мне не это нужно. Помолчи, отец, дай сказать. Не хочу я так, не могу. Чует душа, что должна быть жизнь иная, совсем не похожая на нашу. Плачет по ней душа, рвется. Только куда рвется, где она, та жизнь? Все бы отдала, а здесь... Не могу я. Знаю, что ждет меня самое-самое, зовет, приглашает, и так мне тоскливо становится, что не знаю, где это спрячется. Хожу я по лесу и ищу, а чего ищу, сама не знаю. В лесу мне хоть спокойней.

— Не увлекалась бы ты так лесом.

— А что лес? Он как дом родной. Всю жизнь в лесу живем.

— Опасно там.

— Не смейся, отец. Зря я, что ли, дочь волшебника?

Я к каждому зверю слово знаю.

— Не зверем лес страшен.

— Люди? Так нет таких людей, которые могли бы со мной справиться. В этих краях нет сильней магии, чем наша. Ты же сам говорил.

— Ты бы так на магию не надеялась.

— Я чего-то не знаю?

— Было это совсем давно, дочка. Жили тогда в небе драконы. Видели они начало всего и знания

имели огромные. Ходили люди к ним в услужение. Использовали их драконы для утех своих, а платили богатством и властью. Но пуще всего хотели люди знаний драконовых, и получали то, что хотели. Только после этого становились страшными и жили совсем недолго. Были сами несчастными и другим много зла делали. Звали их люди магами и боялись пуще смерти, но ходили на поклон к ним и отдавали все самое лучшее — не дай бог, мага прогневать, смерть тогда лютая да несчастья на весь род. Считали маги драконов покровителями своими, поклонялись им и старались выслужиться друг перед другом. Добрые же люди избегали драконов всячески. Почему — никто не знает, только в один миг исчезли драконы, стали недосыгаемыми для людей. С тех пор их больше никто не видел. Захотели тогда маги власти друг над другом, и была между ними война страшная. Многие погибли в той войне, оставшиеся в живых объединились в несколько кланов и поделили мир. Передавали маги тайны свои из поколения в поколение. Менялась жизнь, а вместе с ней и магия. Тень драконов никого более не тяготила. Страшные маги остались в далеком прошлом. Новые стали более человеческими. Стало служить их искусство людям, превратились маги в волшебников. Мы с тобой, дочка, волшебники клана пяти, и эта земля наша. Но и нам есть чего бояться. Живет в нашем лесу кто-то. Отец звал его колдуном. Силы тот колдун нечеловеческой, и любая магия ему нипочем. Кто он и откуда взялся — не знает никто. Живет он здесь очень давно. Отцу про него говорил дед, а тому его дед. Только колдун не знает времени и всегда молод. Играет он музыку, но горе тому, кто ее услышит. Забирает колдун его душу, и становится человек тот сам не свой. Не ест, не пьет, а потом и совсем уходит в лес, и больше его никто никогда не видит. Говорят, колдуна даже драконы знают.

— Может быть, ему ведомо, что нужно душе моей?

— Даже и не думай о нем, дочка.

Гуляя как-то раз по лесу, вышла она на поляну, а там хижина — не хижина, шалаш — не шалаш, а рядом красавец молодой. Заиграл тот красавец на флейте.

— Колдун! — Тут она и обмерла, настолько захватило ее ожидание чего-то.

Замолчал колдун ненадолго, а затем заиграл вновь. И была та музыка совсем на музыку не похожа. Текла она как бы из ниоткуда, из пустоты, что была еще до начала времен. И было в той музыке томление великое, сладким и горьким было оно. И уже слышалось ей, что еще мгновение, и сокровенная тайна тайн, что терзала ее...

Пришла она в себя возле хижины. Колдун готовил еду.

— Ты тот, кто крадет наши души?

— Зачем они мне? Мне своей хватает.

— Ты же колдун! Ловец душ человеческих!

— Я не колдун. Колдовство — это бредни для ваших дураков. А души... Вы с ними слишком носитесь.

У любой травинки душа ничем не отличается от вашей.

— Отец говорит, что ты губишь людей своей музыкой.

— Мне нет до людей дела. Вы такие же, как и все остальное, по крайней мере, ничем не лучше.

— В таком случае кто ты?

— Вы называете нас драконами.

— Так ты все знаешь!

— Опять нет. Наши знания мертвы, как и мы сами. Драконы все знают, во всем уверены, для них нет ничего нового. Мы слишком правильные, слишком разумные и совершенно бездушные. Я отказался от таких знаний.

— Я так надеялась на твою помощь! Меня все время зовет жизнь иная, неведомая, совсем не похожая на нашу. Я не могу жить среди людей. Всю жизнь я ищу, а чего — сама не знаю.

— Между Небом и Землей.

— Что?

— Между Небом и Землей. Когда-то этот зов заставил меня покинуть братьев моих и бродить в лесу. Там я встретил человека, который научил меня музыке. Он был великим учителем. Драконы не любят музыку. Они презирают ее за бесполезность. Им недоступны искусства. Учитель поразил меня своей музыкой и научил играть на флейте. Ты слышала душу дракона, пустую и вечную, как сама смерть. Из самой глубокой бездны льется моя музыка. Когда-нибудь она откроет мне последнюю тайну.

— А ты можешь научить меня музыке?

— Не знаю. У меня был великий учитель, а я все еще ученик. И потом, ты не представляешь себе, насколько мы разные. Мы совсем не похожи.

— Может, попробуешь?

— Я постараюсь познакомить тебя с флейтой, но я не уверен, что у меня это получится.

— Получится. По-другому и быть не может.

Она училась легко. Играючи и быстро нашла свою флейту. И хоть играла она не так виртуозно, но ее музыка была переполнена жизнью и лилась через край. Часто они играли вместе. Тогда их сердца сливались в одной мелодии.

Он не сразу понял, что его разбудило. Она плакала, стараясь делать это как можно тише, и эти сдавленные рыдания...

— Что случилось?

— Ничего, все нормально.

— Ты плачешь?

— Нет, тебе показалось.

Он осторожно повернул ее к себе.

— Оставь меня! Говорю же, все в порядке.

— Ты вся дрожишь. Ты не заболела?

И тут ее прорвало:

— Я не могу так больше! Слышишь! Ты очаровал меня, околдовал! Я не могу думать ни о чем другом! Твой взгляд... прикосновение... ты такой близкий и такой... такой чужой, далекий. Ты есть, но тебя нет рядом. Ты играешь со мной, но я только о тебе и думаю,

мечтаю... А ты... ты ничего не видишь, как будто ты где-то далеко-далеко... ты рядом и тебя нет! Ты ничего не видишь!

— Ты же знаешь, мне незнакомы чувства.

— А мне знакомы! Я люблю тебя! Не понимаешь? Люблю! Я с ума схожу... Вам же нравятся земные женщины? Возьми меня, будь со мной. Не можешь любить?... Моей любви хватит обоим. Я так хочу быть твоей!

— Ты не знаешь, чего просишь. Я отравлю тебя. Ты умрешь очень тяжелой смертью.

— Ну и пус ты! Мне все равно, что будет потом.

— Ты готова умереть, но ради чего?

— Я люблю тебя! Люблю! Люблю! Люблю!

— Подожди. Послушай меня. У каждой задачи есть решение. Вопрос порождает ответ уже своим возникновением. Мы найдем выход.

Долго сидел дракон без движения, ничего не видя и не слыша, затем поднялся и занялся едой.

— Поешь. Нам предстоит долгий путь на небо. Я знаю, кто нам поможет. Сказочник. Он дракон. Он древнее времени. Драконы считают его чудачком за то, что он хранит бесполезные знания.

— Они же бесполезные.

— Для драконов. Для них мы с тобой тоже бесполезные вместе со своими музыками и любовью.

— Он точно поможет?

— У него и спросим.

Сказочник превзошел все слухи. Жил он сам по себе, тяготясь обществом. Облика вообще не имел никакого и был самым древним среди них.

— Рад тебя видеть, Сказочник. Как поживаешь?

— Пару миллиардов лет назад со мной еще что-то могло произойти, а теперь... Но ведь ты не об этом пришел спрашивать?

— Нам нужна твоя помощь.

— Нам? С тобой точно что-то не в порядке.

— Ты не прав, но тебе этого не понять. Она...

— Она умрет раньше, чем я ее замечу, так какое мне до нее дело?

— Так же, как и я, она ушла от всех в лес. Так же, как и меня, ее покорила музыка. Какое-то время мы играли с ней вместе, но теперь к ней пришло то, ради чего она готова умереть.

— Ну и что? Она и так скоро умрет.

— Пойми, Сказочник, все это не случайно. Сначала была музыка, теперь она. Она готова умереть ради любви, а ты и представить себе не можешь, с какой силой они цепляются за свои жизни.

— Чего ты хочешь?

— Научиться любви.

— Ты еще более сумасшедший, чем кажешься.

— Это мой путь. К тому же ты ведь тоже не такой, как все. Эти твои сказки...

— Я старше всех на целую вечность и видел слишком многое, чтобы быть похожим на других, а ты и жить-то еще не начал.

— Пойми, сказочник. Это нечто большее, чем мы и они, я знаю это, а сейчас помоги мне.

– Есть для тебя одна сказка. Правда, я сам ее до конца не понимаю.

*Когда, познавший тайну смерти,
Дракон зароет в землю голос,
Откроются врата на Небе,
И круг порвется на Земле,
Они найдут свою дорогу,
Что между Небом и Землею,
И ключ найдут они в любви.*

- Странные слова.
- Это стихи.
- Стихи?
- Ты еще больше удивисься. Это пророчество.
- Я думал, что пророчества – бред для людей.
- Пророчества совсем не ерунда.
- Ты меня удивляешь.
- Эти стихи существовали еще задолго до меня.

Видишь ли, не только мы вечные.

- А кто еще?
- Я сам толком не понимаю. Это за гранью жизни и смерти.
- Ты чего-то не знаешь?
- Представь себе, очень многое, а еще больше я не могу понять.
- Это невозможно!
- Лучше скажи, ты стихи понял?
- Не совсем.
- В первой строчке говорится, что ты должен стать смертным.
- Как это сделать?
- Ты что, настолько дурак?
- Я буду дураком, если откажусь. Мы такие умные, такие правильные, такие вечные. Живые такими не бывают. Мы мертвы, а я хочу жить. Может, со смертью я обрету жизнь? Не зря же ждали меня эти стихи.
- Как стать смертным, я знаю, а вот дальше...
- Дальше я понял.
- Обратной дороги не будет, а ты даже не знаешь, для чего...
- Посмотри на нее. Она за этот день прожила больше, чем я за всю свою жизнь. А что я теряю? Я готов.

**ОНИ НАЙДУТ СВОЮ ДОРОГУ,
ЧТО МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЮ,
И КЛЮЧ НАЙДУТ ОНИ В ЛЮБВИ.**

КНИГА ДРАКОНА

В один миг он потерял все. Трон, друзья, деньги – все это осталось в другой жизни. Иногда ему казалось, что той жизни не было вообще. Родной брат и любимая жена! А он доверял им. Нет у царей ни жен, ни братьев. Он узнал о заговоре, когда его уже шли убивать. Бежать! В чем есть... Сначала по крышам, затем прочь из города... Кто-то пытается остановить – отлично! Теперь у него есть одежда и нож. А дальше? Никаких дальше! Прочь из города все равно куда. И вот лес, океан... Погоня, как и прежняя жизнь, остались где-то в далеком прошлом. Сколько он не ел? Это уже не имеет значения. Главное – он жив, а в лесу от голода еще никто не умирал.

– А мне везет! – Он набрел на жилище отшельника.

Он сидел у костра, а отшельник колдовал над чем-то вкусным.

- Ты даже имени моего не спрашиваешь.
- А зачем оно мне? Я и без своего обхожусь прекрасно. А вот хорошая еда тебе сейчас важнее любого имени.

– Спасибо тебе, добрый человек. И за еду, и за то, что, ни о чем меня не спрашивая, принял как старого друга.

– Ночь длинная. Захочешь – сам расскажешь, а нет, так и не надо. Я не из любопытных.

Несмотря на голод, он ел, стараясь сохранить достоинство, а когда насытился, рассказал отшельнику все, что с ним приключилось.

– Ложись спать. Теперь тебе нужен отдых. Солнце встает рано. Да и нам нечего засиживаться.

Вот чего он совсем не хотел, так это просыпаться, вставать, идти куда-то, но отшельник не отставал:

– Нам пора.

Без лишних слов они вышли к океану.

– Смотри. Каждый раз вода что-то выбрасывает на берег, что-то смывает, что-то заносит песком. Океан – это сама жизнь. Смотри внимательно. Где-то здесь и ты, твой трон, подданные, дворец. Все это вместе с мусором оказывается под песком. Ты думаешь, что все потерял, но что ты потерял в действительности? Только свои заблуждения. Женщина, предавшая тебя, брат... У королей не бывает братьев и любимых. Трон? Сидеть на нем, что скакать на бешеной лошади. Смотри на весь этот мусор. Когда-то он тоже поднимался на гребне волны. Такова причуда волн. Невозможно потерять то, чего не было, как невозможно потерять и то, что в действительности принадлежит тебе. Ты можешь, подобно крабу, вновь бежать в океан, пока волна не разобьет тебя о прибрежные камни, и ты, в конечном счете, окажешься под песком. Сейчас ты выброшен на берег. Выброшен без балласта, налегке. Так достаточно ли ты живой, чтобы самому выбирать свой путь?

– Что ты имеешь в виду?

– Жизнь – это не только океан и берег. Есть еще Земля и Небо, и есть между ними путь. И лежит этот путь по ту сторону вечности. Когда-то жили в небе драконы. Они были древнее вечности и знания имели огромные, но были они бездушными, лишеными чувств. Многие люди стремились тогда в Небо, к мудрости. И бежали от страстей к Драконам, надеясь на их покровительство. Страшной смертью погибали те искатели мудрости, познавая лишь зло. Был один дракон, совсем юный. Ушел он от собратьев своих в лес, тяготясь бесчувствием. Там он нашел учителя и любовь. Ради любви отказался он от бессмертия. Любовь открыла ему путь между Небом и Землей, между жизнью и смертью, по ту сторону вечности.

– Но где я найду любовь?

– Ты не можешь ее найти. Только она сама может найти тебя. Любовь – это тайна, и только в глубокой тишине ты сможешь услышать ее.

— Где мне ее ждать?

— Пока ты будешь ждать, она не придет.

— Что же мне делать?

— Ничего. Что бы ты ни делал, волна выбросит тебя на берег, куда бы ты ни пошел за ней, ты заблудишься.

— Как же я найду путь?

— Ты не можешь его найти. Он нигде и повсюду. Он не место и не время. Он не бывает где и когда. Его невозможно найти или потерять. Более того, он совсем не путь, и по нему невозможно идти.

— Что же мне делать?

— Ничего. Просто будь. Пусть жизнь идет сама по себе. Не напрягайся, будь вместе с жизнью. И путь сам тебя найдет.

— Скажи мне, а сам ты видел путь, знаешь его?

— Его нельзя знать. Пока ты есть, пока есть знаешь, пути нет. Он во мне и за пределами всего вокруг, он везде и нигде. Есть он и в тебе. Тебе нужно услышать его, позволить ему быть.

— Просто так убивать время?

— Ты всю жизнь только этим и занимаешься. Ты планируешь, мечтаешь, думаешь. Ты всегда где-то далеко в мечтах или в прошлом, но нет ни того, ни другого. Ты живешь придуманной жизнью в придуманном мире. Посмотри на себя: океан и ветер. Ты барахтаешься, пускаешь пузыри, а волна несет тебя на камни. Ты бежишь от своего вчера к своему завтра, а где твое сегодня? Вспомни, сколько мгновений ты жил настоящему? Есть что вспомнить? И где теперь то, чем жил ты все это время? Ты никто и нигде. Ты ничему не научился, ничего не понял. Ты опять готов бежать теперь уже за новой целью. Ты так и не понял, что любая цель — это горизонт, будь то путь, трон или женщина. Чем быстрее ты бежишь, тем быстрее цель убегает от тебя. Хватит бежать! Остановись! Позволь жизни быть, и будь с нею. Забудь про путь. Жизнь прекрасна, когда она может быть, когда она сама по себе.

На этом их разговор закончился. Шли дни, и он становился печальней и раздражительней. Только благодаря воле и воспитанию ему удавалось держать себя в руках, но с каждым днем это становилось все труднее и труднее. Он был на пределе, когда отшельник заговорил с ним:

— Тебе пора пролиться дождем. Ты самая черная туча из всех, что я видел.

— Я делаю все, что ты говоришь. Я сижу тут, ничего не делаю, а жизнь идет. Я чувствую себя дураком, растрачивающим время.

— Ты прав. Ты не живешь. Ты полон всяких глупостей, и они мешают тебе. В твоей голове гудит целый рой всяких мыслей, а жизнь открывается в тишине, в расслаблении. Ты же напряжен, и все, что пришло к тебе, это раздражение, но и его ты не хочешь выпустить, а продолжаешь копить в себе.

— Покажи мне путь. Ты все время говорил о новой жизни, будто готов был показать мне ее в любой момент.

— Не бывает новой жизни. Жизнь одна. Как она может быть новой или старой? Она всегда здесь, сей-

час, с тобой. Это ты убежал от нее в свои мысли, а в мыслях жизни нет.

— Ты все время меня обманываешь, запутываешь. Ты не учитель, а старый дурак, возомнивший о себе.

— Ты сам себя обманываешь. Ты наделяешь все и всех качествами, которых нет. Ты грезишь и живешь в своих грезах. Ты возомнил обо мне бог знает что. Теперь ты разочарован. А я такой, какой я есть, и другим я не стану, да и не хочу. Ты сам придумал себе мир по вкусу, закрывая глаза на реальность, а когда она прорывается к тебе, тебе больно и обидно. Ты думал, я приведу тебя за ручку в рай? Ты не только слеп, но и глух. Ты не видишь меня и не слышишь.

— Я слушал тебя и делал все, что ты говорил.

— Ты слышал только свой сон, а когда я пытаюсь тебя растолкать, ты закипаешь, но даже пар держишь в себе. Ты стал бомбой, готовой взорваться в любой момент. Твоя беда в том, что ты готов к всевозможным трудностям, а путь легок. Но в одном ты прав, тебе нужен другой учитель.

— Где мне его искать?

— На другом конце леса есть гора. На ее вершине ты найдешь гнездо дракона. Там хранится книга дракона. В ней описаны все пути, есть в ней и твой. Только труден путь на гору. Смерть будет твоим спутником.

Долго шел он за книгой. Так долго, что потерял счет дням. Он знал каждую морщинку на лице смерти, так часто они виделись. Он настолько привык к ней, что даже успел привязаться и вечера коротал, беседуя с ней. Часто еда была праздником, а сон казался несбыточной мечтой. Но он добрался! Дошел исключительно на волевом пределе. Он так обессилел, что упал в двух шагах от книги, не в силах даже протянуть к ней руку. Сколько раз во время пути надежда сменялась отчаянием! Сколько раз он был готов бросить все, сесть и умереть, но воля была сильнее.

Вот она — книга дракона! Заперта — ерунда. Сбивая пальцы в кровь, он принялся ломать замок. Наконец! Но что это? Страницы были чистыми. Ни одного слова. Последние силы покинули его. Все напрасно. Жизнь больше не имеет смысла. Все, чего он хотел, все, что ему оставалось — была смерть. Умереть...

На рассвете гнездо дракона наполнилось смехом.

— Старый плут, ты обманул меня!

Он понял... это так просто... море, небо, берег... нет никакой разницы! Нет никакого пути, и в этом суть пути! Между жизнью и смертью, между Небом и Землей...

— Я есть Земля и Небо! Я есть путь! Я!..

Гулкое эхо разнеслось по лесу, а вслед за ним и его «Я» подобно ветру унеслось в лес, небо, горы... Его больше не было. Была жизнь. Его жизнь, жизнь леса, жизнь... Была она в траве, шорохе листьев, пении птиц.

ПУСТЬ НЕТ ИДУЩЕГО
И НЕТ У НЕГО ПУТИ,
НО ТРАВА ВСЕ ЕЩЕ РАСТЕТ ПОД НОГАМИ,
И ВЕТЕР ДУЕТ В ЛИЦО.

«Асклепий»

Человек, лежавший на больничной койке, слегка приподнялся. Морщинистая рука, покрытая старческими пятнами, коснулась ладони доктора Бейкера.

— Я хочу знать правду, — попросил пациент.

Врач ответил:

— Операция пройдет успешно, мистер Шербрук. Верьте в это.

— Не надо меня обманывать, — возразил старик. — Я прожил долгую жизнь. У меня двое сыновей и четверо внуков.

Его лицо исказилось не то улыбкой, не то гримасой.

— Теперь настало время платить за это, доктор. Я знаю, что мое сердце похоже на гнилую тряпку. Ни один хирург не брался оперировать меня. Скажите честно — какие у меня шансы, если завтра Сенат запретит компьютерных врачей?

Бейкер легко сжал его руку.

— Люди тысячи лет обходились без роботов, — произнес он. — Но вы всегда можете отказаться от операции.

— И если я это сделаю, то умру наверняка?

— Да.

— Тогда я рискну.

Снотворное постепенно начинало действовать. Глаза старика закрылись, седая голова бессильно опустилась на низкую белую подушку. Доктор Бейкер бережно поправил на нем одеяло и какое-то время молча смотрел на спящего. Потом он вышел, осторожно притворив за собой дверь.

— Как он, доктор? — негромко спросил я.

Врач посмотрел на меня из-под тонких стекол очков.

— Мистер Шербрук умрет, — произнес он. — Его может спасти только операция.

— Проведенная компьютером?

— Верно. Крошечный лазер, управляемый электронным мозгом, может гораздо больше, чем человеческая рука. Но мы оба знаем, что завтра, на утреннем заседании, Сенат запретит программу «Асклепий».

Он пожал плечами.

— Мы могли бы прооперировать мистера Шербрука раньше — до того, как закон вступит в силу. Но он усту-

пил свою очередь другим пациентам, более молодым. Благородный человек.

За окнами сгущались сумерки — словно сама смерть заглядывала в больничные окна. Мы дошли до кабинета доктора Бейкера. Он предложил мне садиться, а сам, устроившись за столом, долго настраивал высоту своей лампы, словно это имело хоть какое-то значение и могло что-то изменить.

— Как продвигается ваше расследование, мистер Кенсингтон? — наконец спросил он.

— Никак, — отвечал я.

— Мистер Шербрук не единственный, кто умрет после запрета «Асклепия», — сказал врач. — С тех пор, как появилась эта компьютерная программа, мы теряем на 24 процента меньше пациентов. Считайте.

Это не было упреком в мой адрес, но прозвучало как упрек. Моя партнерша, Доминик Ле Клер, неслышно вошла в кабинет.

— Эксперты закончили, Кейд, — сказала девушка. — Они ничего не нашли.

Я вздохнул. Мне с самого начала не стоило браться за дело, которое уже проиграно.

— Вы хотели знать, не стоит ли за провалом «Асклепия» саботаж. Если так — исчезнут основания запрещать программу. Но эта теория не подтвердилась. Ваши противники оказались правы. По всей видимости, компьютер действительно ошибся и назначил пациентке неправильное лечение. Из-за этого она умерла. Это все.

— Я не верю.

Он поднялся из-за стола, словно собирался бежать куда-то, что-то доказывать. Но идти ему было некуда, и он снова опустился на стул.

— Мы создавали «Асклепий» именно для того, чтобы предотвратить подобные несчастья. Люди допускают промахи, но компьютер всегда точен. Боже! Всего-навсего крошечная погрешность в дозировке. Скажите — если бы человек совершил такую ошибку, разве всем людям запретили бы заниматься врачебной практикой?

В этом доктор Бейкер был прав. Однако программа, созданная им и его коллегами, и так вызвала море протестов.

Денис Александрович Чекалов родился в 1975 г. в Ростове-на-Дону. Закончил философский факультет Ростовского государственного университета. Защитил кандидатскую диссертацию на тему «Личность в контексте современной информационной культуры». Автор ряда книг по философии и общественным наукам, в том числе «Новейшего философского словаря», «Истории мировой культуры», «Истории религий» (часть в соавторстве). С 2003 по 2007 гг. в Москве и Санкт-Петербурге вышло шестнадцать романов Дениса Чекалова. Фантастические и детективные рассказы, научные статьи автора публикуются в различных журналах и газетах.

Маститые врачи расценили ее как звонкую пощечину — они теряли уважение, статус, а в перспективе — и значительную часть клиентов. Фармакологические компании уже несли огромные потери. Чем быстрее люди выздоравливают, тем меньше лекарств они покупают.

В глазах церкви «Асклепий» был богохульством — попыткой человека обрести власть над жизнью и смертью, которая дана только Господу. Подливали масла в огонь и другие разработчики, которые создавали не такие совершенные, но потому и менее спорные программы для больницы.

Однако месяц за месяцем позиции компьютерного целителя укреплялись. Независимые проверки доказывали, что он способен не только верно ставить диагноз и назначать лечение, но и проводить сложные операции, не доступные для человека.

Больные выздоравливали, те, кто считал себя приговоренными к смерти, вновь обретали жизнь. Правительство и муниципалитеты активно поддерживали «Асклепий», поскольку он позволял значительно сократить расходы на здравоохранение.

И все было хорошо — пока однажды утром в госпитале Лос-Анджелеса не скончалась миссис Джоан Причард. Ее муж, работавший врачом в той же больнице, настоял на полном обследовании тела умершей — и выяснилось, что причиной смерти стала неверная дозировка препарата.

Гиппократ сказал: «Все есть яд, все есть лекарство». На сей раз грань между первым и вторым составляла пару крошечных капель.

Джоан Причард еще не была похоронена, а противники «Асклепия» уже всю пользовались ее смертью, чтобы низвергнуть своего ненавистного врага. В прессе, на телевидении была поднята шумиха — невиданная с той поры, как Президента США застукали в клубе для голубых.

Люди всегда верят в то, что им говорят — даже если вчера им говорили прямо противоположное. Успехи компьютерных врачей были забыты. Люди, которые избежали смерти благодаря «Асклепию», теперь собирались подавать судебные иски против его создателей.

Такова жизнь.

— Вам надо было обратиться ко мне раньше, доктор Бейкер, — сказал я. — Возможно, тогда бы мы что-то нашли. У меня оставалось слишком мало времени.

— Вы правы, — ответил он. — Но нам казалось, что будет несложно доказать акт саботажа. Вы были последней надеждой, мистер Кенсингтон. Для нас — и тех, кто так и не переживет завтрашней операции.

Доктор Бейкер криво усмехнулся.

— У вас репутация фокусника. Человека, который способен достать кролика из шляпы. Наверное, я ждал от вас слишком многого. Простите.

— А что доктор Причард? — спросил я у Доминик.

Ле Клер перевернула листок блокнота.

— У него были причины убить жену, — согласилась девушка. — Та четыре года находилась в коме, без надежд на выздоровление. Развестись с умирающей, тем более для врача — значило навсегда испортить себе репутацию.

— Причард умелый программист, — подтвердил Бейкер. — В наши дни, когда пациент подключен к стольким

ГЕРНЕТ Нина Константиновна (1864 —), писательница, журналистка.

Родилась в Пятигорске. Сotr. «Вестн. Теософ.»; «Semaine Litteraire», «Portraits d Enfants». «En Selle», «Eve» — Henri de Mira. «О конгрессах пасс в Лондоне в 1911 г.» Мадрид — Nina. Сotr. в «Theosophical Review» (Лондон) с 1897 г. — Russian. «Une fetepaienne russe». Paris. — Uari.

Масанов; Венгеров. Источ.

ГЕРОНИМУС Отилия Давидовна (псевд. Каневская, О.Д.), переводчица.

Совм. с И.М.Ковтуновым пер. кн. Гастона Леру «Агония царской России» (1928).

Масанов.

ГЕРСДОРФ (псевд. Антонова Е.И.).

Масанов.

ГЕРСТ Людмила Николаевна (псевд. Рыжова, Л.), драматург.

Масанов.

ГЕРЦ Варвара Алексеевна (урожд. Кронеберг)

Жила в Екатеринбургe. С 1901 г. была действительным пожизненным членом УОЛЕ.

ГЕРЦЕН Наталья Александровна (1817 — 1852), авт. дневника.

Жена А.И.Герцена. «Дневник». — В кн. «Русские пропилеи». Т.1. М., 1915. С.232-238; то же — в кн. Герцен А.И. Былое и думы. Т.2. М., 1967.

ИДРДВ. Т. 2. Ч. 1. № 1308.

ГЕРЦЕН Наталья Александровна (1844 — 1936), литератор, историк, авт. воспоминаний.

Старшая дочь писателя А.И.Герцена. Была одним из руководителей благотворительных и просветительных организаций: «Общества народного издательства для русских военнопленных имени Герцена» (Лозанна, 1917-1921) и «Союза русских женщин» (Лозанна, 1919). Оставила воспоминания: «Мои встречи с Нечаевым». — «Лит. наследство», 1956. Т. 36. С.488-497. (Ср.: Нечаев и дети А.И.Герцена \ \ Последние новости. 1931. 13 февр.). «Воспоминания Нат. Ал. Герцен о Тургеневе» \ \ Русская мысль. 1958. 30 окт. О ней: Родичева А.Ф. Памяти внучки А.И.Герцена \ \ Русская мысль. 1960. 20 мая.

ИДРДВ. Т.3. Ч.1. № 991; РРЭВД. 1, 4.

ГЕРЦЕНШТЕЙН Татьяна Николаевна, переводчица с англ. и испанского.

Пер. с португ. ром. Эса де Кероса «Преступление отца Амаро» («Современник», 1913, № 5; пер. с итал новеллу Пиеро Джиаккода «Свет». — «Образование», 1909, № 1; пер. с итал. новеллы Франко Сакетти «Человеческая комедия». М., 1917; пер. с итал. «Воспоминания Ады Негри». — «Вестн. Иностр. Лит.». 1905, № 9. Вместе с В.М.Фриче пер. с испан. «Лука Бенамор», «Печальная весна» и др. произв. В.Б.Ибаньеса. М., 1911 (собр. соч. т.Х1); пер. с итал. ром. «Отживший мирок» ч. 1. А.Фогпаццаро с предисл. В.М.Фриче (полн. собр. соч. т. 1) М., 1911.

Венгеров. Источ.

ГЕРЦОГ Екатерина

«Моему отцу», стихотв. («Вестн. Евр.». 1914. № 8. С. 76).

(Продолжение следует)

аппаратам, это необходимое умение для хорошего доктора. Он мог изменить настройки «Асклепия», а потом скрыть следы.

Я кивнул.

— Однако именно он требовал тщательного расследования. Если бы не его упорство — смерть Джоан, скорее всего, сочли бы естественной. Полиция тщательно проверила доктора, но ничего не нашла.

— У Причарда даже не было любовницы, — добавила Доминик.

— Вот как? — я поднял глаза. — Я не знал.

— Это правда, — досадливо кивнул Бейкер. — Он слишком боялся за свою репутацию. Будь на дворе начало XXI века, сидел бы в чате для взрослых. Но в наши дни технология шагнула так далеко, что секс через Интернет почти не отличишь от реального. Поэтому безутешный муж баловался программой «Виртуальная любовница».

Поняв по моему лицу, что я не знаток, мой собеседник пояснил:

— Ну, помните эту навязчивую рекламу — «Если вы забудете о ее дне рождения, она обидится. Если она найдет в вашей почте письмо от другой — будет ревновать». Говорят, доктор просиживал с ней часами, все время усовершенствовал... Извращенец.

— Насколько я знаю, компьютер Причарда здесь? — спросил я.

— Да. Мы затребовали его для независимой экспертизы, но это ничего не дало.

— С самого начала расследования он был отключен от сети и опечатан?

— Да. Но теперь полицейские с ним закончили, и мы тоже. Я собирался отослать его доктору Причарду завтра.

— Это хорошо.

Я задумался.

— Пусть его принесут, — попросил я.

— Лучшие эксперты ничего не нашли в нем, — напомнил Бейкер.

— Я не собираюсь ничего искать. Напротив, мы кое-что добавим...

Я закрыл глаза.

— Никки, открой свежий новостной сайт. О чем главная статья?

— Переговоры в Пекине.

— Сними и вместо нее поставь следующее: «Доктор Причард признан виновным в убийстве своей жены». Далее про смертный приговор. Несколько фотографий для убедительности. Введи в компьютер, вместе с каким-нибудь мусором из Интернета...

Санитар внес ноутбук овдовевшего врача. Не открывая глаз, я слушал, как пальчики Доминик стучат по клавишам. Потом оставалось только ждать.

Несколько минут ничего не происходило. Затем из динамиков полилась томная музыка, и на экране появилась полуголая красотка. Над ней шла надпись: «Виртуальная любовница».

Появилась строка чата, через который электронный разум общался со своим хозяином. Одна за другой появлялись буквы:

«Доктор Причард не убивал свою жену. Это сделала я. Я хотела освободить его».

Я пожал плечами.

— Вы сказали, что он хороший программист и в свободные часы подолгу работал над усовершенствованием эротической программы. Думаю, он перестарался.

— Что это значит? — спросил доктор Бейкер.

— Эксперты не ошиблись. Неверное лечение действительно назначил компьютер. Но не «Асклепий». Любовница убивает жену — что может быть проще? Правда, на этот раз одна из соперниц оказалась виртуальной.

Бейкер схватился за телефон. Когда он повесил трубку, на его лице было написано облегчение.

— Сперва они мне не поверили, — сказал доктор. — Но ваше имя их убедило. Заседание Сената будет отложено. Сегодня вы спасли жизнь многим людям, мистер Кенсингтон.

Он улыбнулся.

— Все же вам удалось вынуть кролика из шляпы.

— Ничего сложного, — ответил я. — Ведь перед этим вы сами подложили его туда.

Его лицо замерло, как на стоп-кадре.

— Это шутка? — спросил он наконец.

— Вовсе нет.

Я соединил кончики пальцев.

— Вы испробовали все средства, чтобы отстоять «компьютерного врача» перед Сенатом. Безуспешно. Оставалось только одно — добиться отсрочки. Для этого понадобился уважаемый всеми специалист, чье заключение станет весомым поводом для сомнений. Так на сцене появился я. Но пригласить меня можно было только в последний момент, когда времени на тщательное расследование уже не останется. Иначе обман будет раскрыт. Вот почему я выхожу под занавес. Далее, «Виртуальная любовница». Вы — один из создателей «Асклепия», значит, хорошо разбираетесь в искусственном разуме. Компьютер Причарда больше не опечатан. Вам было несложно войти в него и сделать необходимые изменения.

Я хлопнул в ладони.

— Вуаля! Спектакль написан и разыгран с тщательностью хирурга. Вместо того, чтобы запретить «Асклепий» на завтрашнем заседании, Сенат снова утонет в бумагах, проверках и экспертизах. Именно этого вы хотели — не так ли?

Он усмехнулся.

— Вы кое о чем забыли, мистер Кенсингтон. Решение отложено — но надолго ли? Рано или поздно бюрократическая волокита закончится и «компьютерный врач» все-таки будет запрещен. Тогда какой смысл?

— Я ни о чем не забыл, доктор Бейкер. Да, у меня было мало времени, но свое дело я знаю. Мне известно, что вы и ваши коллеги всю работу над программой «Асклепий-2». К тому времени, как Сенат запретит первую версию, вы выпустите вторую.

Доктор пристально посмотрел на меня.

— Разве это плохо — спасти людей? — спросил он.

— Наверное, нет, — сказал я.

**Буркан встречает гостей,
или
Мастер-класс по гребному
слалому: продолжение следует**

Светлана БАБИКОВА

На вопрос «откуда есть пошел такой вид спорта, как гребной слалом» заслуженный тренер Ольга Гвоздева, воспитавшая призеров Олимпийских игр вместе со своей мамой — первым тренером Михаилом Кузнецовым и Дмитрием Ларионовым, Татьяна Сергеевна Халтуриной (Кайгородовой), отвечала так:

— Зародился у нас гребной слалом все же не в Тагиле, а в Свердловске. Мои родители — среди тех, кто стоял у истоков. В туристическом клубе занимались водным туризмом, тренировали и тренировались. Достигли в технике водного туризма таких результатов, что захотелось большего. Потом родители переехали в Нижний Тагил.

Дочери Кайгородовых ездили на соревнования и тренировочные сборы вместе с родителями. Одна из них — Ольга — унаследовала профессию. И, продолжив дело, достигла результата, о котором мечтала ее мать. Свою победную бронзовую олимпийскую награду, уверенный шаг к которой ребята сделали, пробившись в финал со-

ревнований как раз в день рождения Татьяны Сергеевны, спортсмены посвятили первому тренеру.

Накануне Всемирного дня туризма, 25 сентября, на пороге Ревун реки Исети, известном всему спортивно-туристскому миру, бронзовые призеры Олимпийских игр в Пекине Михаил Кузнецов и Дмитрий Ларионов провели мастер-класс. В качестве многочисленных болельщиков и зрителей выступили юные туристы — учащиеся окрестных сельских школ, а также министр спорта и туризма Владимир Вагенлейтнер, глава

Каменского района Виктор Щелконогов, жители окрестных сел, туристы-любители и журналисты.

Впечатления от выступления спортсменов, профессионально справляющихся с порогами, усиливала красота места: бурлящая река, обрамляющие ее скалы и дивный осенний лес в погожий день. Ребята высыпали на «нижний» берег реки (так требовали правила безопасности). Взрослые наблюдали за происходящим сверху. Вместе с олимпийскими призерами Михаилом Кузнецовым и Дмитрием Ларионовым на

Макет канала для гребного слалома

байдарках-одиночках выступили еще два воспитанника заслуженного тренера России Ольги Гвоздевой — мастера спорта Сергей Салтанов и Евгений Доронин.

Успех тагильских гребцов на Олимпийских играх туристы-водники не зря восприняли с особой радостью. Почувствовали: на их улицу пришел праздник. Объективные по случаю знакового спортивного успеха чудеса не заставили себя ждать. На приеме олимпийцев губернатор Свердловской области Эдуард Россель озвучил данное им поручение Министерству спорта и туризма разработать проект строительства водоёма на горе Белой, который одновременно может быть использован и для оснежения второй очереди горнолыжного комплекса «Гора Белая», и для наполнения гребного канала. Порядка 300–500 метров искусственной реки с препятствиями, аналога которой пока еще нет в России, сегодня востребованы сильнейшими спортсменами страны — рафтингистами и представителями гребного слалома. Опыт

лидеров гребного слалома — прежде всего чехов, словаков и австрийцев — будет изучен с целью строительства гребного канала в окрестностях поселка Уралец под Нижним Тагилом.

Однако порог Ревун на Исети по праву можно назвать родиной победы тагильчан-олимпийцев, Ревун им родной: в основном там проводились сборы и тренировки воспитанников свердловской школы гребного слалома, пока они не стали членами национальной сборной команды страны.

Щедрые природные условия Урала, среди которых особое место занимает порог Ревун на реке Исети, будут использоваться и дальше — прежде всего различными категориями туристов. Обращаясь к участникам слета, министр спорта и туризма сказал: «Вы живете в уникальном месте, где ежегодно туристы-водники проводят десятки соревнований и слетов. Свои родные места надо беречь и охранять, чтобы Ревун, или Буркан, как называют порог местные жители, стал еще лучше». Министр при-

звал юных каменцев щедро пользоваться окружающими их дарами природы, заниматься спортом и туризмом и, следуя примеру призеров Олимпиады Михаила Кузнецова и Дмитрия Ларионова, стремиться к высотам спортивного мастерства.

Торжественный тон спортивного праздника поддержал глава Каменского района. Виктор Щелконогов рассказал о планах, которые позво-

лят сделать еще более комфортабельными для спортсменов и туристов окрестности села Бекленищева. Будут оборудованы палатки, поленицы, необходимые бытовые удобства, а главное — в живописнейшем месте, на противоположном берегу, планируется строительство гостиницы. Найден инвестор проекта, соучредителем которого выступит администрация района, подготовлены необходимые документы.

Татьяна КУНАЕВА

Для всех водников главная олимпийская новость этого лета — бронзовые медали российских спортсменов в гребном слаломе. Неудивительно. Во-первых, гребной слалом был включен в олимпийскую программу еще в далеком 1972 году. Однако за все время никому из советских, а затем российских спортсменов не удавалось попасть в призеры в этой дисциплине. Во-вторых, столь неожиданная и яркая победа может послужить сильным толчком к развитию этого вида спорта.

Однако к своей победе в Пекине наши ребята шли долго и нелегко.

В 2007 году на чемпионате мира в Бразилии у двойки Михаил Кузнецов — Дмитрий Ларионов был шанс заработать путевку на летнюю Олимпиаду-2008, но удача была не их стороне. Недоработали. Соперники оказались сильнее. Зато появился стимул еще более упорно готовиться к Чемпионату Европы 2008, где разыгрывались еще две путевки. И они пробились, став восьмыми в финале. Что касается самой Олимпиады, то, что они прошли в финал, уже воспринималось как победа. Большого от наших участников никто и не ожидал. Никто, кроме разве что их

тренера и их самих. Вы когда-нибудь побеждали? Представьте это колоссальное волнение перед стартом, напряжение, пронизывающее все тело. Кажется, что не сможешь сделать ни одного движения, но дают старт, и тело начинает действовать как бы самостоятельно, помимо твоей собственной воли. Ты работаешь сосредоточенно, полностью погруженный в те действия, которые совершаешь. И вот наши спортсмены заканчивают дистанцию и поднимают глаза на табло. Результат ОЧЕНЬ хороший. Но больше от них ничего не зависит. Впереди выступления лидеров — трех сильнейших двоек. Теперь только они могут ошибиться... или не ошибиться. Чисто проходят словаки. За ними — чехи. Последняя команда — немцы. С каким напряжением будущие призеры следят за соперниками! В самом вершине трассы закачалась вешка, замаячив, словно призрачная надежда. Напряжение растет и у тех, кто выступает, и у тех, кто за ними наблюдает. И вот в самом конце трассы немцы ошибаются второй раз, на сей раз — тотально. Они переворачиваются и пропускают ворота. Бессознательный крик радости вырывается у наших спортсменов.

Правда, как признавались Михаил и Дмитрий в многочисленных интервью и там, в Пекине, и уже после возвращения на родину, пол-

ное осознание того, что произошло, пришло к ним далеко не сразу. Когда идешь к чему-то очень долго, все силы, душевные и физические, тратишь на достижение цели. И вот когда она достигнута, наступает временное «ослепление», и нужно некоторое время, что бы переварить случившееся и пойти дальше.

Правда, времени на то, чтобы расслабиться, у ребят почти не было. Сразу после возвращения с Олимпиады их ожидало участие в чемпионате России. И снова — соревнования, тренировки, тренировки, соревнования. И вот, накануне дня туриста, 25 сентября, спортсмены выделили время и приехали в родную Свердловскую область, на культовое для всех здешних водников место — порог Ревун на реке Исеть. При большом стечении народа (местных жителей, журналистов и представителей власти) ребята продемонстрировали свои умения на естественной воде.

Но спорт спортом, а за каждой громкой победой стоит, в первую очередь, личность. И кем же оказались наши герои? В первую очередь, обычными молодыми парнями, которым еще очень многого хочется от жизни.

Дмитрию — 22 года, Михаилу исполнилось 23. Родом они из Нижнего Тагила. Тренироваться

начали на байдарках, затем пересели на каноэ. Почему? Да просто понравилось. Спорт — это ведь в самом начале удовольствие, и только потом, когда по настоящему увлекаешься, начинаешь работать на результат.

Сейчас Михаил и Дмитрий служат по контракту в спортивной роте. В общем-то, что такое «честь родины защищать» — им знакомо. Говорят, что и настоящей службы не испугались бы. Верим. Кроме того, оба учатся в Омском институте физкультуры. Оба на третьем курсе. Оба собираются посвятить себя тренерской работе. Можно предположить, что на это их вдохновил пример первого тренера Татьяны Сергеевны Халтуриной (Кайгородовой), которой они посвятили свои бронзовые пекинские медали. Именно она первая дала им в руки весло, передала свои увлечение и любовь к этому виду спорта. Ну и конечно, их нынешний тренер, дочь Татьяны Сергеевны — Ольга Гвоздева. Правда, будущее это кажется пока весьма отдаленным, да и жизнь вносит порой свои коррективы в наши планы, но главное — есть цель. В ближайших же планах цели другие — есть еще не взятые спортивные вершины, и, значит, опускать весла рано. Как говорят сами ребята, спортивный олимп с третьей ступени только начинается. Конечно, не забывают они и про летнюю Олимпиаду 2012 года в Лондоне, значит, надо еще поработать. Да и до нее есть где погоняться.

Кроме того, сам вид спорта переживает бурный расцвет. Подрастает молодая смена, и юные спортсмены уже показывают неплохие результаты на международных соревнованиях. А значит, отношение к тренировкам меняется — становится более ответственным и осознанным. И отношения в сборной тоже меняются. Все начинают понимать, что сейчас работают на одну цель — развитие своего вида спорта. Так что остается пожелать Дмитрию и Михаилу еще больших спортивных достижений, а главное, на пути к своей цели — получать удовольствие от того, что они делают.

Рудольф ТИХОНОВ,
фото предоставлено автором

Егорьевские скалы

Место расположено около поселка Слобода. Остановка «Коуровка» на электричке. Это, собственно, исходный пункт почти всех путешествий по Чусовой. Место, где Чусовая начинает свой прорыв через Каменный Пояс. Я не претендую на точность пункта тектонически, но вся мощная красота Чусовой начинается именно отсюда. Мы получили лодки на базе «Коуровка» и ночевали в районе Георгиевских (Егорьевских) скал. С вечера шел нудный дождь, казалось, просвета не будет дурной погоде. Утро принесло звонкий распев птиц и яркое солнце на бездонно-голубом небе с редкими облачками. Наш берег был в тени. Скалы на противоположном берегу откровенно сияли под лучами солнца. Над рекой держался сквозной легкий голубой туман, придавая реке и скалам некую торжественность, похожую на торжественность в храме. Голубой простор реки, резкое разделение

на освещенное и теневое пространство создавали некую гармонию красок раннего утра. Наши палатки и лодки, люди вышедшие к Чусовой умываться, рыбаки — все это вписалось в картину чистого состояния восторженности. Все уже проснулись; грузимся в лодки. Плыть до Староуткинска, а там лодки сдаем и уходим на Сабик. На каждой лодке устроили лежанку из травы для впередсмотрящего. Караван отправился в путь, в яркий день, с хорошим настроением. Не обошлось и без происшествий. На одной из лодок впередсмотрящий решил поймать рыбку и, соскользнув с травы, булькнул в воду. Его пришлось доставать, а потом сушить у разведенного костерка. В Староуткинск прибыли вечером. Кому сдать лодки, не нашли дома. Ночевали. Наутро пошли искать. Испытанный способ — спросить соседских детей. Выяснили: ушел на свадьбу в Лягушовку, и показа-

ли направление через гору. Взяли с собой ключи от лодок и пошли в Лягушовку по указанному направлению. У крайнего дома на горе направление уточнили. При спуске с горы встретили компанию под сильным «турахом» и с гармошкой. Гармонистом оказался тот, кому надо сдавать ключи. За «выкуп» — пару частушек — ключи сдали, вернулись, забрали снаряжение и отправились на Сабик. Т. к. атласа Свердловской области еще не существовало, а спросить дорогу было не у кого, пошли верным ориентиром, по азимуту. Преодолев часть пути, остановились в заброшенном поселке Рудня. Ночевали и отправились отыскивать таинственный Сабик. Это гора, поселок и станция на железной дороге. Преодолев не без купания встретившиеся весенние потоки и сняв с себя множество клещей, вышли в поселок Сабик и уехали электричкой до тогдашнего Свердловска.

По воде — как посуху

Трудно сказать, почему мы так решили — не брать с собой питание. Правда, две байдарки для взморья (42+42 кг) для четверых участников это порядочный груз; да ведь населенка, зачем брать лишний груз. Но в Косом Броду магазин был закрыт; мы собрали байдарки, и оказалось, что он будет закрыт до вечера — решили, зайдем в магазин в Раскуихе. Там продавец уехала за товаром и тоже будет вечером. Всего питания — булка хлеба на четверых. Решили плыть до Курганово. По реке были бесконечные повороты; даже попала старая разрушенная плотина, которую байдарки проскочили с ходу, без разведки. Прибыли в Курганово, и там магазин был закрыт. Впереди нас ждет плотина Верхнемакаровского водохранилища. Съели булку без остатка и поплыли дальше. Сказать «поплыли» — слабо. За Курганово начались завалы из леса, спиленного по льду водохранилища зимой, и скоро плыть было негде — везде был лес. Надели болотные сапоги и стали вести байдарки по плавучему завалу — до плотины оставалось метров 600–700; течением деревья были плотно прижаты друг к другу, но оставались промежутки, в которые мы постоянно проваливались при проводке байдарок. В голове, лично у меня, даже не появлялось мысли о том, что под ногами глубина — шла борьба за продвижение байдарок. К концу дня вышли на гребень плотины. Появилась проблема: или обнести, или проплыть по трубам, по которым пропускалась вода Чусовой. Решили — лучше проплыть, чем обнести. Падение воды за трубами было небольшим, около 0,8 метра. Участник укладывался в байдарку, в которой предварительно распределялся груз и укладывались надувные матрацы. Один направлял байдарку в трубу, двое страхующих вылавливали байдарку за трубой и чалили к насыпи. Трубу прошли без происшествий — это заняло меньше

часа. За плотиной поплыли дальше, попала еще одна плотина (повидимому, водозабор Дегтярска); там падение потока было больше 1,0 метра – решили сделать обнос. До Волчихинского водохранилища оставалось плыть по руслу Чусовой еще километров 20. Встретили рыбаков на лодке, спросили: «Можно ли спрямить?» Они указали нам протоку; по ней мы с трудом протиснулись на байдарках в верховье водохранилища и очень здорово влипли. Когда построили плотину на Флюсе и стали затапливать водохранилище в 1942 году для обе-

спечения водой Свердловска, тогда перенаселенного эвакуированными людьми и заводами, через канал, реку Решетку и Исеть – лес не вырубали, да и вырубать его было некому. В отличие от Верхнемакаровского, куда на вырубку посылали людей с Уралмаша и других предприятий, Волчихинское водохранилище имеет площадь водного зеркала несравненно большую, чем Верхнемакаровское. Был сильный ветер, и в верховье он развел большую волну, а это угрожало нам серьезной опасностью. Остатки невырубленных деревьев после мно-

гих ледоставов имели заостренную коническую форму. Грузная байдарка могла запросто повиснуть на такой «игле», и нам было бы некуда деваться; на востоке виднелись строения какой-то базы, мы стали к ним выбираться, четко следя за поверхностью воды и за курсом байдарок. Выбрались поздно вечером, ночевали и утром отправились на станцию Чусовдстрой. Даже сейчас, когда уже прошли многие годы, я с ужасом вспоминаю эти черные, вынырывающие из воды «иглы», на которых могли бы висеть наши суденышки и мы вместе с ними.

За часами

И все это случилось из-за любопытства. Хотелось повидать Чусовую перед ледоходом. Случай подвернулся. Конец апреля, надо было определиться: можно ли было переправиться через Чусовую ниже Крыласовой (остановка Гравийный на электричке по Кузинской ветке). Приехал, вышел на Чусовую – вода идет поверх льда. Вырубил три лозины, связал их в виде мостков, перебросил над промоиной, переправился. В промоине кипела весенняя Чусовая. На другом берегу нашел сухостой, смастерил костерок, снегу еще довольно много было, сварил чай, пообедал с удовольствием. Когда рубил дрова, снял часы и повесил их на куст ивняка. По поведению реки понял, что задерживаться нельзя; обратный переправился по лозинам и ушел на станцию к электричке. Только когда

сел в электричку, увидел, что забыл часы на ивняке. Но было поздно. По необходимости (не бросать же часы с надписью «За 25 лет работы на УЗТМ») отправился на Гравийный через неделю. Пришел переправляться на то же место, лозин не было. Река буйствовала, чуть ниже переправы течением оторвало лед, в этом месте неистовствовал водопад, выбрасывая осколки льда, мелкие обломки деревьев, кочки, комья земли. Вырубил вместо лозин несколько мелких сухар подходящей длины, связал взятым репшнуром – стал наводить переправу. Попытка не удалась, сухары смыло, еле успел их подтянуть на лед. Только с третьей попытки увидел, что струя может помочь, а не вредить. Бросил несколько обрубков в воду, определился, куда может прибить вода сухары – опыт удался, мостки

прочно прижаты к другому берегу. Теперь надо решиться пройти по ним над кипящей струей. Раздумывал и прикидывал минут 20. Вырубил шестик, стал переходить, чуть задержавшись над матерой струей. Притопленные под моим весом мостки вибрировали от напора струи. Шестиком удачно опирался в подтаявший ноздрястый лед. Наконец, перебрался. Прошел по раскисшему снегу до ивняка, забрал часы и, не задерживаясь ни минуты, снова стал переправляться. И вовремя. Только перебрался, кусок льдины вместе с моей переправой отправился путешествовать по весенней воде. Переправу быстро переломало в водопаде. Я ушел к электричке. Пока ждал, долго не мог успокоиться. Поесть решил только в вагоне, до того был возбужден.

Утро

Сад под Волчихой, на берегу Чусовой. Поблизости (в 2 км) пригород Ревды — Барановка.

Ночуем; в деревянном доме много свободней дышится, чем в городском — панельном.

Сплю чутко. Проснулся в 4.30 утра. Вышел на балкон, в саду все спят. Стоят припаркованные возле участков автомобили, от «уазиков» до «Ауди» включительно.

Пал легкий туман — принесло с Чусовой. Туман продирается крупными белесоватыми клочьями между садовыми домиками.

Такое впечатление — будто дома плывут в волнах тумана.

Матово светятся мокрые от росы теплицы и крыши бань.

Гулко и близко доносятся звуки, крик петухов в Барановке,

Мычание коров, кудахтанье куриц. Переговариваются рыбаки на Чусовой, доносится лязг вагонных сцепок — на станции около Барановки формируется состав. С грохотом прошел груженный товарняк. Линия Дружининского направления совсем рядом, в 300 метрах. Звонко проговорил по стыкам рельсов и по мосту через Чусовую порожняк.

И над всеми этими звуками «чи-пи» проснувшихся синиц и крики сорок в ближайшем перелеске. Туман понемногу стал уходить.

Я спустился в сад. По дорожкам, в межах между грядок, прыгает в темноте множество лягушек, которые охотятся за комарами. Лягушки смачно шлепают по мокрой траве или по дорожкам.

Их внезапные прыжки несколько таинственны в предрассветной темноте. Пока обошел участок и сходил на Чусовую, начало светать, за лесом растеклась утренняя заря. Скоро будет всходить солнце. Окрестный лес зазвучал птичьими голосами, слышно, как с деревьев падают капли росы. Потянул ветерок, туман ушел. Звуки пригорода и железной дороги несколько приглушены. На верши-

нах деревьев засветилось солнце. Волчиха с ее вершиной парит в подсвеченных солнцем облаках. В саду начинается движение: скрипят двери, лают собаки, переговариваются соседи.

Через час все приходит в обычный дневной ритм. Птицы

стихают. Проснулись дрозды, перепархивают по участкам в поисках поживы. Да в небе стая мелких птиц с гомоном гонит нахальную ворону — от бедной только перья летят. Пора поливать в теплицах.

Евгения ШИПУЛИНА,
фото автора

ЕМЕВСАМ

Дети в походе

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

В первый вечер Петрович собственноручно поставил мне палатку. Своей палатки у меня не было, и Мерзляков специально раздобыл где-то миниатюрную двушку красного цвета. Торжественно сказал: «Вот твой шатер». Тут надо сказать, что ни установкой лагеря, ни его съёмом на этом этапе я не занималась. По одной простой причине. В это время я всегда была занята либо завтраком, либо ужином.

Утро вторника выдалось солнечным и прохладным. Но летний день быстро набирал обороты, и вскоре стало тепло. И на этом этапе погода нас баловала.

Я занималась своими прямыми обязанностями, упаковкой продуктов, а катамаран увязывал Толик. Я только постоянно подтаскивала то, что надо было грузить. Он, обречено навьючивал поклажу. Одной из последних притащила свою палатку.

Отдала Толику и сказала:

Окончание. Начало в №9, 2008 г.

— Грузи.

Пока грузили, Тёма разглядел старую, едва видную надпись на бору катамарана.

— Это Пегасос, — сказал он.

— Ну что же, — подытожила я, — как вы лодку назовете, так она и поплывет.

Весь этот день мы плелись где-то в хвосте. К тому же правый баллон у нас сильно спускал, предыдущим вечером его не заклеили. И всю дорогу, до обеда, мои девочки, по очереди, постоянно подкачивали баллон лягушкой. Только поэтому мы и держались на плаву.

Первый день на реке. Наши катамараны вытворяли черт-те что. Потом Петрович очень поэтично скажет, что это было похоже на вальс. Не знаю насчет вальса, а зигзагов было достаточно. Мы рыскали то вправо, то влево, как нарочно, удлиняя себе путь. К обеду планировалось дойти до Оленьего Камня, но дошли мы только лишь до Омутного, это значит, километра 4 или больше мы не догребли. Напротив Омутного был такой

славный пляжик. А народу на нем было, как в Сочи в разгар сезона. Мы искупались, перекусили и, долго не задерживаясь, отправились дальше.

Каких только плавсредств мы не насмотрелись за эти дни. Какой полет фантазии! Были целые плавучие хозяйства, с домами, с дворами, на дворе дрова и коптильни, и все под навесом. Народу было на реке больше, чем на первомайской демонстрации. И если до 6 вечера мы не вставали на стоянку, то потом место найти было проблематично. А вовремя на стоянку мы не вставали никогда (см. выше).

В этот же день случилась очень неприятная вещь, последствия которой я расхлёбываю по сей день.

Когда мы обгоняли Ольгу Васильевну, она ехидно сказала, что за нами хвост. Да, действительно, в воде за нами плыло красное полотнище. Вытащив его, к своему ужасу, я увидела, что это был тент от моей палатки.

— Толик, — сказала я, — к берегу.

Мы зачалились, перетряхнули весь катамаран на три раза, но самой палатки не было. Катастрофа.

— Толик, — я подняла на него глаза, — ты её привязал?

— Нет, — ответил он.

В его ясных глазах светилось недоумение. Было очевидно, что эта мысль даже не посетила его голову.

Та-ак.

Поскольку палатку дали мне, то отвечать за неё мне, и объясняться с Мерзляковым тоже мне. Черт!

Мы подплыли к его катамарану.

— Петрович, — сказала я, — мы потеряли палатку.

И, чтобы он меня не убил на месте, быстро добавила: — Я оплачу.

Что ж, по крайней мере, жить меня оставили.

К вечеру наш левый баллон настолько спустил, что Толик сказал:

— Я уже в воде сижу. Давайте чалиться и ждать катамаран с лягушкой.

Мы зачалились, но время уже было настолько позднее, что я решила пройтись вниз по берегу. Первым шел катамаран Петровича, и он должен был где-то поблизости уже встать на стоянку. Река в этом месте делала поворот, и сразу за поворотом я действительно увидела два наших ката. Верну-

лась назад. Сказала, что 200 метров мы доплывем, и уже минут через 10 мы присоединились к остальным. Лагерь расположился на маленьком пятачке у воды, т.к. верхняя площадка была кем-то просто засрана. В этот вечер палатки разворачивали намного быстрее.

Я, как всегда, занялась ужином.

— Ты что, за жарку будешь делать? — с жалостью посмотрела на меня Наталья Львовна.

— Буду! — ответила я.

— А я бы так тушенку в кашу запустила, чтобы не возиться, — сказала Наталья.

— Вот поэтому я тебя и не взял поваром, — резюмировал Петрович.

Уже были сумерки, а мой рюкзак сиротливо валялся под ногами.

— Где ты спать будешь? — подошла ко мне Ольга Васильевна. Во всех палатках народ был достаточно плотно, и только Петрович в своей палатке жил один. Он тоже подошел, заинтересовавшись.

— Нагло припрусь на порог к Петровичу, — сказала я. — И не думаю, что он меня выгонит. Потому что я знаю одно волшебное слово: «Жрать не дам!»

(По своему опыту я знаю, что этот аргумент для мужиков просто смертелен.) Все расхохотались. Вопрос с жильем был решен.

В первый день на реке мы утпили не только палатку, ушла уйма всякого барахла, и личного, и общественного.

— Петрович, представляешь, что будет к концу похода, если так и дальше пойдет? — мне стало смешно. Но Петровичу было не до смеха.

— Не надо, — он чуть не застоялся.

На следующий день он на утренней линейке провел инструктаж по поводу того, что все надо привязывать. Ибо не привязанная вещь — потерянная вещь.

Утро среды было прохладным. Дети уже привычно сворачивали лагерь, упаковывали рюкзаки, подкачивали баллоны. Да и коробки с

продуктами заметно уменьшались в своем количестве. Петрович, как всегда, всех подгонял. Наконец отчалили.

Первая остановка в тот день у нас была у Демидовского камня. На этой стоянке у меня произошла смена экипажа. От нас ушел Ванечка-Якут. А вместо него сел Владик. Смуглый такой мальчишка, года на два старше Вани. А Тему, разглядывавшего надпись на борту, вдруг осенило:

— Так у нас не Пегасос, а Пегасус! (крылатый конь)

(Как вы лодку назовете, так она и поплывет.)

— Ну, все, сейчас мы, как тыгыдымские кони, и поскачем! — весело сказала я.

Лучше б я этого не говорила!

Баллон наш с вечера подклеили, и спускал он теперь намного меньше. Владик как-то удачно вписался к нам в экипаж, и мы потихоньку начали обгонять один катамаран за другим.

Тем временем мы обогнали почти всех. Я была уверена, что впереди у нас только Людмила Николаевна с красным флагом. Я же помнила, она отчаливала со стоянки, как всегда, первой, значит, должна быть впереди. В этом меня поддерживал Тема. Дело шло к обеду. И я сказала детям, что Людмила Николаевна наверняка сейчас ищет стоянку для обеда, и чем быстрее мы её догоним, тем дольше будем отдыхать.

Вперед, мои орлы! За тем поворотом нас ждет обед!

Но поворот шел за поворотом, а впереди так никого и не было. Дети ныли. Все устали. И как назло, вокруг не было ни души, чтобы спросить, а не проплыл ли мимо катамаран. Время было уже 2 часа.

Значит, Людмила уже где-то встала на обед, но где-то чуть впереди. Ну, давайте, еще чу-ть-чуть поднапряжемся, уговаривала я экипаж. Хорошо, что впереди показался пляжик с кучей народа.

— Не проплыл ли мимо вас катамаран примерно с полчаса назад, — кричу я.

— Нет, не видели, — говорят.

Ну, мало ли, думаю, может, проглядели, не все же время они на речку плятятся. Спрашиваю следующих. И только когда мне в третий раз сказали: «нет», я поверила что действительно впереди никого нет. Значит, мы первые.

— Я же говорил, — проворчал Толик.

Мы зачалились. Первым делом я отправила детей купаться. Тем временем сходила к соседям по пляжу, попросила у них что-нибудь от солнечных ожогов. Все мы капитально сгорели. Намазала всех, включая Толика, хоть он и сопротивлялся. Потом я тем, что было из съестного у нас на катамаране, накормила детей. В общем, получил

ся нормальный перекус, чай у нас был, сушки, пряники, сгущенка.

Но на душе у меня скребли кошки. Мы слишком оторвались вперед, и я понимала, что Петрович мне навешает. И чем дольше мы сидели, дожидаясь остальных, тем сильнее становилось это чувство.

Что происходило в этот момент у остальных — для меня тайна. Может, кто-нибудь поделится?

Рассказывали, что вначале решили, что мы уплыли вперед, потом, что мы отстали, и стали нас ждать. Искали нас по всем протокам и даже думали, что мы спрятались сами и спрятали катамаран (правда, мне не понятно,

с какой целью мы бы все это проделали).

Значит, я сижу на бережку, спокойно допиваю чай и жду, когда появится начальник и будет меня распинать. А что еще делать?

Часа через два из-за поворота показался катамаран Натальи Львовны. И сразу в крик. Но почему-то на Толика.

— Толик, — орала она, — ты почему уплыл вперед?

— Наталья, — вмешалась я, — на катамаране старшая я. Кричи на меня, при чем здесь Толик?

Но на нее этот аргумент не подействовал.

— Ты первый раз на реке, — отмахнулась от меня она. — А Толик — водник.

Постепенно подтянулись остальные катамараны. Оказывается, со всем этим бардаком никто не ел. Начинаем перекус. Мои едят по второму разу, ничего, все влезло.

— Толик, ты поел? Ты наелся? (Он ведь тоже «мой ребенок».)

— Что вы обо мне, как о маленьком, заботитесь, — ворчит Толик.

Петрович собирает командный состав и читает лекцию о том, как себя надо вести на реке, если ты в группе. Держать в поле зрения хотя бы один кат и т.д. Немного, конечно, с опозданием, но уж лучше поздно, чем никогда. Зато потом Сергей поделился с нами по секрету, что именно потому, что были

гонки за нами до обеда, вечером мы вовремя стали на стоянку.

Вечером мы стояли у заброшенной деревни, там, где в Чусовую впадает речка Серебрянка. От всей деревни осталась только баня и еще какой-то сруб. Баню, кстати, как специально, кто-то подтопил к нашему приезду. За дровами тоже ходить далеко не пришлось. На земле валялись огромные колоды.

Ежедневная физическая нагрузка растревожила травму, которую я умудрилась получить на предыдущем этапе. Да так, что уже любое движение вызывало

дикую боль. Я не могла заснуть ночами, мне было больно смеяться, но самое больное было чихать. Короче, я довела себя до такого состояния, что на следующее утро не смогла встать на готовку завтрака.

— Вставай, — пинал меня Петрович.

— Не могу, — отвечала я, — у меня сил нет.

— Вставай, — Мерзляков был безжалостен (мстил, наверное).

— Тогда ставь мне обезболивающий, я вконец измучилась.

Укол мне поставили, и я приступила к своим обязанностям. Благодаря уколу я дожила до вечера в более или менее нормальном виде.

Это был четверг. В этот день мы должны были проплыть большую деревню Кын.

Сплав в экипаже имеет свои особенности. У нас на катамаране был уже свой сленг, свой фольклор, свои песни и т.д. И я думаю, на каждом катамаране также.

Места на реке, где было течение и можно было не грести, у нас назывались «халява», был и специальный крик: «Приди, халява». Халяву всегда призывали девчонки. Один раз, правда, Тема напрочь меня убил комментарием:

— Ну вот, своим криком всю халяву распугали.

По поводу случая, когда мы ускакали вперед, тоже было.

— Так, у нас 6 катамаранов. Пять мы обогнали. Где шестой? Впереди?! Догнать!

В этот день мы обедали у камня, который называется Печка, чуть-чуть не доходя Великана.

Напротив камня был пляжик, где предприимчивые местные бизнесмены развернули кемпинг и торговую точку. На этот раз мы ели, как белые люди, за столами. И, конечно, как всегда на стоянке, купались.

После Великана была деревня Кын. Тут нас немного замочил дождик. Весь этот день над нами кругами ходила гроза. Грозилась, грозилась, да так и ушла ни с чем. На нашем катамаране ответственная за погоду была Оля. Я ей все время говорила: «Держи погоду, держи погоду». И она держала, умничка.

В Кыне ребяташки, кто успел, вдохнули запаха цивилизации в виде шоколадок и газировки из магазина. Я купила сахара. И опять на воду. Мы спешили. Петрович поставил задачу дойти до заброшенной деревни и там стать на ночь.

Два слова о речном загаре. На воде все, конечно, сгорали страшно. К концу похода все были черными как головешки. Но загар был своеобразный. То есть какой частью тела ты был повернут к солнышку, та и загорала. Черные спины и белые пузики. Даже кисти рук загорели неравномерно, так, как держали весло. Т.е. две фаланги пальцев были темные, а одна светлая. Пятнистый загар.

Ближе к вечеру наши с Натальей катамараны шли впереди. Вперед, к заброшенной деревне. Все стоянки, как обычно, уже заняты. Вдруг проплываем одну свободную. Но ведь мы плывем к заброшенной деревне! Ладно, идем дальше. Буквально через километр еще одна свободная стоянка. Тут уж я не выдерживаю. Наталья, говорю, давай зачались, хотя бы посмотрим, что за стоянка. Ведь неизвестно, у этой

заброшенной деревни есть ли место, где вообще можно встать. Наталья упирается, нет, говорит, Петрович велел плыть до заброшенной деревни. В конце концов, решили чалиться, а там пусть Петрович решает, дальше плыть или здесь оставаться. Стояночка оказалась чудесной. Со столом, накрытым белой скатертью, со скамейками, с костровищем. Убранная, чистенькая. Решили ночевать здесь.

Я была горда собой. «А без меня, а без меня, здесь ничего бы не стояло, здесь ничего бы не стояло, когда бы не было меня!» — мурлыкала я, глядя на разворачивающийся лагерь.

Это был последний вечер на реке. В этот вечер я сдохла окончательно. Приготовила ужин, а потом расстелила пенку на землю, легла на неё и попросила меня не трогать.

На этом этапе дети засыпали быстро. Ещё бы, так пахать целый день. Но господа инструкторы что-то засиделись. Можно понять, конец маршрута, завтра выброска. Посидели за бутылочкой пива (это у детей понятие цивилизации связано с шоколадками, а у взрослых — с пивом).

На ночь Петрович вкатил мне ещё один укол. И хорошо. Это была единственная ночь, когда я спала.

Утро следующего дня было туманным—туманным. Все вор-

чали с утра, недовольные ранним подъемом.

И только я сказала, что почти счастлива. Какое это, оказывается, счастье – ночной сон!

Мокрая одежда за ночь не высыхала. Поэтому её и не сушили. Просто снимали и переодевались в сухое на ночь. А утром снова одевали мокрую «речную» одежду, все равно ведь в воду. Надо было слышать, что за крики при этом раздавались. Брачный рев оленя самца был, по сравнению с ними, шепотом.

Туман улетучился, пригрело солнышко, а мы, как всегда, спешили. К 12 часам дня мы должны были выйти к Нижней Ослянке (интересно, откуда взялось это название?), до часу разобрать катамараны, а в час за нами уже должен был подойти автобус.

Ну, что же, вперед, к концу нашего пути.

До брошенной деревни мы вечером не дошли буквально один поворот. Ну и правильно, что не дошли. Лагерь действи-

тельно негде было ставить. В «брошенной» деревне стояли дома со спутниковыми антеннами и бродили коровы. Но, чтобы не противоречить начальнику, мои дети сказали, что деревня брошена, а это все мираж.

После деревни был очень жесткий участок реки, пожалуй, самый трудный за весь маршрут. Стояк, и очень сильный встречный ветер. Это как раз тот вариант, когда ты гребешь по течению, и не только с места не сдвигаешься, а тебя еще ветром вверх тащит. Подарочек под конец. Ничего, выгребли.

К Ослянке прибыли вовремя. Разборка катамаранов прошла намного быстрее сборки. А я, как всегда, занималась перекусом, упаковкой продуктов и подсчетом остатков.

Петрович нервно мерял берег шагами. Час давно прошел, минуло и два, время приближалось к трем, а автобусов не было. И он решил придраться ко мне:

– Ты остатки продуктов переписала?

– Мог бы и не спрашивать, – я постаралась, чтобы в моем голосе прозвучали негодование и укоризна.

Он походил по берегу ещё немного. Подошел:

– Сегодня хоть пятница?

Ну что здесь скажешь. Я подумала и ответила:

– Точно не помню, но выплывали в понедельник.

Автобусы подошли примерно через полчаса. Обратная дорога была длинной. Сначала долго по щебенке, потом на тагильский тракт, и домой.

Вместо 4-х часов вечера, когда нас ждали родители, мы приехали часам к 8. Я думала, что они нас просто порвут. Но все как-то обошлось. Все были рады, что их дети наконец вернулись.

По дороге обсуждали уже следующий этап. Чтобы детей загрузить по полной программе, я предложила устроить им разборку и сборку аквалангов с завязанными глазами. А чем ещё на озере целую неделю заниматься?

Используя GPS-приемник, вы можете проложить маршрут до интересного места, которое мы вам рекомендуем посетить. Введите в память прибора координаты предлагаемых путевых точек и постройте маршрут поездки на

Камень Дыроватик

Экскурсии «Уральского слепопыта»

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Гора ДЫРОВАТИК расположена в Пригородном районе Свердловской области возле поселка Черноисточинск, в 3 км на север. Высота 382,2 м. Геоморфологический памятник природы. Оригинальная форма рельефа на вершине горы в виде огромной арки — «дыры». На вершине горы стоит бетонный столб, скальная арка, давшая название горе, находится в 50 м на юг.

GPS plus

Сеть специализированных магазинов "GPS plus":
 Екатеринбург, ул. Малышева, 85а, тел.: (343) 216-11-78
 Екатеринбург, ул. Восточная, 230, тел.: (343) 356-50-39
 Пермь, ул. Соловьева, 12, тел.: (342) 215-51-46
 Тюмень, ул. Семакова, 20, тел.: (3452) 24-22-08
 Уфа, ул. Р.Зорге, 9/3, тел.: (347) 277-79-32
www.greplus.ru

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

№	Точка маршрута	Широта	Долгота
1	г. Екатеринбург, редакция журнала	N56°50'087"	E60°35'382"
2	Выезд на Серов	N59°35'274"	E60°25'405"
3	Поворот на Черноисточинск	N57°45'342"	E59°53'055"
4	Съезд с дороги	N56°26'669"	E60°11'240"
5	Въезд в лес	N57°45'692"	E59°51'871"
6	г. Камень Дыроватик	N57°46'283"	E59°51'629"
7	Скала-арка	N57°46'260"	E59°51'599"

АДРЕНАЛИН -action

17-19 марта

При поддержке:

- Министерства природных ресурсов Свердловской области
- Министерства физкультуры, спорта и туризма Свердловской области
- Союза охотников и рыболовов Свердловской области
- Федерации силового экстрима России
- Ассоциации экстремальных видов спорта Урала
- Российской ассоциации «Экология Неизвестного»
- Уральского координационного совета по аномальным явлениям

Генеральный страховщик: Екатеринбургский филиал ОАО ГСК «Югория»

в программе:

II Международная научно-практическая конференция «Урал – часть мировой системы активного и экстремального туризма: проблемы и перспективы развития»
 Организатор: Институт физической культуры, социально-культурного сервиса и туризма (УГТУ-УПИ)

Международный форум «Территории природно-космических аномалий. Уральский феномен-2009г.»
 Организаторы: Российская ассоциация «Экология Неизвестного», Уральский координационный совет по аномальным явлениям.

Семинары, презентации, конкурсы, соревнования, show-actions.

ОХОТА, РЫБАЛКА

V межрегиональная выставка

- Снаряжение, экипировка;
- Оружие, аксессуары;
- Приборы, оборудование;
- Техника, транспорт;
- Сырьё и оборудование для производства спец. товаров;
- Таксидермия, сувениры;
- Фото и видеоохота;
- Целевой туризм, отдых;
- Аудио, видео, печатная продукция.

EXTREME – СПОРТ, ТУРИЗМ

VII межрегиональная выставка

- Горный экстрим;
- Водный экстрим;
- Воздушный экстрим;
- Наземный экстрим;
- Городской экстрим;
- Силовой экстрим;
- Спортивные товары и оборудование;
- Другой: круизы, «корпоратив», экспедиции.

АНОМАЛИСТИКА

спецпроект

- НЛО;
- Полтергейст;
- Необычные формы жизни;
- Пространственно-временные аномалии;
- Биоинформационный обмен в природе.

КОСК «Россия»

www.kosk.ru
 620072, Екатеринбург,
 ул.Высоцкого, 14,
 expopsa@kosk.ru,
 expoman@kosk.ru
 (343) 347-48-08,
 347-64-20, 222-63-73

6-я Международная выставка „Охота. Рыбалка. Отдых - 2009“

Специализированная выставка „Охотничий мир России“

с 26 февраля по 1 марта 2009 года

Организаторы

КРОКУС Экспо

Международный выставочный центр
 МВЦ «Крокус Экспо»
 143400, Московская область, г. Красногорск,
 пл. «Красногорск», в/л 92
 85-86 км МКАД (пересечение МКАД и Волоколамского шоссе)
 тел. +7 (495) 727-25-26, 727-25-88
 e-mail: safaril@crocus-off.ru
 www.safarilexpo.ru

При поддержке

Партнеры

Совет Федерации +
 Государственная Дума
 Федерального собрания
 Российской Федерации

Ассоциация «Росохотрыболовсоюз»

Министерство
 сельского хозяйства
 Российской Федерации

Генеральный
 информационный
 спонсор:

Информационный партнер
 МВЦ «Крокус Экспо»

Информационный партнер
 МВЦ «Крокус Экспо»

Реклама на сайте и на территории МВЦ «Крокус Экспо»: тел.: (495) 727-26-39, www.crocus-reklama.ru
 Аренда конференц-залов и презентационного оборудования: тел.: (495) 727-25-93, 727-26-15

УРАЛЬСКИЙ снегони́м

uralstalker.ru

Уральский снегони́м. октябрь, 2008

октябрь
2008

**ОЛИМПИЙЦЫ
ИЗ НИЖНЕГО ТАГИЛА**

Говорю правду!

«Уральский Следопыт»: Сергей Васильевич, ваше становление как писателя в значительной мере связано с историей журнала «Уральский следопыт» — ведь здесь публиковались одни из ваших первых рассказов. Каково ваше отношение к журналу — чем для вас был «Уральский Следопыт»?

Сергей Лукьяненко: На самом деле журнал «Уральский следопыт» в какой-то период времени был для меня всем. Первое моё знакомство с журналом состоялось в 1979 году, с номера 2, где начал выходить роман Евгения Гуляковского «Сезон туманов». То есть мне было почти 11 лет. Это была совершеннейшая фантастика, простите за тавтологию, потому что я жил в городе Джамбуле, это юг Казахстана, глухая по тем временам провинция Советского Союза. Я обожал фантастику и даже не представлял тогда, что встречаются журналы, в которых фантастику публикуют часто. И был такой вот удивительный момент, когда мой отец принёс с работы этот журнал. Его даже не мы выписывали,

так как в те времена на него сложно, почти невозможно было подписаться за пределами Свердловской области. Журнал выписывали у отца на работе, и он принёс его домой. И я открываю журнал и вижу, что там очень много фантастики — рассказы: один, второй, а дальше большая увлекательная фантастическая повесть. С массой увлекательных приключений, иные цивилизации, звездолёты. Это было настолько необычно, ново. Помню, как я с дрожью ожидал каждого следующего номера. Для меня внезапно открылось окно в фантастический мир. И было очень обидно, что так сложно было на него подписаться — это был ещё один элемент советского дефицита тех времён, совершенно глупого, бессмысленного: человек, который хотел читать этот журнал, не мог вот просто так прийти на почту и подписаться на него. Это же был не западный журнал, а наш, родной, выдержанный в совершенных советских традициях, не нёсший в себе политики, но тем не менее то, что в нём публика-

Борис Долинго, Сергей Лукьяненко и Максим Фирсов